

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1952 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

2

МАРТ — АПРЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА — 1980

СОДЕРЖАНИЕ

К 110-летию со дня рождения В. И. Ленина

Денисов П. Н. (Москва). Об изучении языка В. И. Ленина	3
Филин Ф. П. (Москва). Противоречия и развитие языка	8

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Савченко А. Н. (Ростов-на-Дону). Речь и образное мышление	21
Комлев Н. Г. (Москва). Фридрих Кайнц и статус психологии языка	33
Лаптева О. А. (Москва). О грамматике устного высказывания	45
Земская Е. А., Ширяев Е. Н. (Москва). Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная?	61
Глушак Т. С., Семенова С. К. (Минск). К проблеме обоснования статуса функционально-семантических категорий в языке	73

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Мустайоки А. (Хельсинки). К вопросу о понятии «условное ударение» и типах ударения существительных в русском языке	80
Партенадзе М. X. (Батуми). Об основаниях отбора диалектных слов для словарей литературных языков	87
Стеценко А. Н. (Москва), Холодов Н. Н. (Смоленск). Об основных тенденциях и путях развития системы сочинения в русском языке	99
Домашнев А. И. (Ленинград). Понятие структуры современного немецкого языка в трудах В. М. Жирмунского	111
Скацел И., Шустек Э. (Острава). Русский язык в ЧССР (по данным обследования Остравского промышленного р-на)	119

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Губачек Я. (Острава). О традиции в изучении сленга в чешском языке	127
--	-----

Рецензии

Дешериев Ю. Д. (Москва). И. К. Белодед, Г. П. Ижакевич, Т. К. Черто-рижская. Русский язык как источник обогащения народов СССР	136
Смирнов С. В. (Тарту). Ф. М. Березин. История русского языкознания	139
Серкова Н. И. (Хабаровск). О. В. Долгова. Семиотика неплавной речи	143
Пирейко Л. А. (Москва). Л. П. Смирнова. Исфаханский говор	146

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Галсан С. (Улан-Батор). Язык дружбы и социального прогресса. (Письмо в редакцию)	149
Хроникальные заметки	151

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. С. Ахманова, Ф. М. Березин, Р. А. Будагов, Ю. Д. Дешериев, А. И. Домашнев, Ю. Н. Караулов, Г. А. Климов (отв. секретарь редакции), В. З. Панфилов (зам. главного редактора), В. М. Солнцев (зам. главного редактора), О. Н. Трубачев, Ф. П. Филин (главный редактор), В. Н. Ярцева

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка, редакция журнала «Вопросы языкознания». Тел. 202-92-04

Зав. редакцией И. В. Соболева

К 110-летию со дня рождения В. И. Ленина

ДЕНИСОВ П. Н.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА В. И. ЛЕНИНА

Минуло сто десять лет со дня рождения В. И. Ленина. Эпоха литературно-публицистического творчества В. И. Ленина (1893—1923 гг.) удаляется от нас, но богатейшее содержание ленинских трудов остается для нас бесконечно дорогим и близким. Язык его произведений — факт современности.

Филологическая Лениниана начала складываться во второй половине 20-х годов благодаря работам Ю. Тынянова, Б. Томашевского, А. Финкеля, Л. Якубинского и др.¹ Тогда же была высказана мысль о необходимости создания словаря языка В. И. Ленина как исчерпывающего свода слов с указанием частоты их употребления, а также перечня застывших выражений, соответствующих сложной нерасчлененной мысли, и некоторых цитат, приравняваемых к словам. А. Финкель, писавший об этом, выразил надежду: «Возможно, что этот идеал будет со временем достигнут, и мы будем иметь словарь ко всем сочинениям Ленина»².

Необходимость составления ленинского словаря обосновывалась многими авторами и позднее³. Но только в 1972 г. Институт русского языка АН СССР приступил к реальному осуществлению этой огромной и ответственной работы. Надеемся, она будет доведена до конца. Картотека, в основном, собрана. К концу 1979 г. карточек по тридцати семи томам Полного (пятого) собрания сочинений В. И. Ленина (тт. 1—7, 11—18, 21—23, 27, 28, 30—35, 38—41, 46—51, 53) были разложены по алфавиту в соответствии с инструкцией⁴. Объем картотеки при этом составил 1 395 126 карточек. В целом картотека, завершение которой планируется на ближайшее время, будет содержать 2,3—2,5 млн. карточек.

Качество картотеки высокое. Воспроизведение каждой карточки типографским способом (тиражом 100—120 экз.) не только гарантирует идентичность текста, но и обеспечивает в будущем создание вспомогательных картотек по ста признакам, например, хронологическим (ранние работы—последние работы В. И. Ленина), жанровым (научные труды, публицисти-

¹ См.: «Ленин и язык (библиография)», сост. А. Л. Сахаров, М., 1970 (роптапринт), включены работы 1924—1969 гг.; «В. И. Ленин о языке. Язык и стиль произведений В. И. Ленина. Указатель литературы (1924—1970)», сост. М. А. Македонская, М., 1970 (роптапринт).

² А. Финкель, О языке и стиле В. И. Ленина, вып. 1, М., 1925, стр. 1.

³ См., например: Н. М. Малеча, О словаре языка В. И. Ленина, «Р. яз. в шк.», 1959, 2; В. В. Виноградов, Стиль В. И. Ленина и задачи текстологии, ВЯ, 1970, 2, и др.

⁴ «Инструкция по составлению картотеки для словаря языка В. И. Ленина», М., 1974.

ка, письма, записки и т. д.), тематическим, синонимическим, антонимическим, словообразовательным и т. д.⁵ Картотека будет представлять самостоятельную научную ценность, станет национальным достоянием. На ее основе в течение длительного времени сможет базироваться не только филологическая Лениниана, но и другие — историческая, философская, экономическая и т. п.

В одиннадцатой пятилетке начнется составление текста словаря. Его общие установки, принципы его построения уже определены⁶. Составление текста словаря, сопутствующие историко-лексикологические, семасиологические, стилистические и теоретико-лексикографические исследования станут на длительный период организующим стержнем дальнейшего развития филологической Ленинианы в нашей стране и за рубежом.

Язык В. И. Ленина — важнейший этап в истории современного русского литературного языка, классический образец русской научной и публицистической речи конца XIX — первых десятилетий XX в. Ленинской терминологией в области философии, экономики, права и государства, научного коммунизма и социалистической идеологии мы пользуемся сейчас и будем пользоваться в будущем. Стили ленинской письменной и устной речи — научной, публицистической, ораторской, деловой, эпистолярной — оказывали и впредь будут оказывать серьезное воздействие на развитие стилистической полифонии современного русского литературного языка. Ведь все мы изучаем труды В. И. Ленина в школе, в вузе, в сети политического просвещения, пользуемся ими в нашей исследовательской работе. В этом отношении подготавливаемый в Институте русского языка АН СССР «Словарь языка В. И. Ленина» должен быть адресован всему советскому народу, а также и нашим зарубежным друзьям. Это должен быть строго научный, академический в лучшем смысле этого термина словарь, рассчитанный на массового читателя. Его научность должна быть общепонятной и общедоступной.

В построении словаря также должно быть учтено и то обстоятельство, что произведения В. И. Ленина стремятся читать в подлиннике и широчайшие слои советских и зарубежных читателей, для которых русский язык не является родным. Сочинения В. И. Ленина в настоящее время переведены на 109 языков; будут создаваться новые переводы, в орбиту перевода будет вовлекаться более широкий круг ленинских работ. Подготавливаемый нами «Словарь языка В. И. Ленина» должен стать настольной книгой и для переводчиков.

Эти практические задачи должны в первую очередь заинтересовать исследователей, посвятивших свою жизнь созданию филологической Ленинианы. Рассмотрение характера концентрации работ по узловым проблемам филологической Ленинианы позволяет понять ее внутреннюю архитектуру. Она такова: 1) анализ отдельных произведений В. И. Ленина, 2) анализ стилей В. И. Ленина (научного, публицистического, ораторского, делового, эпистолярного, научно-популярного и др.), 3) анализ языка и стилей В. И. Ленина по отдельным уровням языка (фонетика, морфология, синтаксис, лексика, особенности орфографии и письма В. И. Ленина), 4) анализ языка и стилей В. И. Ленина по риторическим фигурам и тропам (метафора, риторический вопрос, ирония, обличение

⁵ Подробнее о технологии составления картотеки см.: Е. Л. Л и л е е в а, Картотека словаря языка В. И. Ленина, в кн.: «Вопросы практической лексикографии», М., 1979.

⁶ «Словарь языка В. И. Ленина. Проект», отв. ред. Ф. П. Филин, М., 1974. Общие принципы составления словаря изложены в статье: Ф. П. Ф и л и н, О словаре языка В. И. Ленина, ВЯ, 1974, 6.

и сатира, каламбур, парафраз, деканонизация стилей, пародирование, инвектива и т. д.).

В этом реестре основных направлений филологической Ленинианы явно недостает самых необходимых и самых трудоемких исследований историко-лексикологического и историко-стилистического характера. Примерная проблематика этой главы филологической Ленинианы очерчена Ю. А. Бельчиковым⁷. Отметим только три важнейшие темы: 1) историческая типология общественно-политической терминологии; 2) язык В. И. Ленина и современный ему русский литературный язык, в особенности язык художественной литературы XIX в.; 3) стиль В. И. Ленина и стили русских революционных демократов⁸.

Отдельный комплекс проблем, имеющих важное значение для составления «Словаря языка В. И. Ленина», представляет собой тема «Стиль К. Маркса и Ф. Энгельса и стиль В. И. Ленина»⁹.

Рассмотрение филологической Ленинианы по указанным четырем основным проблемам также позволяет вскрыть некоторую неровность как в охвате материала, так и в глубине его проработки. Наибольшее внимание исследователей привлекли следующие произведения В. И. Ленина: «Материализм и эмпириокритицизм», «Развитие капитализма в России», «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «Лев Толстой, как зеркало русской революции», «Партийная организация и партийная литература», «Карл Маркс», «Памяти Герцена», «Памяти графа Гейдена», «О государстве», «О национальной гордости великороссов», «Об очистке русского языка», «О задачах пролетариата в данной революции» («Апрельские тезисы»), «Задачи союзов молодежи», «К деревенской бедноте» и некот. др.

В подходе к тексту наиболее часто анализируемого произведения В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» выделялись, например, следующие аспекты рассмотрения: особенности лексики и фразеологии, использование художественной литературы и фольклора, использование иноязычной лексики, экспрессивные свойства языка и общие наблюдения над языком и стилем данного произведения. Ни в одной из работ, посвященных анализу текста «Материализма и эмпириокритицизма», мы не найдем тщательно выверенных широких сопоставительных размышлений по истории слов и выражений, таких, которые могли бы облегчить составление «Словаря языка В. И. Ленина». В лучшем случае мы находим констатацию фактов по общелексикологической схеме: термины, неологизмы (*безголовцы, махиада, шарлатанизм, изм, измы*), архаизмы (*облыжно,* сей, благовольть, паки и паки*), иноязычные, просторечные и разговорные слова, фразеологизмы¹⁰.

Эта общая схема анализа текста «Материализма и эмпириокритицизма» содержится и в работе А. Финкеля, в которой выделяются пять лексических разрядов: 1) слова уменьшительные и уничижительные: а) по форме: *словечко, поправочка, оговорочка, книжечка, системка, школка, остороженько*, б) по значению: *бессмыслица, вздор, нелепость, фальшь, галиматья, тарабарщина*; 2) слова простонародные: *облыжно, надуть кого, козырять чем, гнуть к чему, сломать себе шею на чем, баста, свихнуться, та-*

⁷ Ю. А. Бельчиков, Значение трудов В. И. Ленина для изучения истории русского литературного языка XIX—XX вв., ВЯ, 1970, 2.

⁸ Отметим недавно опубликованную работу Ю. С. Воронова «В. И. Ленин и великие русские революционные демократы (стилевые традиции)», Саратов, 1979.

⁹ См., например: Н. П. Зверковская, Изучение языка и стилиа трудов В. И. Ленина в ГДР, ВЯ, 1959, 5.

¹⁰ Схема классификации и примеры приводятся в статье: В. Н. Туркин, Из наблюдений над языком и стилем книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», ФН, 1960, 3.

кой (сей) субъект, прилетать что, дескать, де, то бишь; 3) варваризмы: гелертерский, гелертерски-столастический, авгур, беспардонный, конкубинат, пронунциаменто, прожекты, казус, флер, фиаско; 4) архаизмы: сей, паки и паки, сугубо, кто-либо с братией, сиречь, вкупе; 5) неологизмы.

Кроме того, отмечаются как характерные для стиля В. И. Ленина слова *путаник, ибо*, поговорки и поговорки¹¹.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Советская филологическая Лениниана переживает свою собственную эволюцию. В 1925 г. А. Финкель строил свой анализ в канонах «формальной школы». Современные исследователи ищут у В. И. Ленина проявления тех функциональных стилей, которые выделяет в современном русском литературном языке сформировавшаяся за последние 15—20 лет советская функциональная стилистика. Кроме того, А. Финкель называл язык книги «Материализм и эмпириокритицизм» современным в несколько ином смысле: «...предмет моего изучения — произведение современности, т. е. той языковой эпохи, все формы словоупотребления которой даны нам непосредственно. Таким образом у нас есть фон, на котором оцудительней все индивидуальные особенности автора-современника»¹².

Если всмотреться внимательнее в приводимые им примеры, то наше современное чутье языка не согласится с некоторыми рубриками слов. Проблема микродиакронического фона и его изменений с 1893 г. стала теперь гораздо сложнее, чем в 20-е годы.

О второй группе проблем филологической Ленинианы мы уже вскользь упомянули. Развитие функциональной стилистики дает в руки исследователя иную концептуальную схему, нежели схема «формальной школы». Это направление исследований касается «Словаря языка В. И. Ленина» лишь в плане отношений: 1) общелитературный язык — индивидуальный язык В. И. Ленина, 2) функциональные стили общелитературного языка — их реализация в индивидуальном стиле В. И. Ленина. В этом направлении многое остается неизученным, например, разновидности делового стиля у В. И. Ленина (законодательные акты, дипломатические документы, Постановления Совнаркома, партийные документы, с одной стороны, и текущие распоряжения В. И. Ленина, включая его знаменитые записки своим соратникам и помощникам, с другой), разновидности эпистолярного стиля у В. И. Ленина и другие проблемы.

Из третьей группы проблем выделим только вопросы лексики. Не потому, что вопросы фонетики, морфологии, синтаксиса и орфографии были менее важны, а только потому, что наш обзор делается в интересах «Словаря языка В. И. Ленина». В лексическом плане в филологической Лениниане затронуты практически все сколько-нибудь заметные в ленинских текстах разряды слов: обиходно-бытовые слова и термины, славянизмы, латинизмы, грецизмы, библеизмы (включая фразеологию), народно-разговорная лексика (включая афористические жанры народного творчества), крылатые слова и выражения из литературы и эпоса многих народов, синонимы, слова с уменьшительными суффиксами, с приставкой *архи-*, военные слова и выражения (включая их образно-характеристическое употребление — *застрельщик, трудовая армия, продовольственный отряд, хозяйственный фронт*), образно-экспрессивная лексика, неологизмы (*звостизм, партийность, попутчик*) и многие другие разряды, ряды и серии слов. В этих исследованиях также подчас ощущается дефицит в конкретно-исторических разысканиях на широком сопоставительном материале как внутри разных функциональных стилей современного В. И. Ленину

¹¹ А. Финкель, указ. соч., гл. I—II.

¹² А. Финкель, указ. соч., стр. X—XI.

русского литературного языка, так и в плане взаимодействия, в первую очередь, с немецким языком, а также с английским и французским.

Четвертая группа проблем филологической Ленинианы найдет отражение в «Словаре языка В. И. Ленина» в виде регистрации образных и окказиональных переосмыслений слов. Многие риторические фигуры и тропы не поддаются регистрации лаконичными средствами лексикографии. Однако данное направление филологической Ленинианы имеет большое значение для развития советской журналистики.

Сектор «Словаря языка В. И. Ленина» Института русского языка АН СССР, конечно, не может ограничить свою деятельность только рамками практической лексикографии. В меру своих сил мы будем организовывать и проводить теоретические разыскания¹³. Именно в этом смысле необходим общий взгляд на состояние филологической Ленинианы. Работа над академическим «Словарем языка В. И. Ленина» не исключает, а предполагает работу и над другими словарями по различным аспектам обширной лексикографической Ленинианы¹⁴. Так, например, весьма актуальной остается проблема машинной обработки текстов В. И. Ленина в целях составления первичных лексикографических материалов: конкорданса, частотного словаря, обратного словаря, грамматического словаря и т. д.

В Постановлении ЦК КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина» сказано: «Титан научной мысли и подлинно народный вождь, пламенный революционер, создатель Коммунистической партии и первого в мире социалистического государства, Ленин посвятил всю свою яркую, героическую жизнь великому и благородному делу — борьбе за социальное освобождение пролетариата и всех угнетенных масс, за счастье людей труда»¹⁵.

Советские филологи склоняют головы перед величием слова и дела В. И. Ленина. Составление «Словаря языка В. И. Ленина» — актуальнейшая и ответственнойнейшая задача нашей науки.

¹³ См. сб.: «Слово в языке произведений В. И. Ленина», М., 1979.

¹⁴ См., например, «Словарь-каталог философских терминов в произведениях В. И. Ленина „Материализм и эмпириокритицизм“», вып. 1 (А—З), Горький, 1970 (роптапринт).

¹⁵ Постановление ЦК КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «Правда» 16 XII 79.

Филин Ф. П.

ПРОТИВОРЕЧИЯ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА

Лингвисты, начиная с начальных этапов истории языкознания, в теоретическом плане обращали основное внимание на раскрытие языка как системы. Это вполне понятно и закономерно, поскольку как язык в целом, так и его отдельные звенья и элементы всегда представляли и представляют собою организованное орудие общения со своим особым устройством (структурой). Посредством хаотического, беспорядочного выбора знаков и значений невозможно ни выразить свои мысли, ни накапливать знания любого рода. Представления об алогичных («дологических») этапах в развитии мышления в языке «примитивных» племен, выдвинутые Леви-Брюлем и некоторыми другими учеными, явно ошибочны. И в «примитивных» языках, начиная с возникновения человеческой речи, есть своя логика и своя система. В любых языках заложены потенциальные возможности развития и прогресса, которые реализуются по мере поступательного хода истории. Как считает Н. Д. Андреев, отдаленные предки теперешних индоевропейцев, живших в эпоху верхнего палеолита, обладали небогатым словарем и примитивно-«конкретным» (скорее синкретическим) мышлением и соответственно слабо развитым набором представлений. В то же время речь их была несомненно организованной, имела свои фонетические, словообразовательные и иные закономерности (без чего невозможна была бы сама реконструкция, неизбежно во многом гипотетическая, раннего праиндоевропейского праязыка) ¹. В принципе вопрос о системности человеческой речи на всех стадиях ее развития, начиная с самых ее истоков, ясен. Неясными пока остаются сами конкретные стадии, поскольку лингвистам еще не удалось подобрать ключа к их раскрытию ².

Понятие «языковая система» в лингвистике всегда существовало, оно только изменялось. Тезис об «атомарном» (дососсюрловском) и «системном» (послессоссюрловском) подходах к языку, который высказывался многими структуралистами, неверен или по крайней мере сильно преувеличен. «Атомарным» способом (т. е. изучением разрозненных, отдельно взятых явлений языка) нельзя было бы открыть звуковые законы и все другие закономерности, установленные «дососсюрловским» языкознанием. Конечно, языкознание XX в. стало иным по сравнению с тем, каким оно было в XIX в. Теперь для всех (и независимо от Ф. де Соссюра) очевидно, что все явления всех языковых уровней в разной степени (прямой и опосредованной, причем опосредованность бывает близкой и отдаленной) взаимосвязаны друг с другом, не теряя при этом своей специфики. Одним из главных расхождений между современными лингвистами в понимании языковой системы, имеющим принципиальное методологическое, философское значение, является то, что одни из них на первый план ставят от-

¹ См.: Н. Д. Андреев, Периодизация истории индоевропейского праязыка, ВЯ, 1957, 2; е го же, Раннеиндоевропейские корни с веллярными спирантами, ВЯ, 1978, 5, и др. его работы, посвященные реконструкции раннего индоевропейского праязыка.

² Г. А. Климов, К типологической реконструкции, ВЯ, 1980, 1.

ношения между элементами языковой субстанции и даже саму субстанцию считают производной от отношений и связей (это структуралисты с их философским релятивизмом и неопозитивизмом, стремлением «математизировать» все и вся, заменить язык лингвистики якобы «универсальным» языком математической логики), другие, наоборот, языковую субстанцию оценивают как первичное, а все отношения между ее элементами как вторичное, хотя, разумеется, активно воздействующее на субстанцию (это, прежде всего, представители марксистско-ленинского языкознания, пользующиеся индуктивно-дедуктивными методами исследования и рассматривающие язык и мышление как отражение в человеческом мозгу объективной, не зависящей от нашего сознания действительности)³.

Обычно говорят, что язык — не замкнутая, а открытая система, т. е. в нем всегда что-то прибавляется, а что-то убывает. Это, конечно, верно. Однако этот тезис указывает только на какие-то количественные изменения, а их качественный характер остается нераскрытым. Для сторонников подхода к языку только с синхронных позиций языковые изменения стоят на последнем плане, их часто ради «чистоты» теоретических построений игнорируют. Лингвистам этого направления важнее всего описать структуру языка (или отдельных ее сторон) и как «действует» эта структура на избранном исследователем отрезке времени. Язык уподобляется любой искусственно созданной семантической системе, своего рода механизму, подобному какой-либо машине. Историзм при таком подходе к нему оказывается излишним, над ним даже пронизируют. Однако еще в античную эпоху были подмечены всякого рода исключения их грамматических правил. После младограмматической формулировки звуковых законов, которые, если они установлены правильно, не знают исключений, было обнаружено, особенно представителями лингвистической географии, что во время действия этих законов возникают всякого рода перебои, вызванные не только грамматической аналогией, но и разного рода другими причинами. В самом языке как обособленной системе всегда заложены разные потенции, которые могут реализовываться одновременно и вступать в противоречие друг с другом. Мы не говорим уже о внешних факторах, воздействующих на язык. Весь язык на всех его уровнях пронизан противоречиями, что не свойственно машине или системе искусственных знаков. Если в машине возникают «противоречия», она ломается и выходит из строя, а система искусственных знаков, включая всякого рода алгоритмические языки, при наличии в ней противоречий становится непригодной, поскольку в ней знак равен одному значению, прикреплен к нему намертво, как какая-нибудь гайка к винтику. Ошибающийся в игре в шахматы проигрывает партию.

Совсем другое дело естественный язык. В его системе присутствует антисистема⁴, только благодаря наличию в нем противоречий и их преодоление он развивался и продолжает развиваться. Машину можно заменить другой (такой же или более совершенной), ЭВМ и искусственные машинные «языки» в наш век научно-технической революции сменяют друг друга (за одним «поколением» ЭВМ следует другое). Заменить русский язык английским или наоборот (так, чтобы один из них вовсе исчез, как исче-

³ Из обширной литературы предмета выделяем здесь: В. З. П а н ф и л о в, Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты, М., 1977; е г о ж е, Марксистско-ленинизм как философская основа языкознания, ВЯ, 1979, 4.

⁴ Об антисистемности в языковой системе см.: Т. П. Л о м т е в, Внутренние противоречия как источник развития структуры языка, в его кн.: «Общее и русское языкознание», М., 1976; Р. А. Б у д а г о в, Система и антисистема в науке о языке, ВЯ, 1978, 4; М. М. М а к о в с к и й, Соотношение свободы и необходимости в лексико-семантических преобразованиях, ВЯ, 1977, 3. Аналогичные мысли высказывают и некоторые западноевропейские лингвисты.

зают устаревшие ЭВМ) невозможно. Различие между естественными и искусственными языками гораздо большее, чем сходство. Они могут находиться только лишь в дополнительном отношении друг к другу, причем основой всегда являются естественные языки как всеобщее средство общения и неотъемлемая принадлежность любого человека независимо от его специальности, как исходная база для любого искусственного языка.

Языковые противоречия в широком смысле этого слова — явление, когда в одной и той же системе сосуществуют разные и даже противоположные тенденции использования речевой субстанции и речевых отношений. В результате противоборства тенденций одна из них уступает другой и исчезает или тенденции оказываются совместимыми, вследствие чего создается нечто новое, чего не было прежде в системе. Процессы противоборства очень усложняются из-за стихийного развития языка, причем стихийность не исчезла и в наш век кодификации литературных языков.

Языковые противоречия можно условно разделить на внешние и внутренние. Внешние вызваны столкновением различных систем (языковых и диалектных), за которыми стоят изменения общественного характера. Типов внешних языковых противоречий, как и результатов их преодоления, великое множество. Римские завоевания многих областей Европы привели к столкновению латыни с местными языками. Несомненно, какое-то время существовало противоборствующее двуязычие и только затем романская основа победила, в результате чего возникли известные романские языки. Обычно считают, что романские языки, в отличие от своих соседей, имеют праязык, зафиксированный в письменности, и его не нужно реконструировать. Однако это преувеличение. В нестром в этническом отношении Риме обработанным литературным языком владела меньшая часть населения. Подавляющее большинство говорило на бесписьменных диалектах с сильной примесью других языков. Бесписьменная латынь распространилась на территории Франции, Пиренейского и части Балканского полуостровов и в некоторых других районах. Вытеснение кельтских, иберийских, иллирийских, этрусского и иных языков представляло собой наложение бесписьменной многодиалектной латыни на местные языки, оказавшиеся субстратом, который оставил свои следы в каждом из романских языков. Вероятно, задача реконструкции реального прароманского языка является не менее актуальной, чем реконструкция праязыков других групп. Наличие классической латыни облегчает, но в то же время и затрудняет реконструкцию прароманского языка. Так или иначе, сложная языковая ситуация в римских провинциях эпохи возникновения известных романских языков является образцом острейшего конфликта, узла противоречий, и закончилась она исчезновением многих местных языков и возникновением новой родственной языковой группы. Похожими примерами полна лингвистическая история человечества. От многих языков древности сохранились жалкие остатки, следы былого их самостоятельного существования, а от еще большего числа их в непосредственном виде и вовсе ничего не осталось.

Как известно, в результате норманнского завоевания Англии в этой стране установилось своеобразное языковое противоречие: верхушка общества говорила на французском языке, а широкие слои населения продолжали пользоваться древнеанглийским языком. Это ярко выраженное внешнее противоречие было снято, когда образовался английский язык нового типа, лексика которого наполовину оказалась романской. Романизмы были не простым дополнением древнеанглийского словарного состава: многие англицизмы в результате межъязыкового столкновения были вовсе вытеснены, другие преобразовали свои значения; многие романизмы также не удержались в новом языке, некоторые претерпели семан-

тические трансформации. Заметно изменился тип ударения, произошли сдвиги в грамматическом строе и т. п., одним словом, возникла новая языковая система, которая, развиваясь, дошла до нашего времени как современный английский язык.

Своеобразная языковая ситуация сложилась в древней Руси: в конце X в. начинается массовая христианизация восточных славян, а вместе с ней из Болгарии был перенесен язык церковных книг, который называют по-разному: древнеболгарским, старославянским, древнецерковнославянским и даже древнеславянским (Н. И. Толстой). Основа старославянского языка сохранилась, но во многих своих сторонах она оказалась в противоречии с близкородственным древнерусским языком. Уже в первых переписанных на Руси памятниках обнаружилось серьезные отступления от норм старославянского языка из-за давления на них живой восточнославянской речи, колебания этих норм, переставших быть нормами (например, сохранение старославянских букв — юсов при отсутствии носовых гласных в живой восточнославянской речи: юсы начинают употребляться или беспорядочно, или появляются памятники одноюсовые, также с разными искусственными написаниями юсов). Противоречия существовали на всех языковых уровнях, поэтому исследователи называют старославянский язык в древней Руси церковнославянским языком «русской редакции» или «русского извода». В то же время возник оригинальный древнерусский литературный язык. Уже в то отдаленное время в среде книжников происходили споры, какому из этих двух языков нужно отдать предпочтение. Появились промежуточные по языку «средние» типы (русско-церковнославянские), границы которых все время колебались и часто были неопределенными — эти типы стали прообразом «среднего стиля» М. В. Ломоносова, который при Пушкине, вобрав в себя другие стили, становится основой современного русского литературного языка. В течение многих столетий в сфере русской письменности сталкивались между собой близкородственные, но разные языковые системы, порождая все новые и новые противоречия, пока русская языковая основа не одержала окончательную победу (генетических церковнославянизмов в широком смысле этого слова, по моим подсчетам на основе сплошного обследования семнадцатитомного академического словаря и «Обратного словаря русского языка», в лексике современного литературного языка оказалось около 10%; почти все они теперь уже не осознаются как церковнославянизмы, став органическими элементами русской языковой системы) ⁵.

Без раскрытия длительного противоборства русской основы с церковнославянскими элементами (сыгравшими большую роль в становлении русской языковой культуры), а с XVIII «переломного» века и с западноевропейскими «пришельцами», невозможно построить историю не только русского литературного, но в значительной мере и народного языка в целом ⁶, а стало быть, в полной мере понять и устройство современной русской языковой системы.

Языковые системы возникают и на базе столкновения различных норм внутри отдельного языка. Типичный пример тому — образование московского койне, явившегося основой русской литературной системы. Москва, в XIV в. ставшая объединительным центром складывавшейся великорусской народности, оказалась на стыке северновеликорусских и южновели-

⁵ См. об этом: Ф. П. Ф и л и в, О генетическом и функциональном статусе современного русского литературного языка, ВЯ, 1977, 4.

⁶ Ср. описание употребления неполногласных форм в русских говорах: О. Г. П о р о х о в а, Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и говорах. АДД, М., 1978.

корусских говоров, противопоставленных друг другу по ряду существенных признаков всех уровней. В Москву стекалось разноречное население, и первоначально говор центра русского государства был пестрым. Однако постепенно образовывался качественно новый сплав. Вместо разновидностей южного аканья (яканья) и северного оканья (ёканья) сложилась система аканья (еканья — иканья) в первом предударном слоге (независимо от качества ударного гласного, твердости или мягкости последующего согласного) и сильная редукция неударяемых гласных в позиции после согласных в других предударных слогах, начинающихся с согласного, и в заударных слогах. Похожие (но не совпадающие) фонетические системы образовались во всех переходных (средневеликорусских) говорах на стыке северного и южного наречий. Заметная редукция неударных гласных [*вада́*, но *вѣдавѣс*, *акнѣ* — *бкнѣ* (или *ѣ*), *сеѣло* — *сеѣль* (или *ѣ*)], еканье — иканье, усиление динамического ударения — явления новые, не свойственные ни северным, ни южным старинным говорам, представляющие собой своего рода компромисс между окающей и акающей системами исходных формаций. Московское койне стало образцовым для всех, кто овладевал литературным языком. Возникнув как локальное явление, оно теряет рамки территориальной ограниченности, становится общерусским. А если бы центром великорусской народности, позже нации, стала не Москва, а Новгород, находившийся в глубине северного окающего наречия? Не исключено, что образцовым литературным произношением стало бы оканье и другие северные особенности.

Противоречия, обусловленные внешними причинами, имеют место и в современном русском языке. Достаточно упомянуть мощное воздействие в наше время литературного языка на говоры, которое приводит к разрушению архаических диалектных систем, переходу носителей говоров (до социалистической культурной революции они составляли подавляющую часть русского населения) на смешанную полудиалектную речь и на литературный язык со следами диалектизмов (даже в речи известных нам крупных специалистов-русистов проявляются рефлексy фриктивного *γ* — *пирѣх*, *санѣх* и пр., остатки диссимилятивного аканья — *дѣвѣйте*, *сѣма* и т. п. и некоторые другие диалектные явления, находящиеся в явном противоречии с литературными нормами). Овладение образцовым литературным языком для выходцев из диалектной среды — дело сложное и нелегкое, часто оказывающееся непреодолимым (ср. живучесть фриктивного *γ* или фарингального *h*, билабиального *w* и его рефлексов, отвердевшие конечных губных согласных — *крово* «кровь», *любово* «любовь», *сем* «семь» и пр.).

Как было сказано выше, аканье стало нормой русского литературного языка, системным явлением. Однако во многих заимствованных словах обнаруживается противостояние оканья аканью (кавалось бы, закономерностям несоместимым), истоком своим имеющее сохранение произношения языков, из которых были сделаны заимствования: *боѣ*, *борѣб*, *отѣль*, *оѣзис*, *консомѣ*, *раѣдио*, *Флоѣр*, *Зоѣля*, *Вольтѣр* и т. п. Это явное противоречие, которое сохраняется в речи образованных людей. Как оно будет преодолено, сказать трудно. Во всяком случае, многие заимствования допускают двойное произношение: *ботѣфѣрты* и *батѣфѣрты*, *фонѣтика* и *фанѣтика*, *сонѣт* и *санѣт*, *вокалѣзм* и *вѣкалѣзм*, *поѣтѣический* и *пѣѣтѣический* и т. п., т. е. намечается фонетическое обрусение подобных слов. А большинство их включилось в закономерность аканья: *канкрѣтна*, *кастѣм*, *батѣйки*, *прѣжекѣтарѣ* и пр. Аналогичное положение сложилось в произношении твердых и мягких губных и зубных согласных, а также *p* перед гласным *e* в многочисленных заимствованиях: *бѣта*, *ампѣр*, *галиѣфѣ*, *бизнесмѣн*, *стѣк*, *отѣль*, *Бѣлла*, *Фѣб*, *Флоѣр*, *мѣр*, *хризантѣма*, *адѣпт*, *дѣльта*, *шеѣвѣр*,

эпис, газель, кабарэ, Пастэр, Жорэс и пр. Как известно, в русском языке исторически сложилось противопоставление твердых и мягких согласных, которое приобрело фонологическое значение. И вот в эту закономерность врываются тысячи заимствований, ставшие противоречием в сложившейся системе. Большинство из таких заимствований в конце концов уступило системе (*тема, техникум, пионер, декрет, брюнет, техника, музей, газета* и т. п.), другие же упорно сопротивляются русификации, что вызывает известные затруднения при определении, что правильно и что неправильно, у лиц, владеющих литературным языком. Ср. «гиперкорректное» произношение *пионер, музей* и пр. и, наоборот, неправильное *галиф'е, шед'евр, Флоб'ер* и пр.⁷ А в общем преодоление возникшего противоречия идет в направлении русификации иностранных слов (особенно в просторечии), хотя мы не знаем, когда будет узаконено *м'ер* вместо *мэр* и произойдет ли такое узаконение вообще, поскольку многие отмирающие закономерности лексикализируются. Русский язык является флективным, однако в него вторгаются заимствованные слова, которые не склоняются: *пальто, бюро, депо, какаду, мини, макси* и т. п. В общеупотребительном литературном языке уже их свыше полутора тысяч⁸, а в специальной терминологии гораздо больше. Из военного языка проникает тенденция не склонять названия населенных пунктов. Образуется большое количество аббревиатур, многие из которых тоже не склоняются. Налицо определенное противоречие, но оно не приняло характера закономерности, которая взрвала бы флективный строй. Между тем, авторы четырехтомного труда «Русский язык и советское общество» (М., 1968) утверждают, что современный русский язык движется от синтетико-флективного строя к агглютинативно-аналитическому. По поводу этого утверждения В. Г. Костомаров пишет: «Легко заметить, что внешние и внутренние факторы оказываются тут смешанными, и это мешает авторам отличать факты изменения от факторов прогресса. Если и согласиться с главным выводом авторов этого труда о движении русского языка в сторону агглютинативности и аналитизма, нельзя сразу не обратить внимания на то, что тут речь идет лишь о смене техники грамматического оформления. При всей заманчивости такой перспективы, если, конечно, она реальна, ясно, что и флексия, и анализ, и агглютинация способны одинаково выражать все сложности мышления»⁹. И далее: «Действительно развивающиеся в русском языке элементы аналитизма никак не носят (по крайней мере пока) системного всепроникающего характера и не сопровождаются каким-либо намеком на устранение и ослабление синтетизма»¹⁰. Бурно образующиеся аббревиатуры (одно из главных доказательств якобы движения русского языка в сторону аналитизма) в большей части начинают склоняться: *на БАМе, из загса, в ВАКе* и т. п.

Замечания В. Г. Костомарова в основном справедливы. Сколько бы ни появилось слов, не включающихся в парадигмы склонения, это явление остается на лексико-грамматическом, а не на собственно грамматическом уровне и не затрагивает сколько-нибудь заметно основ флективности. Верно также и то, что не всякие изменения являются прогрессом языка. Прогресс языка — такая совокупность изменений в нем, которая позволяет наиболее адекватно выражать накопленные знания на данном

⁷ Эти и некоторые другие подобные явления обстоятельно описаны в классическом труде Р. И. Авапесова: Р. И. А в а п е с о в, Русское литературное произношение, 5-е издание, М., 1972.

⁸ Н. П. Колесников. Словарь несклоняемых слов, Тбилиси, 1978.

⁹ В. Г. Костомаров, Причина и характер прогресса русского языка в наши дни, «Вестник АН СССР», 1978, 10, стр. 90.

¹⁰ В. Г. Костомаров, указ. соч., стр. 97.

этапе исторического развития и наилучшим образом обслуживать все нужды общества. Тут очень уместно вспомнить об органической связи языка с мышлением, об отражении мозгом человека окружающей действительности. В то же время не следует забывать и о том, что язык постепенно изменяет свой облик благодаря разным воздействиям на него, в том числе и внешним, и эти изменения являются одним из важных объектов языкознания. Выше было сказано о том, что в современном русском литературном языке заимствования типа *мэр* стали противоречием закономерному противопоставлению твердости — мягкости согласных. А в древнерусских диалектах южной зоны, из которых сложился украинский язык, полумягкие согласные перед гласными *e* и *и* отвердели (в северной восточнославянской зоне они, наоборот, получили полную мягкость, так называемое «вторичное смягчение»), и твердое произношение в украинском языке заимствований *тэатр*, *тэрмин*, *тэзникум* и пр. является нормой и ничему не противопоставляется. От этого семантика указанного разряда слов не терпит никакого ущерба. Однако это не означает, что подобного рода различия не имеют своего общественно-языкового содержания. Они составляют специфику каждого конкретного языка. Наличие в современном русском литературном языке большой группы несклоняемых слов — одно из выражений этой специфики. Как известно, специфика языка проявляется не только в его материальной стороне, но и в семантической (идиомы, несовпадение значений эквивалентных слов, различия в структурах эквивалентных «семантических полей» и т. д. и т. п.), что привело к известной «теории» Сэпира — Уорфа, в которой такое несовпадение языков было абсолютизировано и соотношения языков между собой представлены в искаженном виде. Многие лингвисты теперь и в прошлом, усматривая в языке самостоятельную, оторванную от мышления систему, отказываются видеть в языке прогресс и даже в уменьшении количества форм видели только регресс («регрессивную» точку зрения блестяще опроверг еще А. А. Потебня и другие языковеды). Широко распространена теория, которую Р. А. Будагов называет «теорией круговорота», подвергая ее обоснованной критике. Согласно этой теории, язык развивается от одного состояния к другому (например, от флексии к анализу), но потом опять возвращается к прежнему своему состоянию (от анализа к флексии) и т. п.¹¹ Разумеется, при таком подходе к языку (и аналогичным ему) ни о каком прогрессе языка не может быть и речи. «Теории круговоротов» выдвигаются и в других дисциплинах (философии, естествознании, истории и т. п.) учеными, которые, кроме сходных черт в развитии чего-либо, ничего не видят, и базируются на идеалистических и механистических методологических концепциях. Между тем, изменения в языках, бесконечно разнообразны, в конечном счете отражают поступательное развитие общества, человеческой мысли. История никогда не может быть заменена антиисторией или лжеисторией (что одно и то же).

Выше шла речь о противоречиях, обусловленных внешними причинами самого разного характера. Вполне справедлива мысль, что несемантических (по иной терминологии, нескрещенных) языков не существует. Даже в первобытные эпохи человеческие коллективы постоянно общались между собой, причем при длительности и интенсивности контактов их языки оказывали существенное воздействие друг на друга. Однако разделение внешних и внутренних причин условно. Во-первых, потому что элементы чужих языков после преодоления возникших в связи с вторжением «пришельцев» противоречий становятся органической принадлежностью вос-

¹¹ Р. А. Б у д а г о в, Что такое развитие и совершенствование языка?, М., 1977, стр. 49 и сл.

принимающей системы и утрачивают свою чужеродность. Кому, например, кроме филологов или филологически образованных людей, придет в голову считать слово *время* не русским, а древнеболгарским (по признаку неполногласия) или слово *хлеб* германским, а не славянским (в частности, русским)? Не случайно, что многие заимствования вызывают среди этимологов и историков споры и остаются неясными. Мы полагаем, что синтаксис старославянского языка испытал влияние греческого синтаксиса, но однозначных решений этой проблемы нет, несмотря на усилия поколений славистов. Во-вторых, мы не всегда уверены, что спонтанные инновации не были вызваны внешними обстоятельствами. Например, у русинов имеется двойное мнение о происхождении цоканья. Одни из них считают, что цоканье появилось в результате совпадения близких друг к другу исходных мягких *с'* и *с'*, имевших слабую смыслоразличительную нагрузку: эти *с'* и *с'* в древних северо-западных диалектах восточных славян совпали в одном мягком шепелявом *с'* или стали смешиваться в потоке речи. Другие видят в цоканье субстратное явление, возникшее вследствие ассимиляции восточными славянами неславянского населения, в языках которого не было противопоставления *с'* и *с'* (если это так, то цоканье появилось в ряде диалектов под влиянием извне). Некоторые лингвисты (например, В. И. Лыткин) к субстратной категории относят даже аканье, появившееся будто бы под древнемордовским влиянием, что мало вероятно. На мой взгляд, аканье и оканье возникли как спонтанные явления: в праславянском языке гласный *o* был открытым (o^a или a^o) и в слабой (безударной) позиции имел двойную возможность своего развития — лабиализоваться ($o^a > o$, оканье) или утратить свой лабиальный признак ($o^a > a$, аканье). Оканье и аканье одинаково древни по своему происхождению. Впрочем, нельзя исключить, что толчком в возникновении аканья было воздействие языка балтийских племен, ассимилированных славянами (в праславянском языке и.-е. *ā* и *ō* совпали в открытом *o*, а в прабалтийском в *a*). Существуют и другие гипотезы на этот счет.

Так или иначе, имманентное развитие языка, безусловно, существует на всех уровнях. Оно вызвано относительной автономией языковых средств, в которых заложена множественность изменений исходного материала, реализующихся по-разному (или вовсе не реализующихся). Если бы это было не так, то, пожалуй, и не было бы великого разнообразия языков и диалектов. В одном из своих выступлений Т. П. Ломтев сообщил, что согласно его расчетам, в русских говорах могло бы быть сорок восемь типов яканья, но реализовалось их гораздо меньше. Что-то помешало их полной реализации. Это «что-то» — бытие русского народа, конкретные речевые контакты его исторически сложившихся этнических групп. Иными словами, возможности имманентных языковых инноваций зависят от общественного развития, исторической обстановки. Поскольку язык развивается стихийно, то любое его изменение проходит ступень противоречий.

Звуковые законы, без изучения которых невозможно историческое языкознание, осуществляются не сразу. Возникнув, они постепенно охватывают языковую или диалектную территорию, встречают сопротивление лексического материала, пока этот материал не будет полностью исчерпан (полная реализация звукового закона), после чего этот закон обычно перестает действовать, пока его «не перебьет» действие грамматической аналогии или же пока он не столкнется с другим непреодолимым противодействием. Первое смягчение заднеязычных *g*, *k*, *x*, давшее *ж*, *ч*, *ш*, имело место в древнюю эпоху истории праславянского языка и охватило все его диалекты. Где был его центр, какое сопротивление оно встречало на пути своего развития (а все это должно было быть), мы никогда не узнаем. Иначе обстоит дело с более поздними смягчениями заднеязычных

з, к, х, давшими свистящий ряд согласных. Показательна судьба сочетаний *kv-, *gv-, *chw-: в западославянской зоне смягчения не произошло, тогда как в южно- и восточнославянской зонах появились cv- (*цвѣтъ*), zv- (*звѣзда*), sv- (*свистъ*). Однако в восточнославянской зоне возникли и противоречия: cv-, zv-, sv- сосуществуют с kv-, gv-, chw-: укр. *квіт*, белорусск. *квет*, русск. диалектн. *квет* (со всеми производными), русск. диалектн. *огвездитъ* «ударить», «звездануть», *хвист*, *хвистать* «свист, свистать» и т. п. Более позднее западославянское (например, польское) влияние на язык восточных славян исключается: несмягченные сочетания имеются не только в украинском и белорусском языках, но и разбросаны по всей диалектной территории русского языка, следы их имеются и в южнославянской языковой области. Фонетическое изменение по каким-то причинам (на этот счет высказано немало гипотез) не было доведено до конца, создавшееся противоречие у восточных славян было снято путем лексикализации (в одних словах смягчение произошло, в других нет) и локализации одних и тех же лексем (в разном фонетическом оформлении). Подобных примеров исключений из фонетических законов, локальной прикреплённости этих исключений, а также всякого рода препятствий на пути распространения фонетических законов современная лингвистическая география обнаружила очень много в самых различных языках. Таким образом, фонетические законы, действуя, преодолевают разные противоречия (полностью или частично) или отступают, встретив неодолимые препятствия¹².

Сложными путями и также стихийно развивается грамматический строй. В праславянском языке имена существительные распределялись по шести типам склонения, группируясь вокруг основ на гласные и сочетания *-er-*, *-es-*, *-el-*. Грамматический род в структуре склонения не играл определяющей роли. Этот «механизм» склонения «сломался» еще в праславянское время после отпадения конечных согласных и последовавшего за ним перераспределения основ. Возникает новый центр тяготения — грамматический род. Однако традиционные типы склонения, хотя и были потрясены, но разрушались постепенно. В первых памятниках славянской письменности они еще проступали достаточно ясно, хотя отдельные слова переходили из одного типа склонения в другой, причем, как надо полагать, такие переходы нередко локализовывались. В древнерусском языке, например, форма дательного падежа ед. числа муж. рода *-ови(-еву)*, свойственная в праславянскую эпоху типу склонения на *-i*, в юго-западной зоне языка восточных славян оказалась широко распространенной, тогда как на северо-востоке она употреблялась значительно реже, а позже и вовсе исчезла. Но дело не только в этой частности. Грамматический род, ставший активным импульсом перестройки именного склонения, так и не преодолел окончательно старую систему. Современные три типа склонения объединяют в себе слова мужского и среднего родов, а слова женского рода на *-a* (*-я*) и на *-ь* разьединены, да к тому же склонение на *-a* по формальному признаку включает в себя слова мужского рода типа *староста*, *глава* и пр. Логика здесь нет никакой, стихийное развитие склонения нагромождает один противоречивый пласт на другой. Противоречия в данном случае остались непреодоленными, но русский язык отлично выполняет все присущие ему функции. Болгарский язык, как известно, преодолел противоречия в именном склонении путем его утраты. Грамматический род (за исключением обозначения живых существ по полу) и распределение имен по типам склонения с позиций кибернетических язы-

¹² Ср.: Y. Malkiel, Paradigmatic resistance to sound change, «Language», XXXVI, 1960; е г о ж е, Multi-conditioned sound-change and the impact of morphology on phonology, «Language», LII, 4, 1976.

ков — нелепица, нечто лишнее, без чего можно было бы обойтись. Некоторые представители естественных наук предлагают нам «упростить» русский язык, чтобы сделать более доступным усвоение его иностранцами. Если бы мы попытались это сделать, то разорвали бы живое тело языка, и он превратился бы из могучего средства общения в жалкий обрубок, который был бы никому не нужен. Значит, речь здесь идет не просто о «технике грамматического оформления», которая у разных языков разная, а о такой «технике», без которой язык не может существовать, об «оформлении», имеющем важнейшее общественно-национальное значение. в какие бы формы эта «техника» не преображалась, ее противоречивые изменения являются прогрессом языка, возможностью выражать его обогащающееся содержание. Тут уместно напомнить известное положение о диалектическом единстве формы и содержания.

И еще один пример из истории. В праславянском языке, по крайней мере позднего периода, имелось асимметрическое выражение категории времени и протекания глагольного действия: при разветвленной системе прошедших времен (аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект с их особыми формами) не существовало различия настоящего и будущего времени в их синтетической форме, а при аналитическом выражении будущего времени вспомогательные глаголы еще не утратили своего лексического значения. Остатки особых причастий будущего времени, сохранившиеся в старославянском языке, настолько редки и незначительны, что они не дают возможности реконструировать особые формы будущего времени, существование которых в праславянском языке спорно. Настоящее и будущее время различались лишь контекстуально. Зато имелась разветвленная система степеней длительности, выражавшаяся через глагольные суффиксы и чередование корневых гласных, хорошо описанная еще А. А. Потебней¹³. Глагольные приставки еще не утратили своего лексического значения (пусть обобщенного). В ходе исторического развития противоречие между развитыми прошедшими временами и синкретическим настоящее-будущим временем было устранено: произошла грамматикализация глагольных приставок, появилась специфически славянская категория — глагольные виды, благодаря чему форма настоящего времени совершенного вида стала обозначать будущее время, в аналитических формах будущего времени вспомогательный глагол (*быти*) утрачивает свое лексическое значение и сочетается только с полнозначными глаголами несовершенного вида. Такое преодоление прежнего противоречия повлекло за собой новые противоречия: разрушается сложная система прошедших времен (самым слабым местом оказывается имперфект, который первым исчезает в древнерусском языке, за ним следует аорист, в перфекте и плюсквамперфекте утрачивается глагольная связка, прошедшее время получает универсальную форму в виде бывшего причастия на *-л*). Однако степени длительности в трансформированном виде сохраняются и даже усиливаются (ср. позднюю продуктивность глаголов с суффиксом *-ыва-*), а то, что прежде выражалось четырьмя прошедшими временами, так или иначе передается контекстуально. Более того, во многих говорах (прежде всего северо-западных) появляются новые формы перфекта и плюсквамперфекта (*он ушодцы* «он ушел и до сих пор его нет» и *он был ушодцы* «ушел в давнем прошлом», это не то, что *он ушел*). А в болгарском языке аорист и имперфект сосуществуют с глагольными видами. В книжной сфере аорист и имперфект дожили и на русской почве вплоть до XVIII в., но это уже относится к внешнему воздействию (традиции пер-

¹³ А. А. П о т е б н я, Из записок по русской грамматике, IV, вып. II, гл. 1, М., 1977.

ковнославянского языка и архаизирующее влияние древнерусской литературы). Таким образом, происходит непрерывная смена противоречий, неодинаковая в разных языках и диалектах, без которой не было бы и развития языка.

Интересны в этом отношении варианты (т. е. разное обозначение одного и того же содержания) в русском литературном языке XIX—XX вв., оказавшиеся объектом пристального внимания современных исследователей. В словаре, посвященном употреблению вариантов норм в современном русском литературном языке¹⁴, приведено около 8 тыс. слов, в которых колеблются и противостоят друг другу формы, ударения и особенности употребления слов вроде *дрéвко*, род. *дрéвка* и допустимое *древко́*, род. *древка́*, *дрема́*, род. *дремь́* и *дрéма*, род. *дрéмы* и т. п. В труде «Грамматическая правильность русской речи»¹⁵ речь уже идет о 100 тыс. синтаксических, морфологических и словообразовательных вариантов (по данным выборочного обследования из газетных текстов объемом около двух миллионов слов): *ряд человек сидел* и *ряд человек сидели*, *две основные задачи* и *две основных задачи*, *ждать поезда* и *ждать поезд*, *сох* — *сознул*, *экранизация* — *экранизирование* и т. д. Появилось и много других справочников-пособий, в которых приводятся колебания норм, т. е. противоречия. Если бы было возможным собрать исчерпывающие данные об этих колебаниях, включая и семантику слов и предложений (что пока недостижимо), то таких колебаний в современном русском литературном языке оказались бы не десятки, а многие сотни тысяч (если не больше). Наличие бесконечно разнообразной вариантности — богатство высоко развитого языка, позволяющее выражать массу семантических и стилистических оттенков и нюансов, важных в процессе общения. Однако это не простое богатство, математическое сложение языковых явлений. Многие из вариантов находятся не в дополнительном, а в конкурирующем отношении друг к другу, что создает трудности словоупотребления, выдвигает актуальные проблемы борьбы за культуру речи. Не случайно все пособия по культуре речи рекомендуют одно и предостерегают от другого, допускают возможность преимущественного или равноправного употребления вариантов, широко используют стилистические и иного рода пометы («реже», «возможно», «нежелательно» и т. п.). А это означает, что живой язык полон противоречий, без преодоления которых он и не мог бы изменяться, т. е. развиваться, прогрессировать. Нужно иметь в виду, что современный русский литературный язык строго нормализован, в нем имеется только одна образцовая система норм, а не несколько, как в некоторых других языках. И все равно эта система постепенно изменяется. В литературных языках донационального периода и эпохи становления наций (в русском языке особо выделяется «переломный» XVIII в.) амплитуда противоречий была шире, языки были более проницаемы для всякого рода изменений. Я не говорю уже о языках и диалектах бесписьменных, сознательное вмешательство общества в ход развития которых было минимальным. Если обычный читатель хорошо понимает язык русской литературы XIX—XX вв., с некоторыми затруднениями язык произведений XVIII в., то язык древнерусской литературы и большинства письменных памятников эпохи Московской Руси ему надо переводить. Знаменитое «Слово о полку Игореве» имеет десятки различных переводов (прозаич-

¹⁴ «Трудности словоупотребления и варианты норм русского языка. Словарь-справочник», под ред. К. С. Горбачевича, Л., 1973.

¹⁵ Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская, Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов, М., 1977.

ческих и поэтических), не все его слова и выражения толкуются однозначно.

Могут спросить (и спрашивают), а причем тут прогресс языка? Не все ли равно, будем мы по-русски акать или окать, пользоваться флективно-синтетическим, агглютинативно-аналитическим или каким-либо иным строем? Конечно, это все равно, если отвлекаться от социальной сущности языка, от его истории. Оканье само по себе ничуть не хуже аканья, но случилось так, что аканье стало образцовой нормой, а оканье было отодвинуто в сферу диалектной речи. А это уже не все равно. Также все равно, говорить ли на флективно-синтетическом или агглютинативно-аналитическом языке, но при одном неперемennom условии: на обоих языках можно выразить все богатство знаний, накопленных современным человечеством. Мы можем понять древнегреческие, готские, древнерусские или иные тексты минувших времен, но не сумеем написать на указанных языках, если бы ими даже полностью овладели, научных, художественных и иных сочинений с содержанием, соответствующим нашей цивилизации. Одно это безусловно свидетельствует о безусловном прогрессе языка, поскольку «чистых» мыслей без их языкового воплощения не бывает. Каждый конкретный язык устроен по-своему и неповторим, но не могут не существовать общие закономерности развития (прогресса) языков мира, как мы не можем отрицать гигантских успехов людей, начавших свою историю в древнекаменном веке с примитивных бесклассовых группировок, прошедших через сменявшие друг друга классовые общества и идущих к бесклассовому коммунистическому обществу. Мы только еще не сумели открыть эти закономерности, явно не тождественные общественным этапам истории человечества. Во всяком случае все языки всегда представляют собой системы, сотканые из взаимосвязанных противоречий. Противоречия, их бесконечное разнообразие и проявления и являются главным препятствием в решении таких важных задач, как свободный машинный перевод с одного языка на другой, создание так называемого «искусственного интеллекта» (т. е. имитации человеческого мышления) и многие другие задачи кибернетики. Мы уверены в том, что на этом пути будет открыто и осуществлено много важного и полезного. Однако нельзя не отметить, что философы незрелые ученые (в том числе и лингвисты), практически мало чего достигая или вовсе ничего не осуществляя, вольно или невольно под флагом применения «новейших» методов проводят заимствованные со стороны старые идеалистические идеи в новой терминологической упаковке.

«Именно отсюда — из стремления выдать неточное за якобы точное — и рождается весь тот нелепый жаргон, которым позитивисты XX века упорно стараются вытеснить и заменить ясную, веками отшлифованную терминологию, возникшую в русле лучших традиций классической философии, на которой именно поэту и предпочитали выражать свои философские взгляды Маркс и Энгельс.

Ленин беспощадно издевается над пристрастием позитивистов к изобретению „новых словечек“ — всех этих „интродукций“ и „принципиальных координаций“, „трансцензусов“ и „эмпиросимволов“, „ноталов“, „секуралов“ и „фиденциалов“. Тогда эта манера только еще входила (вернее, вводилась) в моду, но Ленин посчитал необходимым специально с нею разделиться. Он показал, что единственный ее смысл в том, чтобы придать тривиальным идеалистическим пошлостям вид глубокомыслия и „научности“.

Над этим не грех бы задуматься тем нынешним авторам, которые настойчиво стараются „обогатить“ лексикон диалектико-материалистической теории познания и логики плодами философского словоблудия Кар-

напа и Айера, Шлика и Пошпера, — „концептами“ и „денотатами“, „экстенционалами“ и „экспланандумами“, „эпистемологическими постулатами“ и прочими „парадигмами“, — да еще и мечтают в свете (а лучше сказать, в темноте) подобных „прецизно-верифицированных концептов“ уточнить теоретические определения понятий материалистической диалектики, ее категорий, сделать их „более эффективными и эвристичными“. Хороша была бы эта диалектика, изложенная с помощью этой нелепой смеси англоязызированной латыни с верхнебаварским и нижегородским!..

Пополнять словарный запас и синтаксис языка марксистско-ленинской философии, делая его все более богатым, гибким и выразительным, то есть все более точным в отношении тончайших оттенков мысли, — дело, конечно же, необходимое. Этому искусству нужно учиться, и не только у Маркса, Энгельса, Ленина, у классиков естествознания, а и у Герцена и Белинского, у Пушкина и Льва Толстого. Однако это — совсем иное, нежели та педантическая регламентация „языка науки“, которая приводит к результату как раз обратному, делая этот язык уже не только беспрочно-однообразным и скучно-серым, но и окончательно непонятным для не посвященного в тайны позитивистской иероглифики, в секреты ее особых „кодов“ и шифров»¹⁶. Эти мысли философа заставляют серьезно задуматься над методологией и методикой исследования и нас, языковедов.

¹⁶ Э. И л ь е н к о в, Материализм воинствующий — значит диалектический. К 70-летию выхода в свет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», «Коммунист», 1979, 6, стр. 52—53.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

САВЧЕНКО А. Н.

РЕЧЬ И ОБРАЗНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Тезис о роли языка как необходимого средства мышления является почти общепризнанным. Этому тезису не соответствуют, однако, хорошо известные случаи, когда человек мыслит явным образом без участия языка, например, когда он вспоминает что-то или же намечает физические действия, которые ему нужно произвести. С учетом этого обстоятельства многие лингвисты пришли к выводу, что с языком (точнее — с речью) связано неразрывно только абстрактное мышление, оперирующее понятиями. Этот вывод четко сформулировал и отстаивает В. З. Панфилов: «Язык... является необходимым средством осуществления и существования абстрактного, обобщенного мышления»¹.

Данное положение имеет под собой достаточные основания, но ряд фактов заставляет сделать к нему некоторые дополнения. Прежде всего художественная литература, которая отражает действительность в образах и, следовательно, представляет собой вид образного мышления, вынуждает задуматься над вопросом о том, какую роль играет речь в этом виде образного мышления. Очевидно, что писатель прибегает к речи в процессе создания произведения не только потому, что ему нужно передать читателям сложившуюся в его сознании систему образов, но и потому, что для создания такой сложной, совершенной и поучительной системы образов и развертывания ее во времени ему самому необходимо речевое оформление этих образов и письменная фиксация их. В разговорной речи образность проявляется как речевая экспрессия. Она является непременным атрибутом разговорной речи, определяет многие особенности ее и направлена не столько на то, чтобы передать собеседнику характер образов, имеющихся в сознании говорящего (это возможно и без экспрессии), сколько на то, чтобы усилить образы, сделать их более впечатляющими. И, по-видимому, это в какой-то степени удается человеку. Без речи же такое усиление образов невозможно.

Что же происходит с образами в человеческом сознании при речевом выражении и какую роль может сыграть это выражение в образном мышлении? Американский психолингвист Д. Слобин обратил внимание на одно место в романе Ж.-П. Сартра «Тошнота», в котором высказывается мысль, что сам факт рассказывания о тех или иных событиях трансформирует образы этих событий в сознании рассказчика и слушателя, потому что привлекает внимание к ним, придает им значительность, вызывает ожидание, что за ними последует что-то заслуживающее внимания². Но

¹ В. З. Панфилов, *Философские проблемы языкознания*, М., 1977, стр. 50; см. также стр. 56, 103, 104—105.

² См.: Д. Слобин, Дж. Грин, *Психолингвистика*, М., 1976, стр. 178—180.

дело не только в этом. Действительно, речевое выражение трансформирует образ, но не тем, что привлекает к нему внимание, а тем, что связано с анализом образа. Не может быть знаковых средств, дающих возможность передать образ во всей его целостности и индивидуальном своеобразии. Для того, чтобы как-то приблизиться к выражению индивидуального своеобразия образа, необходимо расчленить его на составные элементы, обозначить их наиболее адекватными словами и связать воедино. При таком анализе образ становится более отчетливым и более содержательным. Человек лучше осознает свой собственный образ и получает возможность выделить в нем что-то существенное, отметить характерные детали. Особенно важное значение имеет эта сторона образной речи в художественном творчестве. Ведь искусство писателя в том и состоит, чтобы не передавать пунктуально все черты образа, порождая угнетающее многословие, а кратко и ярко выразить существенное в нем. И для этого важно бывает выделить характерную деталь. А. П. Чехов, например, так выразился в «Чайке» о талантливом писателе устами Треплева: «У него на плотине блистит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса — вот и лунная ночь готова»³. Кроме того, речь дает возможность обозначить элементы образа выразительными словами, которые придают образу особую яркость. Выразительность их основана на особых свойствах слова, дающих возможность соотносить образ с другими. Именно это соотношение с другими образами придает данному образу новое качество.

В изучение образной стороны речи большой вклад внес А. А. Потебня, и его достижения в этой области до сих пор не превзойдены. Для рассматриваемого здесь вопроса большое значение имеет учение А. А. Потебни о слове как средстве апперцепции, т. е. осознания чего-то вновь воспринимаемого и познаваемого через частичное отождествление его с чем-то уже познанным⁴. Апперцепция, осуществляемая через слово, является простейшим случаем соотношения образа с другими. Она имеет различные степени. Первую степень имеем тогда, когда человек обозначает словом явление, основные признаки которого совпадают с признаками других явлений, объединенных им в определенном понятии, которое обозначается тем же словом. Например, человек, глядя на быстро текущий ручей, говорит о воде, что она быстро течет. В этом случае он соотносит свое восприятие состояния воды со многими другими подобными восприятиями, объединенными в понятии течения, и называет это словом *течет*. Но когда человек говорит, что его мысль быстро течет, то это свое представление он связывает с представлениями о течении не по совпадению признаков, а по некоторой аналогии, которую он между ними усматривает. Это уже вторая степень апперцепции. Результат ее принято называть переносным значением слова. А бывает и так, что человек проявляет в апперцепции свое творчество и привносит долю воображения, посредством которого связываются между собой представления, имеющие объективно мало общего между собой, например, когда он говорит о своем знакомом, что тот позеленел от злости, или доснится от самодовольства. Эта третья степень апперцепции есть уже образное употребление слова.

Соотнесение образов, достигаемое на высшей ступени апперцепции, усиливает, обогащает образ, придает ему большую действенность. Это свойство слова является важным источником экспрессии в разговорной речи и образной силы слова в художественном произведении. Например, в повести А. П. Чехова «Рассказ неизвестного человека» рассказчик, интеллигент, по заданию революционной организации работающий лакеем

³ А. П. Чехов, Полн. собр. соч. и писем, Соч., 13, М., 1978, стр. 55.

⁴ А. А. Потебня, Мысль и язык, Харьков, 1862 (гл. «Слово как средство апперцепции»).

у высокопоставленного чиновника, так описывает своего хозяина: «Когда я утром входил к нему с вычищенным платьем, он сидел в постели не заспанный, но как бы утомленный сном, и не проявлял ни малейшего удовольствия по поводу своего пробуждения. Я помогал ему одеваться, а он неохотно повиновался мне, молча и не замечая меня». Некоторые слова, употребленные здесь, неточно передают состояния описываемого человека, но они, будучи результатом творческой апперцепции, метко выражают и тем самым усиливают образ, сохранившийся в сознании рассказчика, выявляя самое существенное в нем. Хозяин в действительности не повиновался своему лакею, а одевался при его помощи, но автор подвел его движения под понятие повиновения, потому что они были так вялы и неохотны, как будто он делал их против воли. Слова *как бы утомленный сном* особенно обогащают и усиливают образ, потому что, апперцепируя впечатление от проснувшегося хозяина представлением об утомлении, они выделяют и метко передают выражение безразличия и даже некоторого отвращения ко всему, даже ко сну и пробуждению, которое исходило от лица и фигуры хозяина. В повести И. А. Бунина «Митина любовь», когда Митина возлюбленная Катя читала на сцене, сдавая экзамен в театральное училище, она, по словам автора, «не говорила, а все время восклицала с какой-то назойливой томной страстностью». Слово *восклицала* здесь усиливает впечатление от образа, потому что в результате удачной апперцепции метко выражает основное — ненатуральность Катиного чтения; это впечатление еще больше усиливается словом *назойливой*. В описаниях импрессионистического характера соотношение образов принимает чисто субъективный характер, отражая субъективное восприятие явления автором или героем. Так, в той же повести И. А. Бунина описание отъезда Мити из Москвы в родной дом и прощания его с Катей завершается такими строками: «Она плыла все быстрее [назад. — С. А.], ветер все сильнее трепал волосы высунувшегося из окна Мити, а паровоз расходился все шибче, все беспощаднее, наглым угрожающим ревом требуя путей, — и вдруг точно сорвало и ее, и конец платформы...». Мите, уезжающему от Кати, ускорение движения поезда казалось беспощадным, а рев паровоза — наглым и угрожающим.

Наиболее сложным способом соотношения образов и усиления их являются тропы и сравнения. Из тропов самым важным и действенным является метафора. Метафоры и сравнения можно, вслед за В. И. Харциевым⁵, рассматривать и как особый вид апперцепции, но в этом случае нужно признать, что это — особый уровень апперцепции, на котором безраздельно господствует фантазия.

В отношении метафор распространено мнение, что они служат средством адекватной, наглядной передачи образов, имеющих в сознании индивида. Однако анализ их показывает, что сущность и функции их гораздо сложнее. Когда, например, говорят о каком-то человеке, что он поджал хвост, то этим не передается образ данного человека, возникший в сознании говорящего: ни черт лица этого человека, ни выражения лица, ни его движений нельзя представить себе точно. Но та сторона образа, которая в данный момент является актуальной, усиливается и производит большее впечатление благодаря сравнению с испуганной, поджавшей хвост собакой, и воображение слушающих, побуждаемое этим сравнением, может по-разному варьировать образ данного человека в таком испуганном, растерянном состоянии. Следовательно, посредством метафоры не передается полностью образ, но в нем абстрагируется одна черта, которая усилива-

⁵ В. И. Харциев, *Элементарные формы поэзии*, в кн.: «Вопросы теории и психологии творчества», I, Харьков, 1907.

ется путем отождествления с аналогичной чертой другого образа, именно того, в котором она наиболее сильно выражена. Когда говорят о человеке, что он надутый, как индюк, то образ надувающегося индюка хотя и не воспроизводит внешности человека, о котором говорится, но производит такое яркое впечатление спеси, высокомерия, что и представление о высокомерии человека — предмета речи — становится ярким, впечатляющим. Итак, метафора есть не простая передача образа, а особая обработка его, включающая своеобразные элементы анализа и синтеза, в результате которой в образе углубляется, усиливается та или иная сторона его.

Сравнение по сути есть то же, что и метафора. Суть метафоры в том, что какой-то признак образа отождествляется в воображении с аналогичным признаком другого образа, в котором он сильнее выражен. При сравнении происходит то же самое, с той только разницей, что воображаемость (а не реальность) отождествления указывается специальным словом (или грамматической формой). На единую сущность метафоры и сравнения указал Г. Гегель, ссылаясь при этом на Аристотеля, который так определил различие между ними: при сравнении используется слово *как*, отсутствующее в метафоре ⁶. В сравнении, как и в метафоре, проявляется творческая способность человека подмечать характерные черты различных явлений действительности (искусство видеть мир, по выражению А. Воронского ⁷) и на основании этих черт сближать различные образы в своем сознании. Например, когда человек говорит о ком-то, что он молчит, как пень, то это сравнение производит впечатление, потому что человек творчески подметил, что пень своей полной неспособностью производить звуки может служить образцом молчаливости. Эта творческая способность человека, проявляемая в речи, преобразует образы, усиливает их и обогащает.

Художественная литература ярко демонстрирует нам тот факт, что образы, усиленные, обогащенные речевым выражением, могут иметь познавательное значение, поскольку они отражают типичные явления жизни. Эти образы с полным основанием можно назвать обобщающими. Образное обобщение бывает и в разговорной речи, и здесь оно отлагается в пословицах и образных фразеологизмах. Элементы образного обобщения содержатся уже в метафоре и сравнении, поскольку в них чисто конкретный образ отождествляется в воображении с другим, который выступает в роли обобщающего. Но для более полного осуществления этой функции требуется обычно более развернутое выражение, а нередко — и целый текст.

Образное обобщение осуществляется, как известно, также изобразительными искусствами (живописью, скульптурой, театром и кино) и играет важную роль в познании общества и человека вообще. Интуиция, вопреки Б. Кроче ⁸, не является главным способом познания действительности: наоборот, главную роль в познании играет абстрактное мышление, оперирующее понятиями и руководствующееся законами логики — только оно дает человеку власть над природой. И все же в познании человека, его социального бытия и внутреннего мира интуитивное, образное обобщение также имеет немаловажное значение. Образное обобщение осуществляется только через выражение. Выражаться может оно либо изображением, либо движениями, воспроизводящими движения выражаемого, либо речью. Наиболее полно все эти средства выражения проявляются в искусстве: изображение — в живописи и скульптуре, речь — в художественной литературе, речь и имитация движений — в театре и кино. Речь

⁶ Гегель, Лекции по эстетике, Соч., XII, М., 1938, стр. 411.

⁷ А. Воронский, Искусство видеть мир, М., 1928, стр. 81—90.

⁸ См.: Б. Кроче, Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика, I, М., 1920.

в силу ее всеобъемлющей роли в жизни людей и постоянного сопутствия всем действиям человека является важнейшим средством образного обобщения.

Следует подчеркнуть, что образное обобщение заключается не только в типичности образов. Некоторые черты Беликова, изображенные А. П. Чеховым в рассказе «Человек в футляре», строго говоря, нетипичны. То, что человек слишком осторожный, боязливый, даже в теплый, солнечный день выходит из дому в пальто, галошах и с зонтиком и что он все предметы, находящиеся при нем, держит в футлярах, в реальной жизни встречается (и встречалось) очень редко. Но изображение этих черт в рассказе А. П. Чехова имеет важное обобщающее значение, потому что в них ярко отражается сущность данного социального и психологического типа. То, что Настасья Филипповна в «Идиоте» Ф. М. Достоевского бросила в камин сто тысяч рублей, принесенные ей Рогожиным, и предложила Гавриле Ардалионовичу выхватить их из огня и взять себе, нетипично, как нетипична и сама Настасья Филипповна, но пафос романов Ф. М. Достоевского состоял не столько в изображении типического, сколько в показе борьбы идей и противоречий человеческой души, а для вскрытия этих противоречий необузданный поступок Настасьи Филипповны очень существен. И. А. Бунин в повести «Деревня» изобразил встречу на маленькой станции железной дороги сельского богача из соседней деревни Тихона Ильича с сапожником Дениской, сыном бедного непутового мужика Серого. Дениска был в старой поддевке с очень пизкой талией, отчего короткие ноги его казались еще короче, и в руке держал чемоданчик, перевязанный веревочкой. Он направился в город искать заработка, потому что, как сам выразился, «оголодал дюже». Денег на проезд у него не было, он намеревался ехать в вагоне под скамейкой, но все же отправлялся не в мужицком армяке, а в поддевке, хотя и с чужого плеча, и вез с собой чемоданчик, хотя он, по его признанию, был пустой. На прощанье он попросил Тихона Ильича прочесть его сочинение и дал ему испи-санный листок. Это оказалась безграмотная сентиментальная писанина о том, как он, Дениска, якобы заработал где-то сорок рублей (Тихон тут изумился столь несусветной лжи), а у него их украли, и он в отчаянии помышлял о самоубийстве. Эти детали нетипичны. Нельзя сказать, что сельские парни, отправлявшиеся в город на заработки, часто имели при себе чемоданчики или что они писали всякую сентиментальную чушь. Это индивидуальные черты Дениски. Но в них ярко отражается сущность сельского лодыря, который упорно избегает крестьянского труда и либо сидит у нищего отца в ожидании пропитания, либо ищет легких заработков в городе, притом желает иметь городской вид и от безделья пописывает всякую чепуху.

Итак, образное обобщение не всегда отражает типичные явления, но всегда выявляет сущность того или иного типа людей, того или иного свойства человека, того или иного социального явления.

Значение образного обобщения для человеческого познания состоит в том, что оно, во-первых, не сопряжено с тяжелой работой мысли и, во-вторых, не разрывает то, что в действительности нераздельно, не выбирает произвольно то, что ему в данный момент нужно, и не отбрасывает остальное, не теряет в результате этого беспредельное богатство признаков и отношений познаваемых элементов действительности как абстрактное обобщение, а осуществляется в конкретных образах, сохраняющих всю свою неповторимую индивидуальность. В нем человек созерцает обобщающую мысль непосредственно в конкретных, индивидуальных образах и, дойдя до обобщения, сохраняет в сознании неповторимое своеобразие индивидуальных явлений действительности. Благодаря этому образное

обобщение дополняет то знание абстрактных истин, какое дает человеку наука, созерцанием живого, конкретного проявления их в действительности. При том оно предоставляет человеку возможность по-своему, творчески осознавать и выраженные в образах черты действительности, и абстрактные истины. Дело в том, что художник не преподносит читателям или зрителям готовое обобщение в виде умозаключения, а только будит их мысль и дает ей направление, потому что представляет свою мысль не в готовом виде, а побуждает извлекать ее из образов. Поскольку образы конкретны, они отражают самые различные стороны действительности, и идею автора можно извлекать из них по-разному, да и не одну идею, а передко и совокупность идей. Человек активно, творчески выводит идею из образов художественного произведения на основании своего жизненного опыта.

Следует заметить, что интуитивное познание, достигаемое посредством образного обобщения, действует не только в пределах личного опыта человека, но и дальше, в пределах социального опыта. Интуицию следует понимать, по-видимому, как знание, получаемое не целеустремленной работой мысли, руководствующейся законами логики, а самопроизвольным движением мысли, осуществляющимся согласно психологическим закономерностям, а не логическим. Воспринимая обобщающие образы, человек прежде всего подсознательно чувствует, что в них есть что-то существенное. Интуитивно, на основании отложившегося в сознании и подсознательно действующего жизненного опыта, не прибегая к формулировкам и потому без тяжелого напряжения мысли, осознает он это существенное в ярких, полных своеобразия образах, в которых обобщающая мысль сочетается с богатством индивидуальных признаков, и это доставляет ему ничем не омраченную радость познания. Но характерные, существенные черты образов в произведении искусства он сознает и выделяет не только в том случае, когда подобные образы отложились в его сознании на основе практики, но и тогда, когда их в его личном опыте не было. Например, современные советские читатели не встречались в своей жизни с типами, изображенными в рассказах А. П. Чехова, но когда они читают в рассказе «Анна на шее», что Модест Алексеич — «это человек с правилами и на хорошем счету у его сиятельства», они чувствуют в этих словах душу чиновника, воплощенную в Модесте Алексеиче. Ф. М. Достоевский в «Идиоте» в образе Льва Николаевича Мышкина показал человека вообще нереального, носителя идеи смирения и любви к людям, но в каждом его движении и слове читатели чувствуют психологическую верность, глубокую реалистичность изображения, хотя никто из них не встречал в своей жизни человека, подобного Мышкину. Будучи князем и получив миллионное наследство, он не женился на той из двух любивших его женщин, которая больше нравится ему, и не женился счастливо, а метался между ними, думая о счастье каждой из них, и сошел с ума от невозможности устранить возникшие противоречия. И противопоставление этого вымышленного образа реальным, типичным образам Тоцкого, Епанчина, Епанчиной, Иволгина, Рогожина сильнее обнажает и дает полнее воспринять сущность последних. Подобно тому, как в области логического познания человек на основе опыта приходит от ощущений к познанию чувственно не воспринимаемых свойств материи, так и в интуитивной области жизненный опыт так обобщается и систематизируется подсознательно в мозгу человека, что человек постигает сущность в образах искусства и за пределами личного опыта.

Важно также то, что образное обобщение эмоционально и придает речи эстетическое качество. Всякое образное употребление слова уже эмоционально, потому что образность есть стремление речи к усилению нагляд-

ности восприятий, а восприятие всегда вызывает не только мысль, но и чувство. Метафоры и сравнения производят эмоциональное впечатление, во-первых, потому, что сами они обычно бывают результатом эмоционального отношения к выражаемому факту, и, во-вторых, потому, что в них тот или иной признак выражаемого предмета или явления в результате образного отождествления с другим представляется в усиленном виде, и это неизбежно воздействует на чувство говорящего и слушающих. Образное обобщение доставляет человеку эстетическое удовлетворение и является важнейшим фактором эстетической силы литературного произведения, ибо человек воспринимает его чисто интуитивно, в наглядных образах, т. е. эмоционально. Когда люди воспринимают образ в произведении искусства, отражающий сущность тех или иных явлений действительности, у них возникает чувство откровения, непосредственного постижения сущности в наглядных образах, общей истины в индивидуальном, и это доставляет им такую духовную радость, которая подобна радости от восприятия красоты и поэтому подводится под понятие эстетического чувства. В этом и состоит главным образом то эстетическое наслаждение, какое доставляет людям художественная проза, которая может не только изображать (в романтических произведениях) прекрасные явления жизни (сильные характеры, бурные страсти, благородство натур, приводящее к трагическим исходам) и воплощать это в эмоциональной речи, украшенной яркими метафорами и сравнениями, но и реалистически изображать самую обыденную, будничную действительность самой обыденной речью, типичной для этой действительности. Во многих реалистических произведениях нет ничего красивого ни в изображаемой действительности, ни в речевом выражении ее, наоборот, в них показываются неприглядные, даже уродливые явления жизни, и излагается все это обычной разговорной речью, и тем не менее они вызывают чувство прекрасного глубиной заключенного в них образного обобщения. Вследствие этой эмоциональности образное познание глубоко воздействует на психику человека и имеет большое воспитательное значение.

Однако образы художественной литературы не всегда обобщают типичные или существенные черты социальной действительности. Отражая действительность в своих образах, писатель обычно утверждает также какую-то идею, а для этого он прибегает иногда к изображению и нетипичных и вообще — нереальных явлений. Образ Раскольников имеет черты, типичные для разночинной учащейся молодежи его эпохи, но все же убийство, совершенное им, и, главное, побуждения, приведшие его к убийству, не являются типичными. В романе Л. Н. Толстого «Воскресение» Нехлюдов является типичным образованным и мыслящим помещиком, но его борьба за облегчение положения Кати Масловой, раздача земли крестьянам и обращение к христианству далеко не типичны. Но талантливый писатель изображает эти нетипичные явления так образно и психологически убедительно, что читатель видит наглядно, как может воплотиться в действительности его идея, верит ему и восхищается его видением мира. Такую функцию художественных образов можно назвать образным утверждением. В образном утверждении всегда есть элемент и образного обобщения. В образе Раскольника читатель видит, как типично происходит внутренняя борьба в душе человека, захваченного подобной идеей. Следя за действиями Нехлюдова, читатель видит, что происходит в сознании человека, понявшего преступность своего образа жизни. Но в целом образное утверждение выходит за пределы образного обобщения.

Анализ и усиление образов, образное обобщение и образное утверждение имеют познавательное значение. Эти виды познавательного образного

мышления осуществляются через выражение. Главным средством выражения образов познавательного значения является речь. Это дает основание утверждать, что речь (наряду с искусствами) является необходимым средством образного познавательного мышления.

Следует подчеркнуть отличие функции речи в образной сфере мышления от функции ее в абстрактной сфере. В абстрактном мышлении речь является средством формирования (точнее — размежевания и закрепления) понятий и установления логических отношений между ними в мысли, в образном же мышлении речь служит не для формирования образов, а для усиления, углубления их и придания им обобщающего свойства.

Что же может дать языкознанию изучение образной функции речи? Во-первых, оно полнее раскрывает характер взаимоотношения между речью и мышлением. Во-вторых, только при учете образной функции речи полностью раскрывается различие между речью и языком и выясняется неоправданность отождествления их. Именно в экспрессии наиболее полно проявляется речевое творчество человека и через нее раскрывается специфика речи. При ее изучении обнаруживается прежде всего, что речь отличается от языка не только элементами индивидуальности и изменчивостью, на что указал Ф. де Соссюр, но и эмоциональностью, т. е. способностью не только выражать чувства говорящего, но и воздействовать на чувства слушающего.

Эмоциональность отчасти присуща и системе языка, но здесь она только потенциальна и к тому же весьма ограничена. Она проявляется в том, что в языке есть некоторые средства эмоционального воздействия: эмоциональные слова (оцепочные, ласкательные, ругательные, слова с яркой стилистической окраской и др.), эмоциональные фразеологические сочетания, междометия, обращения и др. Однако всю свою эмоциональную силу эти средства приобретают только в речи. Здесь одно и то же слово (например, *подлец*) может стать либо оскорблением, либо ничего не значащим уснащением речи, как в рассказе А. П. Чехова «Сирена»: «Забористее всего пахнет молодой лук, когда, знаете ли, начинает поджариваться и, понимаете ли, шипит, подлец, на весь дом»; одно и то же слово может стать выражением либо нежной ласки, например, *голубчик*, либо издевательства, как в «Ревизоре» Н. В. Гоголя, в обращении городничего к купцам: «Что, голубчики, как поживаете?... Что, аршинники, самоварники, жаловаться?». Главное же состоит в том, что подлинная экспрессия создается не столько применением готовых языковых средств, сколько тем, что создается в процессе речи. Здесь царит самое мощное средство эмоционального воздействия — интонация, которая придает эмоциональную силу каждому междометию и определяет эмоциональные функции всех других слов. Возникают неожиданные сравнения, оригинальные метафорические эпитеты, видоизменяются формы слов, любое обычное слово под влиянием контекста может стать эмоциональным, то и дело появляются риторические вопросы, и все это, облеченное в интонации, сопровождаемое жестами и мимикой, приобретает особую силу. Поэтому нужно признать, что в полной степени эмоциональность свойственна только речи.

Речь, в отличие от языка, обладает также эстетическими качествами. Язык не может быть ни красивым, ни безобразным. Речь же может и вызывать отвращение бессмысленной грубостью, и производить угнетающее впечатление отсутствием логической последовательности, набором штампов и бессодержательным многословием, и доставлять удовольствие четким построением, краткостью и меткостью выражения, блеском остроумия, и вызывать восхищение образным обобщением и яркой выразительностью фраз.

Кроме всего прочего, речь также ситуативна, и это отражается на свойствах ее единиц — слова и предложения. Вследствие этого значение слова варьируется в зависимости не только от контекста, но и от ситуации, а предложение обладает уникальным свойством — предикативностью. Распространено мнение, что предикативность свойственна не только речи, но и языку, поскольку в последнем есть структурные схемы или модели предложений, а в них — специальные формы, служащие для выражения предикативности (спрягаемые формы глагола, безлично-предикативные слова, связки и др.). Однако модель не есть реальное предложение, и глагольная форма сама по себе, вне речевого контекста и ситуации, не соотносится мысль с действительностью. Предикативность этих единиц в языке только потенциальна. Реальная предикативность как отнесение содержания предложения к действительности возможна только в конкретной ситуации, в конкретном акте речи. В зависимости от ситуации видоизменяется и структура предложения: в нем что-то опускается, появляются какие-то частицы или междометия, изменяется порядок слов, появляется особая интонация.

Изучение образной функции речи станет началом разработки лингвистики речи, необходимость которой была провозглашена Ф. де Соссюром, но которая до сих пор не разрабатывается. Употребление данного термина не означает, что ученые, использующие его, рассматривают язык и речь как обособленные друг от друга явления, объекты совершенно разных наук. Лингвистика речи есть особый раздел лингвистики, изучающий особую область ее. Несомненно, появление лингвистики речи обогатит значительно лингвистику в целом. А прежде всего оно расширит наши представления об основных единицах языка и речи — слове и предложении.

Слово, будучи основной единицей языка, является также единицей речи, но в речи оно обладает иными свойствами, чем в языке. Так, в языке общеупотребительные слова (за исключением терминов), как правило, многозначны. В речи же многозначность как таковая отсутствует, потому что слово употребляется каждый раз только в одном значении, но характерной особенностью слова в ней является вариантность значения, и многозначность предстает как один из видов вариантности.

Понимание этого явления затрудняется тем, что в лингвистической литературе нередко смешиваются значение слова и вариант значения, и, в частности, отдельное значение многозначного слова именуется лексико-семантическим вариантом. В системе языка разные значения одного слова и варианты одного значения без труда разграничиваются по тому признаку, что разные значения суть разные понятия, обозначаемые в рассматриваемом случае одним и тем же звуковым комплексом; варианты же значения представляют собой единое понятие, различающееся некоторыми дополнительными элементами содержания. Разные значения одного слова могут осознаваться в какой-то степени и вне контекста. Варианты же значения очень разнообразны, иногда даже с трудом разграничиваются и улавливаются только в контекстах. Но в речи это различие становится несущесственным. Например, слово *сердце* в русском языке имеет явным образом два значения: «реальный орган кровообращения» и «воображаемый орган чувств»; второе значение выступает во многих вариантах: «орган чувств», «чувства», «добрые чувства», «искренность» и т. д. Однако в речи эти явления уравниваются. Когда, например, говорят *У него сердце болит за сына* или *Он отнесся к товарищам с чистым сердцем*, то в этих случаях *сердце* имеет разные варианты второго значения, но вместе с тем эти варианты осознаются как особые варианты в соотношении с первым значением, и представление о сердце как о реальном органе человеческого организма также появляется в сознании.

Для понимания существа вариантности в речи нужно учесть, что при употреблении слова в каком-нибудь варианте значения последний осознается говорящим и слушающими именно как особый вариант через соотнесение его с основным вариантом, лишенным дополнительных элементов, который также появляется при этом в сознании общающихся. Назовем его для краткости инвариантом. Например, когда мы слышим выражение *На лице его промелькнула легкая улыбка*, мы понимаем, что слово *легкая* имеет здесь не совсем обычное значение, потому что мы соотносим его с обычным значением слова *легкая* «имеющая малый вес».

Принципиально таким же образом проявляется в речи многозначность слова. Если слово употребляется в своем первичном значении, то никакого другого значения в нем нет, оно однозначно. Но если оно употребляется в одном из вторичных значений, то это значение осознается по соотнесению с первичным, как его вариант. Например, когда говорят *Жму Вашу руку*, то слово *руку* имеет только одно значение. Но в выражении *Он имеет руку в министерстве* это слово имеет двойственное значение. Слушающие воспринимают слово *руку* во вторичном значении, как «благоприятствующее лицо», но при этом сохраняется в сознании и первичное значение, как содействующей руки, в качестве образной основы для вторичного. Первичное значение становится при этом внутренней формой слова, употребляемого во вторичном значении. Это явление может быть лучше понято на основе учения А. А. Потебни о ближайшем и дальнейшем значении слова⁹. Согласно этому учению, ближайшим значением является внутренняя форма (или представление), если она сохраняется в слове, элемент значения, который является общим для всего языкового коллектива, т. е. воспринимается одинаково всеми говорящими на данном языке. Это тот минимум содержания понятия, который необходим, чтобы отличать его от других. Дальнейшим значением является все содержание понятия, которое у разных людей может быть различным, в зависимости от их опыта и знаний. Когда слово употребляется во вторичном значении, то оно воспринимается на фоне первичного как его разновидность. Следовательно, при произнесении *Он имеет руку в министерстве* значение слова *руку* воспринимается прежде всего в связи с представлением о реальной руке, так что общий смысл предложения получается приблизительно такой: «в министерстве есть чья-то сильная рука, действующая в его пользу». Дальнейшее же значение данного слова — «влиятельное лицо, содействующее данному человеку». Когда украинец говорит *голова комитету*, то ближайшим значением слова *голова* становится представление о человеке, который играет среди людей такую роль, какую голова играет в живом организме. Дальнейшим же значением является понятие о руководителе (председателе), включающее в себя знание его прав, обязанностей и ответственности перед высшим руководством или избирателями. Такого рода особая двузначность, когда одно значение становится внутренней формой для другого, бывает в речи, но многозначности не бывает.

Особенно важно учитывать образную и эмоциональную функции речи в теории предложения. В анализе смысловой стороны предложения до сих пор господствует логический подход, и содержание предложения определяется обычно как суждение. Представители психологического направления в лингвистике в свое время связывали предложение с психологическим суждением, что давало некоторую возможность учитывать и образное содержание предложения. Но это также вело к концепции двучленности мысли, выражаемой в предложении, что для образа совершенно не обя-

⁹ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, М., 1958, стр. 19—20.

зательно. А. А. Шахматов, стоявший на психологических позициях, не желая ограничивать содержание предложения суждением, назвал его психологической коммуникативной, но и определил ее как нарочитое сочетание двух представлений¹⁰. Впоследствии и сторонники логического подхода обратили внимание на то, что в предложениях, кроме суждений, выражаются также побуждения и вопросы, имеющие также двучленную структуру. Эта концепция господствует до настоящего времени.

С указанной точки зрения всякий текст, даже поэтический, по содержанию представляет собой цепь суждений, прерываемую кое-где вопросами и побуждениями. Эмоциональное содержание предложения признается только как дополнительный элемент, наслаивающийся на суждение, вопрос или побуждение. Эта концепция вступает в противоречие с нередкими фактами образного и эмоционального содержания предложений, как, например:

Эх вы, сани! А кони, копи,
Видно черт их на землю припес!
В захватском степном разгоне
Колокольчик хохочет до слез.

(С. Есенин)

Трудно найти суждения в этом тексте, потому что суждение — это логическая форма мысли, а в данном тексте выражены только образы и чувства.

Но, может быть, образ при речевом выражении получает обязательно двучленную структуру, аналогичную суждению? Доречевой образ неделим, но при выражении в речи образ расчленяется. Двучленная структура суждения оказывает такое мощное воздействие на сознание, что образы при речевом выражении обычно также расчленяются на компоненты, каждый из которых имеет двучленную структуру. Поэтому трудно бывает различить логическое и образное содержание предложений. Однако бывает и нерасчлененное выражение образа одним словом или словосочетанием. Это номинативные предложения и те безличные, в которых нет субъекта действия или состояния. По определению А. М. Пешковского, во всяком безличном предложении подлежащее устранено не только из речи, но и из мысли¹¹. Однако в действительности в ряде безличных предложений подлежащее устранено только в речи, а в мысли оно сохраняется. Например, в предложениях *Ветром ветку сломало*, *Ему стало страшно* подлежащее, т. е. субъект действия или состояния, устранено тем, что выражено не номинативом, а косвенным падежом, но в мыслях, выражаемых этими предложениями, субъекты (по А. М. Пешковскому — подлежащие) имеются. В таком предложении выражается образ, расчлененный подобно суждению. Иное дело — бессубъектные безличные предложения, например, *Стало темнеть*, или номинативные, например, *Затишье, снежок, полумгла*. Нецелесообразно постулировать на основании таких предложений существование бессубъектных суждений¹², что сомнительно с логической точки зрения, или усматривать в них особый чувственный субъект, не выражаемый словесно¹³, потому что очевидно, что каждое из них выражает нерасчлененный образ, а образ необязательно должен члениться на субъект

¹⁰ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, I, Л., 1925, стр. 2.

¹¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, М., 1956, гл. «Глагольные безличные предложения».

¹² См.: Е. М. Галкина-Федорук, Суждение и предложение, М., 1956, стр. 56—57.

¹³ См. сб. «Язык и мышление», М., 1967, стр. 59—60; П. В. Чесноков, Логическая фраза и предложение, Ростов-на-Дону, 1961, стр. 69—70.

и предикат. Более разнообразны одночленные структуры эмоциональных предложений, например: «О родина!», «Эх и ночка!», «Эх вы, смельчаки!», «Прекрасно!», «Ни за что!», «Вот так штука!» и т. п. Напрасно искать в этих предложениях субъект и предикат, потому что в них выражаются только чувства. Одночленными бывают и побудительные предложения, например: «Прочь!», «Довольно!», «Ни шагу назад!», «Воды!», «Больше света!». Они также не обязательно должны члениться на субъект и предикат. Изучение образной и эмоциональной функций речи даст возможность преодолеть логицизм в анализе предложений, объективно определить функции членов в предложениях с образным и эмоциональным содержанием, а также в побудительных и выработать классификацию структур предложений с таким содержанием.

Лингвистика речи создаст условия для широкой разработки синтаксиса текста, в которой до сих пор успехи незначительны ввиду сложности проблемы. Формальные методы, по-видимому, не найдут применения в этой области. Поскольку речь есть одновременно процесс сознания, путь к ее изучению неизбежно пролегает через психологический анализ. Надежной опорой при этом могут служить труды А. А. Потемни. Богатый материал имеется в художественной литературе и в экспрессивных выражениях, широко распространенных в разговорной речи, которые нетрудно зафиксировать и собрать.

КОМЛЕВ Н. Г.

ФРИДРИХ КАЙНЦ И СТАТУС ПСИХОЛОГИИ ЯЗЫКА

1. Среди научных областей, занимающихся психологической стороной вербального общения, исторически важное место занимает направление под названием «психология языка». В настоящее время в Западной Европе оно связывается прежде всего с именем Ф. Кайнца. Оценка взглядов Кайнца представляется поэтому важной и для анализа самого этого направления. в частности, его научного статуса.

Профессор Венского университета Фридрих Кайнц (род. в Вене в 1897 г.) — известный психолог, философ и специалист по эстетике. Он разработал «персоналистическую эстетику» (personalistische Ästhetik, 1932 г.), трансформировав ее впоследствии в некую теорию оценок, которую можно назвать аксиологическим коррелятивизмом. В своих «Лекциях по эстетике»¹, основном эстетическом произведении, он пытается найти некоторый центр равновесия между психологически обусловленным и объективным поведением человека.

В труде «Язык животных»² Ф. Кайнц старался разработать сравнительно-генетическую типологию языка, охватывающую способы общения как животных, так и людей. Эта работа Ф. Кайнца представляет собой серьезное обобщение лингвоповеденческих исследований.

Однако самым главным и самым крупным сочинением Ф. Кайнца является «Психология языка» в пяти томах (т. V состоит из двух полутомов в отдельных книгах). С 1941 по 1956 гг. вышло четыре тома (с переизданием), в 1965—1969 гг. — пятый том³. Это произведение Ф. Кайнца в странах немецкого языка считается основным справочным пособием по данной научной области. Работа представляет собой энциклопедическое изложение современных знаний по психологии языка и одновременно содержит обзор многих нерешенных вопросов, которые стоят перед этой наукой.

2. Среди идейных предшественников Ф. Кайнца следует в первую очередь назвать В. Вундта. Именно под влиянием В. Вундта Ф. Кайнц преодолел позитивизм младограмматиков. В. Вундт, как и Ф. Кайнц, рассматривал дух как причину всех языковых явлений. Как и В. Вундт, Ф. Кайнц противопоставляет свое понимание «народной психологии»

¹ F. K a i n z, Vorlesungen über Ästhetik, Wien, 1948.

² F. K a i n z, Sprache der Tiere, Stuttgart, 1961.

³ Том I озаглавлен «Основы общей психологии»; в нем излагаются методические основы, цели и задачи данной дисциплины. Том II — «Сравнительно-генетическая психология языка» включает материалы о языке ребенка, языке первобытного человека, о патологии языка. В томе III «Физиологическая психология речевых процессов» автор ставит перед собой задачу описать всю периферическую и центральную нервную деятельность, которая причастна к говорению и пониманию сказанного. IV том «Специальная психология языка» содержит следующие темы: письмо, чтение, чувство языка, языковые ошибки. В двух частях V тома автор стремится представить язык на фоне других явлений культуры народов. Здесь разбираются также вопросы прикладной психологии и важнейшие языковые категории: слово, грамматика, стиль, время и пространство в языке. Последняя глава второго полутома «Язык, философия, частная наука» содержит выводы и итоги всей проделанной за многие годы работы.

(Völkerpsychologie) «индивидуальной психологии» (Individualpsychologie) Г. Пауля⁴.

Нельзя не заметить у Ф. Кайнца влияния и некоторых идей Г. Штейн-таля, который еще до появления младограмматической доктрины рассматривал язык как психологический объект и требовал присоединения науки о языке не к логике, а к психологии⁵.

Психологические идеи О. Дитриха, Г. Пауля, Г. Габеленца служат основанием теоретических построений Ф. Кайнца во всех частях его сочинения. Вместе с тем Ф. Кайнец понимает, что прочным завоеванием психологии, а также лингвистики является положение, согласно которому причины языковых изменений коренятся не в самом языке и не в его таинственной «собственной жизни», а в самих людях — носителях этих языков⁶. Он решительно выступает против К. Фосслера, который считал, что для объяснения явлений языка психология не нужна, а также против О. Кюльпе⁷, отстаивавшего мнение, согласно которому психология языка — это дисциплина, способная составить методологико-теоретическую основу языкознания. По Кайнцу, лингвопсихологические проблемы «включаются в общую систему философии языка»⁸.

Значительное влияние на концепцию Ф. Кайнца оказали взгляды Э. Кассирера. Тот факт, что язык служит человеку, в частности, для «фантазирования» и всякого рода внутренних духовных движений, представлял для Э. Кассирера теоретико-лингвистический и познавательный интерес. Если представления и воспоминания действительно обязаны своим существованием языку и если с помощью языка мы можем постигнуть то, что находится вне нас или скрыто в нас самих, то язык является, с одной стороны, необходимым условием всякого познания, а с другой стороны, познающий субъект не может выйти за его пределы. По Э. Кассиреру, язык представляет собой нечто вроде «вещи в себе», не доступной нашему познанию⁹.

Ф. Кайнец осуждает бихевиоризм в варианте Уотсона, а также его современных эпигонов. Бихевиоризм как психологическое направление в англоязычных странах, по Кайнцу, представляет собой проявление объективизма в психологии.

В трудах Ф. Кайнца поставлены разнообразные проблемы и описаны многие языковые факты — среди них оценка своего языка разными народами, соотношение языка и мышления. Но особое значение имеют некоторые его фундаментальные положения, относящиеся к концепции языка, роли слова в языке, психологической грамматике, на которых мы и остановимся подробнее.

3. Читая столь объемистую работу, имеющую заглавие «Психология языка», читатель вправе ожидать, что он найдет в ней некоторую экспликацию понятия языка, его семантическую аспектацию. В первом томе указывается со ссылкой на А. Гардинера, что четкое разграничение языка и речи принадлежит Ф. де Соссюру¹⁰. В других разделах первого тома речь идет о методах изучения языка, подходах, школах и т. п. Многочисленные дефиниции языка, сопоставляемые им, все-таки в итоге не дают определенного представления об объекте исследования. А между тем экс-

⁴ F. K a i n z, Psychologie der Sprache (далее — Psychologie), I, стр. 15.

⁵ H. S t e i n t h a l, Grammatik, Logik und Psychologie, Berlin, 1855; ср. также: G. H e l b i g, Geschichte der neueren Sprachwissenschaft, Leipzig, 1970, стр. 20—22.

⁶ F. K a i n z, Psychologie, I, стр. 15.

⁷ O. K ü l p e, Einleitung in die Philosophie, Leipzig, 1928, стр. 114.

⁸ F. K a i n z, Psychologie, I, стр. 17.

⁹ E. C a s s i e r e r, Philosophie der symbolischen Formen, Berlin, 1923—1930.

¹⁰ F. K a i n z, Psychologie, I, стр. 20.

являющаяся сегментация явления — в данном случае языка — выступает как актуальная необходимость. Многозначность термина «язык» по-своему уникальна. Если нечеткость других полисемантических терминов, в том числе и научных, часто нивелируется контекстом, то с термином «язык» дело обстоит сложнее. Даже при беглом анализе значения слова «язык» приходится выделять не два, а по крайней мере четыре значения: 1) язык как работа звукопроизводящих и артикуляционных органов и ее организация (она поддается регистрации разного рода аппаратами, включая регистраторы кинестетических колебаний); 2) язык как звуковая система (и ее реализация), а также ее экспоненты (например, письмо); 3) язык как нейрофизиологическая система, некий биохимический или биоэлектрический механизм, который, хотя еще и не описан, но существование такового не вызывает сомнений и его моделирование в перспективе представляется возможным; 4) язык как субъективная и идеальная картина переработки ощущений, представлений и понятий в сознании индивида, как знаковое мышление, как психологический в общепринятом толковании этого слова процесс.

Конечно эти четыре аспекта не исчерпывают значения термина «язык»¹¹. Исходя только из этих принципов, едва ли безупречным можно считать высказывание «Человек мыслит с помощью языка». Если же исходить только из (1) и (2) указанных значений, то этот постулат будет просто нелеп: человек не мыслит ни с помощью артикуляций, ни с помощью звучащих или написанных слов.

Ф. Кайнц раскрывает психологическую природу языка через описание его функций. И хотя автор во многом следует прежним опытам описания, особенно постулатам К. Бюлера, труд его заслуживает специального обсуждения. Попытка определить язык через его функции была предпринята уже Платоном. Он называл язык «органомом» (*ὄργανον*), с помощью которого одно лицо может сообщить другому нечто о вещах и различать их. Это образное сравнение языка с инструментом повторяется в различных вариантах до сих пор¹². Для Ф. Кайнца язык есть совокупность знаков, с помощью которых можно осуществить «изображение» (*Darstellung*) вещественно-смысловых отношений, благодаря чему только и возможно передать чувственно не воспринимаемое. То, что не представляет собой такого средства «изображения», не относится к языку. «Вне (*unterhalb*) языка остаются поэтому простые рефлекторно-чувственные звуки»¹³, нечетко артикулированные восклицания, которые только указывают на ситуацию и могут интерпретироваться воспринимающим по своему усмотрению. Так Ф. Кайнц и сам подходит к идее инструментальности языка: «Язык есть средство, которое позволяет нам сделать наши внутренние переживания (*Innerungen*), т. е. содержание нашего сознания, понятными для других выражениями»¹⁴.

Расширяя бюлеровскую схему понимания языка, Ф. Кайнц наряду с указанными называет еще три «аспекта психологии»¹⁵ — переживание, поведение и результат. Языковые знаки становятся с и м п т о м а м и,

¹¹ См.: Н. Г. Комлев, Семантическая аспектация языка, сб. «Язык и мышление», М., 1967.

¹² Ср.: A. M a r t y, Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie, Halle, 1908, стр. 53. Инструментом и средством язык, бесспорно, является. Поэтому сомнительна позиция тех, по мнению которых определять язык как средство выражения, общения и взаимоотношения — «это все равно, что определять воду как средство мытья рук и утоления жажды» (L. W e i s g e r b e r, Vom Weltbild der deutschen Sprache, 2, Düsseldorf, 1953, стр. 10).

¹³ F. K a i n z, Psychologie, I, стр. 172.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 176.

если они находятся на службе изъяснения, с и г н а л а м и — как только они выполняют стимулирующую функцию, с и м в о л а м и — когда они служат целям сообщения. Эти три «аспекта» подчинены трем видам духовной жизни, а именно: изъяснение — чувствованию, стимулирование — желанию, сообщение — познанию (мышлению). Названные три функции выступают как элементарные, не сводимые друг к другу и не поддающиеся упрощению. Впрочем, не исключено, что они способны комбинироваться и служить единой цели.

Любопытно, что, определяя функции языка, Ф. Кайнц пытается построить эволюционную иерархию лингвистических действий. С биолого-генетической стороны более ранними представляются Ф. Кайнцу чувства и желания, которые он относит к «душевым» действиям. Изъяснение и обращение трактуются им, как «языковые» действия, появившиеся только на высоких ступенях сознания и относящиеся к диалогической функции языка. Что касается монологической функции, то язык выступает здесь и как средство, служащее для «понимания самого себя», на что нередко обращали внимание исследователи¹⁶. Функции языка в понимании Ф. Кайнца имеют для психолога особую важность. Поэтому он рекомендует с них и начинать рассмотрение языка.

4. Ф. Кайнц считает слово главной или одной из главных языковых единиц. Рассматривая проблему в генетическом плане, он выдвигает вопросы: Что было раньше — предложение или слово? Состояли ли древние высказывания из слов или то, что мы называем словом, образовалось позже, из более сложных единиц коммуникации? В эпоху атомистических исследований эта проблема вообще не возникала. Предполагалось само собой разумеющимся, что слово существовало изначально. С появлением гештальтного мышления некоторые ученые стали защищать противоположную точку зрения. Общетеоретический лозунг «totum est prius partibus», который после 1900 г. стал девизом общественных и известной части естественных наук, оказал влияние и на теорию предложения¹⁷. О. Есперсен также разделял точку зрения, что вначале в языке существовали предложения, а не слова¹⁸. Предложения состояли из нерасчлененных, цельных сигналов по типу кодовых, ключевых слов¹⁹. Таким образом, исходная форма была и словом и предложением вместе, она не расчленялась²⁰.

Однако у «культурно развитых» народов использование слова является доминирующим (в том числе у ребенка). «Хотя ребенок и говорит, безусловно, предложениями, вначале он усваивает слова»²¹. Под словом же Ф. Кайнц понимает «звуковой комплекс, совокупность фонем, имеющую вещественное (образно-понятийное) содержание»²². Из чего складывается это содержание, Кайнц не сообщает. Однако его рассуждения о слове заключают в себе много тонких наблюдений, особенно о связях слов-знаков с их семантической референцией. Описывая слияние значения слова с его звуковой формой, Ф. Кайнц замечает, что слова не только обозначают предметы, события и т. п., а в некотором смысле являются и свойствами таковых, что встречается собственно уже у античных философов.

¹⁶ А. А. П о т е б н я, Мысль и язык, Харьков, 1862, стр. 39; А. Р. Л у р и я, Основы нейропсихологии, М., 1973, стр. 295.

¹⁷ F. K a i n z, Psychologie, I, стр. 121.

¹⁸ O. Y e s p e r s e n, Language. Its nature, development and origin, New York, 1964, стр. 430.

¹⁹ Ср. концепцию Дж. Риса: J. R. R i e s, Was ist ein Satz?, Prag, 1931, стр. 40.

²⁰ F. K a i n z, Psychologie, I, стр. 122.

²¹ Там же, стр. 124.

²² Там же, стр. 97.

Раскрытие функциональной роли слова возможно, однако, на базе описания его семантической структуры, главными уровнями которой являются знаковый, лексико-понятийный и денотативный. На этих уровнях манифестируются и три основных содержательных компонента слова — знак, лексическое понятие и денотат²³. Игнорирование состава семантического строения слова влечет за собой некорректную интерпретацию терминов, в том числе и терминов исторической семантики.

В работе по философской этимологии²⁴ Кайнц в основном рассматривает тенденции философии последних десятилетий. Он призывает заняться историей понятий, прежде всего на примере таких основных философских терминов, как «разум», «действительность», «космос», «пространство», «время», «материя», «опыт» и др. Но полагая при этом, что основные идеи (Leitgedanken), связываемые с философскими терминами, выявляются все-таки на основе этимологии слова, автор по существу продолжает истолковывать значения слов, а не философских терминов. Как верно подметил Э. Альбрехт, «без теоретико-познавательного фундирования, без учета основных положений исторического материализма несомненно интересная и важная постановка вопроса автора [Кайнца. — К. Н.] не может привести к ясному его решению»²⁵.

К. Маркс и Ф. Энгельс, плодотворно занимавшиеся историей языка и этимологическими вопросами, требовали исследования не только, как бы мы теперь сказали, знакового уровня слов, но и их социальной обусловленности. Поэтому они резко критиковали тех, кто прибегал к «этимологическим фокусам»²⁶. Объектом критики стали Прудон, Фейербах и особенно Штирнер. Энгельс подверг критике также толкование Фейербахом термина «религия». Как справедливо отмечает У. Эркенбрехт, «можно сказать, что этимологизаторство — от Штирнера до Хайдеггера — почти всегда служит помощником реакционной политике, философии или науке»²⁷.

Таковы некоторые следствия разного понимания и толкования семантической структуры слова.

5. Можно сказать, что грамматика занимает важнейшее место в лингвистических исследованиях всех периодов и всех направлений. Ранее «грамматика» употреблялась даже как синоним «лингвистики»²⁸. Кайнц считает, что и сейчас, если говорят о грамматике без особых уточнений, то имеют в виду лингвистическую науку как описательную и нормативную дисциплину. К собственно лингвистике Кайнц относит прежде всего и с т о р и ч е с к у ю и с р а в н и т е л ь н у ю грамматики. Наряду с этими типами лингвистической грамматики Кайнц называет в с е о б щ у ю

²³ Эти компоненты понимаются мной следующим образом: знак толкуется как некий инвариант слова (звуковой или графический), со своей внутренней формой или иной мотивацией; лексическое понятие интерпретируется как минимальный набор различительных свойств мыслительного объекта или феномена, а денотат — как мыслительная репрезентация реального или воображаемого объекта (см. об этом подробнее: Н. Г. К о м л е в, Компоненты содержательной структуры слова, М., 1969). Лексическое понятие имеет любую единицу, называемая словом (в том числе в словаре), денотат же — лишь слово, употребленное в реальной речевой ситуации. Сопряжение слова-знака с лексическим понятием есть значение, сопряжение слова-понятия с денотатом — смысл.

²⁴ F. K a i n z, Philosophische Etymologie und historische Semantik, Wien, 1969.

²⁵ E. A l b r e c h t, [реп. на кн.:] F. Kainz, Philosophische Etymologie und historische Semantik, Wien, 1969, «Deutsche Literatur-Zeitung», 1971, 9, стр. 743.

²⁶ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., 21, стр. 293.

²⁷ U. E r k e n b r e c h t, Marx' materialistische Sprachtheorie, Kempten — Allgäu, 1973, стр. 52, 53.

²⁸ Ср.: Т. В. Б у л ы г и н а, О предмете грамматики, в кн.: «Общее языкознание. Внутренняя структура языка», М., 1972, стр. 200.

грамматику и л о г и ч е с к у ю грамматику. Эта последняя, как полагает Кайнц, занимается результатами, а не процессами. Мыслительные же действия как психические операции, как совершающиеся акты, а также их отношение к языку рассматриваются так называемой п с и х о л о г и ч е с к о й грамматикой. Поскольку в психологической грамматике каждое описываемое языковое явление передается в психологических терминах, она относится к лингвистической, как объяснительная дисциплина к описательной. Психологические и грамматические категории не всегда совпадают, психологическая интерпретация представляет многие языковые явления иначе, нежели традиционная грамматическая систематика (например, понятия субъекта и предиката). К представителям психологической грамматики Кайнц относит В. Вундта, Г. Пауля, К. Фосслера, Г. Габеленца ²⁹;

Исследование грамматического строя Кайнц начинает с предложения. Сущность предложения — по Кайнцу — может быть удовлетворительно определена только с психологической точки зрения. Здесь, однако, нельзя обойти одного противоречия, в которое впадает автор, утверждая, что «смысл языковой конструкции нам уже „дан“, поскольку он сконструирован заранее» ³⁰. Действительно, мы часто предвосхищаем структуры слушаемых высказываний. Но антиципация реципиентом смысла осуществляется не потому, что таковой наличествует у него в сознании заранее, а потому, что на основании воспринимаемых последовательностей слов он реконструирует вложенный смысл по известной обоим участникам диалога конвенциональной схеме. Именно по названным причинам этот смысл у участников коммуникации может иногда существенно варьировать.

Ф. Кайнц показывает, что речевые процессы протекают во времени, которое можно измерить. Это время называется физическим, или реальным, временем. Однако говорящим и слушающим то или иное речевое произведение психически переживается как вневременное явление ³¹. В этом смысле целостный характер предложения постулировал уже В. Вундт. В. Порциг также определял предложение как единицу речи, в которой устранено время ³². Хотя предложение произносится во времени и реализуется временная последовательность компонентов предложения, однако, не существует зависимости их отношений и передаваемого ими смысла от этого времени. А. Бергсон делил поэтому время на *temps* и *durée* ³³, а В. Штерн ввел понятие «психически актуального времени» (*psychische Präsenzzeit*) ³⁴.

²⁹ W. W u n d t, Sprachgeschichte und Sprachpsychologie mit Rücksicht auf V. Delbrücks «Grundlagen der Sprachforschung», Leipzig, 1901; H. P a u l, Deutsche Grammatik, 1—5, Halle, 1916—1920; K. Voßler, Gesammelte Aufsätze zur Sprachphilosophie, München, 1923; G. G a b e l e n z, Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgabe, Methoden und bisherigen Ergebnisse, Leipzig, 1901.

³⁰ F. K a i n z, Psychologie, I, стр. 116.

³¹ F. K a i n z, Psychologie, V, 2, стр. 210.

³² W. P o r z i g, Das Wunder der Sprache, Bern, 1958, стр. 114. См. также: Ю. Н. К а р а у л о в, Асимметрия языкового знака во времени, сб. «Современные проблемы литературоведения и языкознания. К 70-летию со дня рождения академика М. Б. Храпченко», М., 1974; Л. А. Ч и с т о в и ч, О временной организации речи, «Сенсорные системы. Вопросы теории и методов восприятия речевых сигналов», 3, Л., 1972, стр. 5—32.

³³ О ньютонском и бергсоновском времени см.: Н. В и н е р, Кибернетика, или управление и связь в животном и машине, М., 1958; Н. Н. Т р у б н и к о в, Проблемы времени в свете философского мировоззрения, ВФ, 1978, 2.

³⁴ F. K a i n z, Psychologie, V, 2, стр. 211; ср. также: Б. П. А р д е н т о в, Выражение времени в русском языке, Кипинев, 1975; Т. П. Л о м т е в, Предложение и его грамматические категории, М., 1972, стр. 68. D. J. F o s s, On the time-course of sentence comprehension, в кн.: «Problèmes actuels en psycholinguistique», Paris, 1974.

Для произнесения слова «университет» человек нуждается в каком-то физическом времени. Воспринимая (или артикулируя) конечный слог «-тет», индивид имеет первые слоги слова «универси-» еще в сознании. Таким образом, отдельное переживание оказывается не моментальным, а темпорально несколько растянутым.

Величина актуального времени измеряется 6—12 секундами. Разница между актуальным временем и памятью иллюстрируется следующим образом. Если мы пытаемся установить, что мы делали час назад, то это надо, как говорят, воскресить в памяти, вспомнить. Этого не нужно делать для того, что происходит в актуальном времени, ибо происходящее или только что произошедшее имеет характер восприятия, а не представления³⁵. Понятие «актуальное время», примененное по отношению к предложению, подтверждает тот факт, что предложение как смысловая единица представляет собой целостный психический акт. Это касается предложений любого языка³⁶.

Диалектика времени в языке и металингвистических описаниях заслуживает серьезного внимания. В языке понятие времени выступает в разнообразных проявлениях — и как морфологически выраженный компонент дополнительного значения некоторых классов слов (например, глаголов), и как основное содержание определенных слов (*вчера, час, быстрый*), и как абсолютное нелингвистическое время, существование которого в известных философских концепциях, правда, также детерминируется бытием языка или, по крайней мере, выступает как лингвообусловленное явление³⁷.

Интересные наблюдения о времени у Ф. Кайнца не включаются органически в единую систему психологической грамматики. Ф. Кайнц не разработал и целостной концепции психологической грамматики. Хотя и возможны разные типы грамматики, но соображения адекватности описания грамматической структуры естественного языка, по моему убеждению, должны быть ориентированы на упоминавшееся уже деление языковой системы на знаковый, лексико-понятийный и денотативный уровни. То обстоятельство, что грамматический механизм языка может функционировать в некоторых случаях на одном, в некоторых — на двух уровнях, но обычно — на всех трех уровнях — только подтверждает постулируемое нами трехуровневое деление. Реальность этой сегментации опирается на множество фактов, в частности, на наблюдения над афазией или над патологическими случаями речевого производства. Известно, что бывают такие случаи афазии, когда исчезает одна из этих частных систем языка при частичном или полном сохранении двух остальных (афония, алексикализм, аграмматизм)³⁸. Во многих видах психических расстройств, в частности, шизофрении, говорящий относительно нормально оперирует знаковой и понятийной системами, однако его высказывания не увязаны с реальной, ситуационной действительностью (денотативный уровень).

³⁵ H. Rohracher, Einführung in die Psychologie, Wien, 1958, стр. 121.

³⁶ F. Kainz, Psychologie, V, 2, стр. 214.

³⁷ См. на эту тему: В. И. Вернадский, Размышления натуралиста. Пространство и время в живой и неживой природе, М., 1975; ср. также: В. П. Лебедев, В. С. Степин, Гносеологический аспект понятия времени, ВФ, 1970, 10, стр. 49; М. М. Маковский, Понятие лингвистического времени, «Ин. яз. в. шк.», 1976, 6; З. Я. Тураева, Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). АЖД, Л., 1974; S. C. F. Grandon, The definition of time, «Studium generale», 1970, 6; W. H. Fay, Temporal sequence in the perception of speech, The Hague, 1966; J. T. Fraser, The interdisciplinary study of time, «Studium generale», 1966, 12; E. Leisi, Die Darstellung der Zeit in der Sprache, «Das Zeitproblem im 20. Jahrhundert», Bern, 1964.

³⁸ T. Milewski, Językoznawstwo, Warszawa, 1965, стр. 54; H. Tomaszewska-Volovici, Agramatyzm w afazji. Na materiale polskim, Wrocław, 1976.

Есть возможность описать фразу (предложение) любого языка, не обращаясь к значениям или лексическим понятиям: в этом случае речь пойдет о *формальной грамматике*³⁹. Точно так же существует возможность конструирования *семантической*, или *бесконтекстной*, грамматики путем сопряжения знаковой и лексико-понятийной секвенций.

Знаковый и понятийный уровни, спроецированные на окружающую (или воображаемую) действительность⁴⁰, составляют основу так называемой *денотативной грамматики*. Реальность этой стратификации можно проиллюстрировать также соответствующим действием механизмов памяти. Потенциал памяти для этих разных срезов различен. Через короткое время, после того как человек услышал предложение, он в состоянии повторить главную мысль, хотя и может забыть детали структуры. Он способен перефразировать или суммировать смысл того, что только что слышал, часто не осознавая, что он не в состоянии дать дословного пересказа. Д. Слобину представляется достаточно ясным, что «значение и форма могут храниться независимо друг от друга и что глубинное значение предложения более устойчиво в памяти, чем поверхностная структура, в которой это значение выражено»⁴¹. Формальная знаковая структура предложения сохраняется только на короткий период⁴². Характер структуры фразы и ее модальная установка может детерминироваться еще и интересами говорящего, т. е. коммуникативным заданием высказывания, интенцией, намерениями индивида, что теперь принято называть *прагматическими* соображениями⁴³. Стало быть, возможна и *интенционная грамматика*. Такого рода аспектное членение материала сделало бы психологическую грамматику Ф. Кайнца более логичной и продуктивной. Но сам термин «грамматика» неоднозначен еще и в том смысле, что он, как и многие другие категориальные понятия лингвистики, одновременно обозначает как языковое явление, так и его научное описание⁴⁴.

Методически совершенно ошибочно считать психологической реальностью, а значит и объектом лингвопсихологии только один из упомянутых аспектов функционирования языка. Точно так же психология не может претендовать на свое исключительное право анализа речи, оставляя лингвистике только исследование языка (*langue*)⁴⁵. К тому же отнесение

³⁹ Ср.: П. С. Кузнецов, О принципах изучения грамматики, М., 1961.

⁴⁰ О денотации см.: П. Материя, Истинность и формальная непротиворечивость эмпирической теории и понятие смысла, сб. «Философия в современном мире», М., 1974; Z. Hlavsa, Denotace objektu a její prostředky v současné češtině, Praha, 1975; N. G. Komlev, Components of the content structure of the word, The Hague—Paris, 1976, стр. 122.

⁴¹ D. I. Slobin, Psycholinguistics, Glenview (Illinois), 1971, стр. 26.

⁴² Ср.: Е. Н. Соколов, Механизмы памяти. Опыт экспериментального исследования, М. 1969; Z. Włodarski, Rola werbalizacji w procesach pamięci u dzieci, Wrocław, 1968.

⁴³ Кстати, правомерность выделения этого аспекта может быть подкреплена наличием так называемой *прагматической афазии*; см.: Т. В. Рябова, А. С. Штерн, К характеристике грамматического структурирования (на материале анализа речи больных афазией), сб. «Психология грамматики», М., 1968, стр. 83.

⁴⁴ Некоторые исследователи отождествляют «выученную грамматику» и «внутреннюю грамматику» соответственно с сосюрвским «языком» и «речью» (см.: J. V. Sagarol, What grammar is in the brain?, сб. «Perception of language», ed. by D. L. Horton and J. J. Jenkins. Columbus, 1971, стр. 142), что неверно, если понимать под «выученной грамматикой» метаописание.

⁴⁵ К психологическим грамматикам Д. Слобин причисляет трансформационную грамматику как «наиболее релевантную для психологии», правонаправленную (*left-to-right model*), вероятностную, или построенную по принципу Марковского процесса, и фразово-структурную, или грамматику непосредственно составляющих (D. J. Slobin, указ. соч., стр. 8). Ср. также: А. Т. Кривонов, Открывает ли «трансформационная грамматика» новые горизонты в лингвистике?, ВЯ, 1977, 6.

явлений разного рода к области психологической реальности требует строгого дифференцирования. Когда я произношу фразу *На улице сейчас холодно* в реальной речевой ситуации или пишу ее как языковой пример, то это две реальности достаточно разного типа. Процедура этого различения и выявления его лингвистической ценности — это одна из задач психологии языка.

6. Обратимся теперь к вопросу о статусе психологии языка как научной дисциплины.

Современная психология языка, в особенности та ее разновидность, которая именуется психолингвистикой, считает своим предметом занятие речевой деятельностью, представляя лингвистике только исследование языка (*langue*) с его статическими и абстрактными структурами. Иначе говоря, функционирование языка, производство и воспроизводство речи, тексты, риторика, стилистика, практика перевода, а вслед за ними лингвопедагогика — все это якобы составляет предмет психолингвистики. Сам термин «психолингвистика» (*Psycholinguistik*) упоминается Ф. Кайнцем лишь один раз и только по отношению к исследованиям других авторов. Как известно, этот термин используется для обозначения американской лингвопсихологической школы (конец 40-х — начало 50-х гг.), возникшей на идейной основе бихевиоризма⁴⁶. Затем этот термин был перенесен на советскую почву, где все еще применяется для обозначения исследований по психологии языка фактически на иных методологических основаниях. Поскольку за названием школ и направлений в науке стоит целое здание прочно сложившихся представлений и сопутствующих этому наименованию коннотаций, логичней было бы термин «психолингвистика» употреблять для обозначения именно американского направления и его последователей. Применительно же к школе, которую представляет Ф. Кайнец (и не только он), целесообразнее сохранить термин «психология языка».

Психология языка, по Ф. Кайнцу, — это относительно самостоятельная дисциплина, которая исследует язык в собственном аспекте и собственным методом, а именно, в аспекте деятельности говорящего человека и в рамках психофизического процесса. Необходимо, однако, признать, что этого собственного метода мы у него тоже не видим. Состав принципов эксплицитно не изложен и может только угадываться.

Психологический подход, который не учитывает индивидуального (а иногда также общественного) сознания, останется квазипсихологическим, и поэтому для него будет характерен объективизм или только кажущаяся объективность. Привлечение сознания как активно-отражательной деятельности или как статического феномена — принципиальное положение лингвопсихологии и психологической науки вообще.

Теперь мы вплотную подошли к самой большой трудности — к вопросу вопросов психологии — к границе психического и физического. Наши органы чувств устроены так, что они направлены главным образом на внешнюю среду:

The eye sees not itself
But by reflection, by some other things
(W. Shakespeare, Julius Caesar).

Только при патологических нарушениях органы чувств смещают направленность своего действия. Например, при болезни уха я слышу, как я жую. С мышлением дело обстоит аналогичным образом: я не замечаю,

⁴⁶ См.: О. С. А х м а н о в а, Психолингвистика, М., 1957, стр. 3.

как я мыслю⁴⁷. Когда же я начинаю думать о том, как я думаю, процесс как объект моего наблюдения уже завершен. К тому же сам факт наблюдения может решающим образом повлиять на наблюдаемый объект. И долгое время считалось, что умственная деятельность, не будучи по природе своей физически (т. е. чувственно) воспринимаемой, не доступна чувствам.

Исследование психики методом самонаблюдения, тем не менее, остается одним из важнейших путей ее познания. Жизнь слов и их содержание в психике индивидуума собственно составляют материал практического сознания. Разработка методики и н т р асубъектных исследований, подводящих нас ближе к психике индивидуума, сделала бы факты сознания более доступными и и н т е рсубъектной проверке. Именно отсутствие подобной методики вызвало недоверие к процедуре самонаблюдения. Вот почему многие исследователи подверглись сильному влиянию идей бихевиоризма⁴⁸, для которого сознание есть мистика. Методология бихевиоризма, как известно, в последние десятилетия перестала быть господствующей научной идеологией даже и у себя на родине, но глубокие корни, которые она пустила в лингвистике, еще пока питают некоторые ее ветви, включая психолингвистику.

Пониманию проблемы транспозиции физических явлений в психические и наоборот может способствовать раскрытие механизма взаимодействия разных чувств между собой. Только человек обладает способностью к так называемым интермодальным ассоциациям. Дж. Эттлинджер⁴⁹ в одном из своих экспериментов учил обезьян зрительно различать треугольник и круг. Однако, когда им было предложено различить эти же фигуры осязательно, животные вели себя так, как будто бы в первый раз в жизни имели дело с этими двумя фигурами. Зато у человека создание интермодальных связей происходит с необыкновенной легкостью. На этой основе он может, например, идентифицировать зрительно воспринимаемый круг с кругом, ощущаемым осязательно. Существует некоторое разногласие в интерпретации этого явления. Часто высказывается гипотеза, что интермодальные связи устанавливаются через вербальное посредничество. Вербальные стимулы позволяют человеку опознать их при рецепции через другой чувственный канал. Такого мнения придерживается Дж. Эттлинджер, тогда как, например, Н. Гешвинд, напротив, усматривает источник способности к созданию интермодальных ассоциаций в специфических свойствах структуры человеческого мозга, в существовании пограничной области корковых репрезентаций чувств зрения, слуха и осязания⁵⁰. Интермодальные связи, по-видимому, составляют основу пользования словами, обозна-

⁴⁷ Патологии высшей нервной деятельности известны случаи некоторых форм шизофрении и психозов (в том числе экспериментальных), при которых больной, испытывая раздвоения личности, ощущает свое собственное мышление и видит себя ментально как бы со стороны. Но такие случаи, видимо, не могут представить нам надежных данных о структуре мышления. Ср.: Е. Н. Камнева, Теоретические вопросы психопатологии и патогенеза шизофрении, М., 1970; Ю. Ф. Поляков, Патология познавательных процессов, сб. «Шизофрения. Мультидисциплинарное исследование», под ред. А. В. Снежневского, М., 1972, стр. 225—227; Ф. И. Случевский, Атактическое мышление и шизофрения, Л., 1975.

⁴⁸ Нельзя, конечно, утверждать, что самонаблюдение является единственно возможным методом. Важные выводы о поведении системы делаются, как известно, и путем внешнего наблюдения за системой.

⁴⁹ G. E t t l i n g e r, Analysis of cross-modal effects and their relationship to language, сб. «Brain mechanisms underlying speech and language», ed. by C. H. Mellikan and F. L. Darley, New York — London, 1967.

⁵⁰ N. G e s c h w i n d, Brain mechanisms suggested by studies of hemispheric connections, там же.

чающими полимодальные (многосторонние) предметы внешнего мира⁵¹.

Второе отличие человеческого сознания от психики животных состоит в его способности к планированию. Как указал К. Маркс, даже «самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально»⁵².

Эта мысль К. Маркса составляет сегодня, как пишет М. Марушевский, один из основных тезисов разнообразных психологических теорий, пытающихся описать и объяснить поведение человека. Возможность деятельности на основании сконструированного «в уме» плана, направленность действия на достижение заранее намеченной и осознанной цели, способность к изменению действий тогда, когда они отклоняются от пути, ведущего к цели, известная автономность деятельности от поступающих извне стимулов, безусловно, составляют свойства поведения, которые, даже если иногда и наблюдаются в зачаточной форме у других видов животных, то только у человека становятся доминирующими чертами и составляют наиболее типичные проявления его активности⁵³.

Благодаря каким нейрофизиологическим, нейропсихологическим или иным механизмам складывается эта способность порождения идей, как чувство преобразуется в мысль, как «не-я» переходит в «я» — эти вопросы пока не выяснены. Каким образом мозг, этот «генератор языков»⁵⁴, или «орган свободы», как психологи называют человеческий мозг⁵⁵, будучи субстанциальным объектом, получает способность созерцать окружающий его мир и осознавать этот факт, — на этот вопрос стараются в настоящее время ответить многие науки, в том числе нейрофизиология⁵⁶ и нейропсихология, лингвопсихология и философия языка.

7. Подводя итоги, надо сказать, что сочинение Ф. Кайнца «Психология языка» представляет собой существенный вклад в исследование психологии языка. Автор по-новому осветил многие ранее известные факты, явления и проблемы, широко показал их в психологической перспективе. При этом он повсюду старается строго отграничить психологию языка от языкознания, полагая, что последнее рассматривает язык как статический продукт, в то время как психология языка изучает его в «субъективном аспекте деятельности» и переживаний говорящего индивидуума. Такой подход, однако, в методологическом отношении обедняет лингвопсихологию, а языкознание лишает масштабности и жизненных сил. Очень многие факты, относящиеся к разнообразнейшим сферам языка и его функционирования, а также их интерпретация в работах Ф. Кайнца представлены так, что они могут послужить основой для дальнейших исследований и иметь, таким образом, значительную эвристическую ценность.

⁵¹ M. Maguszewski, указ. соч., стр. 255. О. Григорьева описала и систематизировала глаголы немецкого языка, которые обозначают чувственное восприятие. Интересно было бы также исследовать, как интермодальные связи проявляются вообще в лексике (см.: O. Grigorjeva, Semantisch-syntaktische Charakteristik der Verben der sinnlichen Wahrnehmung in der deutschen Sprache der Gegenwart. Inaugural-Dissertation, Leipzig, 1973).

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 23, стр. 189.

⁵³ См.: M. Maguszewski, указ. соч., стр. 267.

⁵⁴ K. H. Pribram, The biology of mind: neurobehavioral foundation, сб. «Contemporary scientific psychology», ed. by A. R. Gilgen, New York — London, 1970.

⁵⁵ А. Р. Лурья, Действие, его происхождение, его мозговая организация, «Вопросы психологии», 1969, 5, стр. 29.

⁵⁶ Впрочем, есть и скептические мнения: например, Р. Томпсон пишет, что нейрофизиология пока совсем не занималась мышлением (R. F. Thompson, Neurophysiology and thought: the neutral substrates of thinking, сб. «Approaches to thought», ed. by J. F. Voss, Columbus, 1969, стр. 40).

Труды Ф. Кайнца дали бы гораздо больший эффект, если бы автор основывался на более прочных философских позициях. Ярко и с большой филологической эрудицией излагая взгляды отдельных авторов, Ф. Кайнц в большинстве случаев сохраняет и идейно-теоретическую основу интерпретируемого исследования. Но и переходя к собственному изложению, он зачастую так и остается в идейном фарватере только что комментируемого автора. При разработке лингво-психологического понятийного аппарата и терминологического инструментария ему явно не хватает единой, последовательной и до конца выдержанной теоретико-философской линии. Наибольшую трудность в этом отношении встречает Ф. Кайнц при разграничении физического и психического. В качестве психического в языке Ф. Кайнц квалифицирует «все осознаваемое» в нем. Что значит «осознаваемое», что такое сознание, какова в нем роль языка и каково отношение того и другого к интеллекту — в работах Ф. Кайнца не нашло ожидаемого отражения.

Преодолев презумпцию параллелизма говорения и мышления⁵⁷, Кайнц тем не менее оставил открытым вопрос не только о характере связей между этими двумя феноменами, но и не смог представить четкую и однозначную картину статуса психологии языка как научной дисциплины. Однако совершенно бесспорна огромная заслуга этого ученого, разносторонне описавшего эту актуальную тему и проработавшего столь обильный материал.

⁵⁷ См. также: Н. Г. Комлев, Лингвистическая интерпретация мышления в его отношении к говорению, «Вопросы психологии», 1979, 4.

ЛАПТЕВА О. А.

О ГРАММАТИКЕ УСТНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

I. Настоящий этап изучения русского устно-разговорного синтаксиса знаменуется завершением предварительного описания его ведущих структурно-функциональных примет. Создано несколько его моделей, отражающих отчасти сходные, а отчасти и различные его черты. Сходство моделей объясняется общностью описываемого материала; различие — неодинаковыми методами сбора материала и концептуальными расхождениями. Поскольку исследуемый материал конструируется на основании экстралингвистических критериев, его функциональные ограничения накладываются на его характеристики, создаваемые устной формой осуществления высказывания. При описании такого материала используются термины «разговорный», «устный», «устно-разговорный». Таким образом заведомо создается известная гетерогенность как самого материала (речь бытовая, обиходная, интеллектуализированная, осуществляющаяся при разных установках и условиях общения, в разных ситуациях и на разные темы, диалогическая или монологическая по преимуществу и т. п.), так и принципов его описания; последнее ведет и к несоотнесенности и неупорядоченности названного понятийно-терминологического цикла.

Различия в методах описания не должны препятствовать поиску тех общих принципов организации устного высказывания, которые и обуславливают специфику его формы. Думается, что задача синтеза полученных при описании результатов сейчас сводится к выяснению с а м о й основы синтаксической специфики, возникающей при устном осуществлении речевого потока. Остро ощущается необходимость в наполнении конкретным лингвистическим содержанием еще не получившей должной научной разработки идеи устности, в уточнении понятийного содержания термина¹.

Это позволит: во-первых, охватить в целом выявленную в описаниях синтаксическую специфику (формально достаточно разнообразную) с целью поиска некоторых универсальных законов организации устно-речевого высказывания в русском языке и установить на этой базе некий общий принцип (или принципы) формальной организации структурно различных моделей; во-вторых, найти сущностно-содержательные характеристики категорий «устности» и «разговорности», столь широко используемых в описаниях, но взаимно соотнесенных далеко не достаточно. Если «разговорность» — категория прежде всего функциональная, то «устность» отнесится к форме осуществления речи. Сейчас в русистике ведутся горячие споры о категориях разговорности (обиходно-бытовая речь) и книжности (интеллектуализированная, публичная речь) применительно к устной речи, однако они неизбежно будут носить схоластический характер, пока не определены отличительные черты собственно устной речи.

¹ Ср. одну из немногих специально посвященных этому вопросу работ: Б. М. Гапаров, Устная речь как семиотический объект, «Уч. зап. [Тартуск. ун-та], 442 («Семантика номинации и семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика», 1), Тарту, 1978.

Задача данной статьи — выявить, какие наиболее общие особенности организации высказывания обязаны своим возникновением устной форме речи, каков наиболее общий механизм (или механизмы) организации высказывания при поступательном, линейном движении речи. Такой механизм должен быть тесно связан с общим механизмом порождения речи, однако в речевом узусе возникающие синтаксические формы могут утрачивать свою индивидуальность и обретать свойства модели на базе своей формальной устойчивости.

Линейность, протяженность речевого отрезка является, строго говоря, свойством не только устной, но и письменной речи. Если обратиться к примеру Я. Мукаржовского — последовательному превращению предложения типа *Лампа стояла* → *Лампа стояла на столе* → *Лампа стояла на столе между книгами* и т. д.², то в этой цепи каждое следующее предложение, представляющее собою линейное распространение предыдущего, отличается от него последовательным добавлением прилагательного члена, распространяющего одну и ту же структурную схему предложения. Таким образом, правое распространение формальной схемы в предложениях открытой структуры может осуществляться в ходе речи как добавление возможных ее распространителей (прилагательных или приименных, а также однородных членов) и не нарушает, не меняет, не переорганизовывает уже сделанной части сообщения. Собственно говоря, предложение достаточной длины в принципе можно оборвать в определенном месте без нарушения его целостности. В предложениях открытой структуры в речевом потоке обычно имеется потенциальная возможность для говорящего (пишущего) сделать, а для слушающего (читающего) ожидать или предсказать некоторую добавочную часть сообщения в пределах избранной для оформления мысли формулы предложения и ее виртуальных распространителей с целью пояснить сказанное, добавить новые детали. Это — свойство любого общелитературного — и устно, и письменно осуществленного — высказывания (кроме его предельных, закрытого типа, отрезков), будь оно обиходно-разговорного, интеллектуализированно-разговорного (*conversace*) или публичного характера. Вот примеры из разных типов литературной речи: «Говорили про него, что он один за передок подымает «газик», что он с лопатой ходил на медведя, что он мог опрокинуть воз сена, что ставил на передки телегу, груженную трестой, и всякие прочие чудеса рассказывали про него» (ЖГ, 18 X 1978); «Кто выпить любит, у кого любовница (у одного даже две!), у кого взрослые дети на шею сели» (И. Грекова, Кафедра); — *Вымой ее потом. — Эту тоже надо вымыть будет?* (из обиходно-разговорной устной речи; добавлением вспомогательного глагола уточняется, какая именно из реализаций структурной схемы избирается); *Сначала злишься на себя / ну / потом успокоишься / проанализируешь / почему неудача / получилась* (О. Попов, Телевыступление); *А ведь Горстков может быть ox каким резким / может быть его удар* (спортивный телекомментарий); *У него был / доклад / просматривал конспект доклада* (документальный фильм).

В приведенных примерах процесс распространения предложения по ходу речи идет дальше, чем в примере, приведенном Я. Мукаржовским: структурная схема здесь может меняться. Иногда такое изменение выводит предложение из общелитературной сферы в специальную, как это случилось в последних двух примерах, добавляемые члены переводят конструкции из общелитературной сферы в устно-разговорную.

² См.: J. M u k a ř o v s k ý, O jazyce básnickém, сб. «Kapitoly z české poetiky», Praha, 1948, стр. 117.

В устной обиходно-разговорной речи добавляемый член может а) не менять общелитературной формулы, б) менять ее на другую общелитературную и в) менять общелитературную формулу на устно-разговорную. Примеры, где последний добавляемый сегмент переводит ранее избранную общелитературную структурную формулу в другую, заранее не предусмотренную говорящим общелитературную структурную формулу: *Причем нас было немного, три человека все го пришло; Это нужно очень хорошим предметиком только делать / вроде моей пилочки / заведи себе что-нибудь; потому что я поеду не утром, а из издательства по ед у т у д а. Оказывается, что они продаются около метра Ждановская буквально рядом есть магазин; У нас была поездка в Самбатхай на границу нас возили / с Шани; Ну может быть я съезжу / завтра с утра / к тебе заеду; потому что у меня завтра такой туманный день / может получить ся; Ребята рекомендую прекрасный кофейный напиток я купил.* В некоторых из приведенных примеров структурная формула меняется или распространяется дважды — с каждым из прибавляемых членов. Ср. еще: *Пришла главный врач, рецепт выписала и попросила там через какую-то аптеку мне до ст а л и* (изменение структуры по ходу речи посредством употребления другой морфологической формы); *Такой хороший чеснок прелесть просто / по п а л с я; Боже мой, как хорошо, как легко сразу ст а л о.* Из художественной прозы: *«У него были спутанные рыжие волосы, окровавленное лицо и шея об х в а ч е н ы т о л с т о й п е т л е й»* (Ю. Олеша, Три толстяка). Из речи массовой адресации: *Запрещается курить на всем протяжении полета / пользоваться фотоаппаратами магнитофонами биноклями / не р а з р е ш а е т с я* (объявление стюардессы в самолете); *съемки шли очень последовательно / я не знаю как в других фильмах / б ы в а е т э т о* (выступление ведущего Г. Капралова в кинопанораме).

Добавляемый член преобразует первоначально избранную общелитературную структурную формулу в формулу устно-разговорную в следующих примерах: *Во-первых, они готовят, а во-вторых, у них есть поваренная книга такая о диетическом питании и они по ней г о т о в я т; — Где он? — Здесь. А если тебе надо там, то открой в б е л о м ш к а ф ч и к е п а к е т и к у в и д и ш ь; он или на самой верхней полке, или я по-моему здесь на стол и к е е г о в и д е л; Я уже не говорю здесь о роли журнала мож но б ы л о б ы м н о г о г о в о р и т ь* (на Ученом совете).

Бывают и такие случаи, когда вся конструкция изначально возникает как необщелитературная (в качестве примера можно сослаться на уже получившие описание конструкции с дополнительной фразовой границей).

Типология синтаксических построений с точки зрения грамматики слушающего может быть представлена следующим образом: 1) конец высказывания полностью непредсказуем; 2) продолжение высказывания возможно в нескольких вариантах; 3) возможно только одно продолжение высказывания. Первые две возможности соответствуют двум типам нарушения первоначальной формулы, третья охватывает построения, не подвергающиеся каким-либо преобразованиям. Вот примеры построений, где ожидаемая грамматическая предсказуемость части, следующей после союза *и*, не оправдывается: *Вам надо взять перчатки и принесите там еще зеркало; Там у нас шофер и книги внизу надо принести.*

Стихия устности как раз и начинается там, где распространение структурной формулы перерастает в ее изменение. В соответствии с принципом линейной организации высказывания, который в устной речи проявляется

особенно полно и, в отличие от письменной, подчиняется фактору физического времени, говорящий может безболезненно для адекватного восприятия его речи нарушать первоначально избранную структурную формулу. Для устной речи особенно характерна вторая типологическая возможность нарушения исходной формулы. Наиболее активно она используется в устной речи монологического характера (назависимо от ее ситуативной обусловленности и функциональных установок), поскольку именно в случае пространной речи особенно часто возникает необходимость в последующем добавлении, разъяснении, уточнении, сообщении. В соответствии с этим основным принципом организации устного монологического речевого потока происходит членение его суперсегментными (интонационными) средствами на некоторые с е г м е н т ы, которые, если их соотнести с общелитературными синтаксическими единицами, могут совпадать и с предложением, и со словосочетанием, и с группой слов, и с отдельным словом (даже незнаменательным)³. Вот примеры таких сегментов из монологической устной речи бытового и интеллектуализированного (а также массово адресованного) характера: *Это потом перестраивали камин / приезжали / ребят / двое; И / также / ну она считает / сделав некоторые замечания / что...; Я с ними строг хотя отношения хорошие / с ними / товарищеские / отношения* (телефильм); ср. также выступления по телевидению Г. Улановой («Время» 22 IV 1978), Б. Окуджавы («Кинопанорама» 4 VI 1977), режиссера Ростопского («Лица друзей» 22 XI 1977) и мн. др. Авторы книги «Русская разговорная речь. Тексты» (М., 1978) приводят такой текст: «На Капри мы поехали с моей... двоюродной сестрой / с тетей / мы поехали мм... Это было в двенадцатом году / видите когда это / давно // Мы проехали / и в Риме были / и в ... в этом... м... в Венеции были / Венеция нам очень... Там ко... конечно очень красиво все / но жить там невозможно для... // Там такая сырость / и там все вода / кругом это //» (стр. 107). Приведем еще отрывок из лекции на тему «Состояние и перспективы развития систем автоматизированной обработки ПТИ в стране» (из материалов Института русского языка им. Пушкина): «Не получается / потому что сама по себе система / она не имеет такого понятия / действующая система как общий банк данных / с выполнением на нем всех функций / Существующая система не имеет // Наша информационная система такого понятия тоже / не имеет // Проиллюстрируем простым примером / Все существующие в настоящее время / системы автоматизированные / вводят информацию из РЖ ВИНТИ // Абсолютно все // РЖ ВИНТИ // издание являющееся в общем / вершиной / того чего мы с вами достигли / следуя традиционным / методам / Все нормально // Но если подходить / к проблеме комплексной автоматизации / то все должно быть наоборот //». А вот еще один пример из бытового монолога: *Насчет второй я уже все знаю // Мы вчера переговоры вели // Долгие по телефону.*

Такие сегменты могут выстраиваться в паратактические и гипотактические структуры, ср. возможность паратактического соединения: — *В 48-й кто последний? — Женщина / Она ушла; Как пойдешь за железную*

³ Мысль о том, что в устно-разговорной речи далеко не всегда можно четко определить границу предложения в его общелитературном понимании, была высказана еще А. Б. Шапиро (А. Б. Ш а п и р о, Очерки по синтаксису русских народных говоров, М., 1953, стр. 27). В книге «Русская разговорная речь» (М., 1973) говорится о том, что тексты РР, «как правило, включают в себя не только предложения, но и единицы иного строения» (стр. 220; см. также стр. 221 и далее). Об этом же пишет Д. Н. Шмелев в книге «Русский язык в его функциональных разновидностях» (М., 1977) на стр. 146 и др. В исследованиях устной речи последнего времени это положение принимается как общепризнанное (см.: А. К. Р о д и м а, Особенности функционирования глагольно-именных конструкций в устной речи детей среднего школьного возраста. АКД, Саратов, 1978, стр. 2—3).

дорогу / и там посеяно / и там поле / и там тоже растет овес; Это есть такой вычислительный центр в университете / и он обрабатывает словарь разговорной речи / там / он обрабатывается; гипотактическое соединение: она поет / там у нее пластинка есть; объединение паратаксиста и гипотаксиста: у меня лежат / я сохранила / карточки / я тебе как-нибудь покажу / талончик оторвешь / и дадут продукты.

Последовательным присоединением сегментов разного типа обеспечивается развитие и продвижение информации. Прогнозирующая сила сегмента может быть высока, и в этом случае последующий элемент оказывается синтаксически обусловленным предыдущим, причем описанный выше механизм распространения предложения открытой структуры со-

храняется, ср.: *сидись на маршрутку туда и обратно сядешь доедешь*⁴. Однако соединение сегментов может и не укладываться в рамки паратаксиста и гипотаксиста и вообще не отвечать правилам построения предложений. В таком случае оставляем за ним термин «высказывание», если это соединение обнаруживает смысловое единство.

Речевой сегмент, стремящийся к линейно-временной, а в связи с этим и к информативной и формально-структурной самостоятельности, обнаруживает тенденцию включать в свой состав глагол как предикативный элемент. Именно таким образом — через приобретение предикативности — он может наиболее полно достичь этих свойств. Возникают так называемые полипредикативные устно-разговорные построения, которые в последнее время исследуются Е. Н. Ширяевым, В. А. Богдановой, Н. И. Ильминской, А. Г. Лапотько. Если произвести в остальных отношениях неадекватное, но в рассматриваемом — показательное сравнение таких единиц, как сегмент устного текста и минимальная синтаксическая единица письменного текста, то окажется, что в первой из них гораздо чаще употребляется глагол. Закон «глубины простого предложения» (традиционно понимаемого как однопредикативное) здесь таков, что для письменного текста она измеряется значительно более высокими числами, чем для устного. Примеры строения устно-речевого отрезка из глагольных сегментов: *что касается вот я хочу еще вернуться к форме физкультурной / я не знаю как там будет / у нас было прохладно* (выступление директора школы на родит. собрании); *там вот не знаю что там висит / написано / вы входили там (там же); — Будьте добры остановите на повороте / вот как поворачивать там поворот / можно остановить?* Естественно, при этом действуют обе обозначенные выше типологические возможности распространения структуры.

Сам глагол, проникая в структуру сегментов разнообразного строения, становится организатором сегмента, его своеобразным стержнем. Между глагольными сегментами могут устанавливаться отношения синтаксической независимости (иногда сочетающейся с информативной зависимостью) (примеры даны выше при иллюстрировании паратактических отношений) или синтаксической зависимости. Последний тип отношений может возникать непосредственно между самими глаголами. Он формируется на базе пояснительного присоединения. Ср.: *Я думаю что товарищ Немеш / расскажет нам более подробно / познакомит нас...* (вступительное слово перед показом фильма); *В аналогичных случаях обычно делают / какие-то там заказники / устраивают* (телепередача «В мире животных» 22 X 1977); *Распарились что-то в лесу / там была речка ключевая холодная вода / полезли* (из бытовой речи)⁵.

⁴ Ср.: Л. Блумфилд, Язык, М., 1968, стр. 197.

⁵ Аналогичный материал см. в кн.: О. А. Лаптева, Русский разговорный синтаксис, М., 1976, стр. 287 и сл.

Является ли все сказанное свойством синтагматического синтаксиса или охарактеризованные отношения обнаруживают парадигматические свойства? В связи с этим — функционируют ли такие построения как модели или как речевые реализации (в которых возможен и эллипсис)? Какова степень их грамматической эксплицитности? ⁶ Синтагматические отношения сегментов, членов линейной речевой цепи, очевидны, поскольку они в самом своем возникновении основываются на последовательном присоединении следующего элемента к предыдущему; сами же сегменты в своем строении во многом стихийно-неопределенны, их внутреннее устройство далеко не всегда закономерно. Вместе с тем, как это обычно и бывает при функционировании языка в разных сферах общения, некоторые однажды возникнувшие отношения и структуры узואльно закрепляются, становятся частотными и повторяемыми, а это порождает тенденцию к их переходу в разряд регулярных моделей. В этих случаях возникают и парадигматические отношения: модели взаимно организуются, взаимодействуют, соотносятся.

II. Чтобы понять механизм возникновения парадигматики устного синтаксиса, обратимся к наиболее частотным и узואльно закрепленным способам употребления глагола в составе групп в разных синтаксических позициях. Как будет показано ниже, сильная степень глагольной активности не может остаться без последствий ни для характера глагольной валентности, ни для характера самой глагольной предикации.

В имеющихся описаниях разговорного синтаксиса ⁷ представлены типизированные структуры, включающие в состав одной из своих автономных частей глагол, не зависимый от основного глагола-сказуемого. Таковы модификации модели именительного темы I и II группы с глаголом в составе группы именительного, модели бессоюзного подчинения с глаголом в зависимой части (из них независимость от глагола главной части обнаруживает модель А), модификации модели наложения, двупредикативных конструкций с *кто* (согласно номенклатуре, разработанной в книге автора «Русский разговорный синтаксис»). Эти, а также и некоторые другие высокочастотные построения можно проанализировать с точки зрения синтаксической позиции группы, в составе которой выступает глагол ⁸. Оказывается, глагол может включаться и в состав грамматического субъекта, и в состав грамматического объекта разных видов, и в состав глагольного сказуемого, т. е. практически выступать в любой конструирующей формуле предложения синтаксической позиции.

Глагол в составе грамматического субъекта. Глагол употребляется в этой позиции в случае необходимости дать дополнительную уточняющую или пояснительную информацию о субъекте речи. Ср.: *Там были мои ровесники, одна женщина, еще одна такая была Нина...*; *Там был Миша, Люська, его сестра, и такой е с т ь Петров; Кто, кто? — Художник такой был;* *Это если захудалый театр, где нет ни одного аншлагового спектакля, а если на Таганке или вот еще МХАТ с т а л хороший театр,*

⁶ Эти вопросы были заданы автору на заседании кафедры русского языка Карлова ун-та в декабре 1977 г. Автор благодарит всех коллег, участвовавших в обсуждении его сообщения, в уточнении понятийной части статьи.

⁷ См. работы Е. А. Земской, Г. Г. Ифантовой, И. К. Кручининой, О. А. Лаптевой, О. Б. Сиротининой и ее учеников, Е. Н. Ширяева, а также Вл. Барнета, Д. Брчаковой, О. Кафковой, Кв. Кожевниковой, Л. Рейманковой, К. Хлупачевой, И. Цамутали.

⁸ До сих пор они описывались на основании своих формально-структурных особенностей (см. «Русский разговорный синтаксис», М., 1976, «Русская разговорная речь», М., 1973 и другие работы). Здесь попытаемся охарактеризовать их и другие еще не описанные в литературе построения с точки зрения позиционных особенностей глагольного сегмента.

то...; нас встречал дядечка-то п р и л е т е л; прекрасный снимок он сделал: тут на одной линии получились этот дурацкий павильон, строение какое-то и прекрасная церковь там в и д н е е т с я вдали; ...и этот Буланчик объясняет, почему так прекрасно бегают такой Борзов е с т ь; у нас была преподавательница Т-а е с т ь такая в Баку; — Вы не скажете, в каком доме тут райсобес тоже п е р е х а л, не знаете?; Там у папы есть карандаш и листок там л е ж и т; Компот я думаю теплый здесь е с т о и т; во-первых ваш работник принимает с вами р а б о т а е т а во-вторых что вы меня дурачите? Из выступлений: так / присутствующие рецензенты здесь я знаю Николай Николаевич здесь б ы л / он здесь / не желает // из замечаний сделать никаких // ; Методические разработки по литературе сделал К-т Николай Аркадьевич / б ы л такой у нас; Я была куратором / и вот у меня е с т ь еще такая должность / я страждею за кафедру; На искусствоведении заведует кафедрой я думаю самый способный человек нашего поколения / такой е с т ь К-о; А опыт такой положительный имеется и в отделе научном / в отделе теории и практики е с т ь такой опыт.

Сюда же принадлежат глагольные модификации именительного темы I группы и модификации двупредикативных конструкций с кто, где группа с кто занимает позицию S (уже описанные в литературе). Эти конструкции отличаются от конструкций с глаголом в составе предиката (см. ниже) возможностью употребления разных глагольных времен в пределах высказывания.

Глагол в составе грамматического объекта, оформленного как ответная реплика — двусоставное предложение или как начинающий высказывание грамматический субъект. Глагол употребляется в первой из названных позиций при необходимости дать в ответной реплике развернутую информацию об объекте. Ср.: — А в каких она пойдет лыжах? — У нас е с т ь красные лыжи, а е с т ь около сарая с т о я т старые лыжи; Ты что распустила? — Кофта б ы л а. Ср. модификацию 9 конструкции с именительным темы.

Ход грамматической транспозиции может быть и противоположным: предмет высказывания предстает как грамматический субъект, который затем путем добавления сегмента с управляющим глаголом переосмысливается как грамматический объект, ср.: А Ада Р-а / у нас е с т ь / тоже очень давно работает / так вот мы ей пробили двухкомнатную квартиру; У нас е с т ь там одна девушка которая работает вместе с ними ж и в е т в одном доме с Е. И. надо попросить ее отпустить; Там б ы л о пальто сапоги теплые я сняла; Причем ложки б ы л и большие и маленькие я видел у них; Его главный редактор с большим опытом п р и ш е л из радиокомитета его взяли; Иванов там с и д е л член месткома ввели его; Я купил урюк. Килограмм. Потом у нас л е ж а т два килограмма изюма я купил и сухофрукты; Там б у д е т сначала промтоварный построили новый, потом продовольственный; Какое ей дело до дочки, до внучки? Она вся в заботах / у нее е с т ь гораздо более важные проблемы ее волнуют; Это у тебя л е ж и т тот самый пирог ты ешь?; — А зачем тебе к ней? — У нее б ы л Валеркин плащ мы когда-то ей сvezли; К у п л е н крахмал, картошка, лимон щас тебе порезу. Из выступления: Е с т ь у нас соответственно магнитофонные кабинеты будем монтировать е с т ь у нас техника. Бытийный глагол может и отсутствовать, и тогда двуглагольность становится имплицитной и сигнализируется глагольным окружением, ср.: — Какое средство? — Финское. — Мазь? — Нет, капли я купил; У нас там салат еще мы приготовили; — А у вас киноаппарат вы не берете с собой?.

Как видно из примеров, в таких случаях обычно употребление омо-

нимичной формы им.-вин. падежей. Если же употреблена форма жен. рода (на -а), то во второй, управляющей, части высказывания имеется местоименный коррелят в форме управляемого падежа.

Глагол в составе грамматического объекта. Объектность позиции группы, включающей глагол (или сказуемый член), определяется ее зависимостью от управляющего глагола-сказуемого. При этом имеются две возможности:

1. В составе группы объекта употреблен субстантив в им. падеже (в случае форм муж. рода и мн. числа это омонимичные формы им.-вин. падежей), относящийся к нему глагол формально ему уподоблен. Сюда относится модификация 11 модели с именительным темы. Ср.: *Я сейчас возьму там мармелад пластовой е с т ь*⁹.

Такая схема может усложниться за счет включения (или вклинивания) в объектную группу дополнительных глагольных сегментов управляющего или формально уподобленного типа, ср.: *Встретил помнишь у нас б ы л старичок / Иван Анисимович / тебе очень нравился / жаловался что у нас очень сыро на участках. Представляешь/такое лето и все равно сыро.*

В выяснении характера такого рода синтаксических отношений решающая роль принадлежит интонированию конца сегмента в тех случаях, когда управляющий глагол семантически достаточен и без управляемого члена. Ср. следующий пример, который может быть истолкован и как соединение двух простых предложений: *Завтра зашью тебе у тебя снова о т р ы в а е т с я вот здесь молния.*

В случае прямого объекта сохраняются те же отношения: управляющий глагол + им. пад. + формально ему уподобленный глагол, ср.: *материалы мы брали из «Литературной газеты» и б ы л о еще одно такое издание; Она идет в школу. А пойдет она около нас школа п р е о б р а з у е т с я в немецкую и она в нее пойдет; Я потом выяснила / они ездят не в английскую школу а остановки три или четыре от нас специальная школа е с т ь; Мы были / у нас секретаршей р а б о т а е т молоденькая девушка / и вот у нее подруга; Я пошел в магазин и набрал в центре там чеканная мастерская е с т ь; Он преподавал на Шереметьевской школе б ы л а за мостом от вас.* Структурный каркас предложения (ср. союзы и, а в 1 и 2 примерах) делает объектную позицию еще более отчетливой.

Если сегменты формально достаточны для формирования простого предложения, характер интонирования конца сегмента определяет принадлежность структуры к 1-му или 2-му типу распространения структурной схемы по данной выше типологии: *Я был в феврале там е с т ь такие разработки.*

Отношения управления глагольной группой с омонимичной формой им.-вин. падежей существительного могут быть и при наличии предлога при этой группе, ср.: — *А завтра?* — *А завтра мы идем на субботах б у д е т у нас в институте.* В таком случае отчетливее выражен пояснительный характер заключительной части высказывания.

Глагольный сегмент пояснительного характера может быть употреблен и при форме косвенного падежа; в таком случае формальное уподобление глагола происходит с некоторым идеалом формы им. падежа, физически в предложении не представленном. Ср.: *Да, ребят, тупые. Дома у меня ничего. Я их точу машинкой у меня е с т ь; Я там замазал. Потом привезу шпаклевку на даче у меня е с т ь и домажу; Я носки связала, шапку у меня е с т ь.*

⁹ Описано в работе: О. А. Лаптева, Русский разговорный синтаксис, стр. 150—157.

Управление может осуществляться и именем, ср.: *Меня Инка и Се-рега заставили прочесть повесть Воннегуд есть такой писатель*. При этом сохраняет силу сказанное о структурной поддержке синтаксического характера группы со стороны союза, ср.: — *Ты видела? Я целую чашку собрала черники, брусники и там земляника на дне л е ж и т*. Ср. также материал, описанный в модели А бессоюзного подчинения.

2. В составе группы объекта употреблен субстантив в форме вин. падежа, определяемой валентностью обоих управляющих глаголов — основного сказуемого предложения и глагола в группе объекта. Сюда относится уже описанная модификация 1 модели наложения. Ср.: *Мы там смотрели корабль нам показывали*¹⁰;

Редко порядок следования глагольных сегментов и срединного члена меняется, глагольные сегменты непосредственно следуют один за другим, нося характер самопоправки, самоуточнения: *Уже здесь он получил ему п р и с в о и л и докторскую степень*.

Если глагол-сказуемое осуществляет валентность непрямого предложеного управления, то объектная группа может располагаться после предлога и следующей за ним паузы; в этом случае осуществляется 2-я из отмеченных выше типологических возможностей распространения схемы предложения. Ср.: *Так / Щас я спущусь за / может Литературку п р и н е с л и*¹¹.

Глагольные номинации. Широкое вхождение глагола в состав субъектно-объектных групп и широкие возможности нанизывания сегментов уточняющего и поясняющего характера в устной речи способствуют формированию особых номинаций глагольного типа¹². Субстантив в таких номинациях может иметь форму им. и косв. падежей и может вовсе отсутствовать. — Ср.: — *СЭС? Скажите, пожалуйста, у вас прививки делают вот в Индию е д у т?*; *Зашла к соседке / а у нее б ы л а из Свердловска (простореч.); — Ты понесешь все это в туалет? — Не в туалет, а там отдельно е с т ь; ехали сюда проверять на этих дачах / не на дачах / а тут станция МГУ е с т ь*. Сюда же принадлежат уже описанные 1 и 2 модификации двупредикативной модели с *кто*. В отличие от рассмотренных глагольных конструкций в составе субъекта и объекта, в глагольных номинациях нет опорного субстантива.

Двуглагольное сказуемое. Дополнительный глагол может входить и в состав двусоставного предложения, уже включающего в себя глагол. Такая возможность основывается и на рассмотренном принципе неоднословной номинации, согласно которому не только субстантив, но и предикатив может быть представлен уточняюще-пояснительным сегментом. Ср.: *Он у тебя п ы л и п о л н о в нем*¹³.

1. Второй глагол уточняюще-пояснительного характера обычно добавляется после субстантива в им. падеже, и получается группа «сказуемое + подлежащее + сказуемое». Ср.: *Там был такой домик с т о я л; У нас был рулон такой л е ж а л около палатки; Скажи Наташе, что*

¹⁰ См.: указ. соч., стр. 342—347.

¹¹ Нетрудно заметить, что в разделах о глаголе в составе грамматического субъекта и грамматического объекта может быть частично представлен материал, который по другим признакам описывается как составляющий модификации 7, 8, 9, 11 модели с именительным темой, модификации 2, 3 модели А бессоюзного подчинения, модификации 1, 3, 5, 8 модели наложения.

¹² См. раздел «Глагольные номинации» в кн. «Русская разговорная речь» (стр. 438 и сл.), написанный Л. А. Капаназде, а также стр. 239 этой же книги.

¹³ М. Шимонюк в кн. «Сооставление разговорных синтаксических конструкций в польском и русском языках» (изд. ун-та в г. Катовице) отмечает как характерные для русского разговорного синтаксиса конструкции типа *Осенью п а ч и н а ю т с я* такие бури *б ы в а ю т на море*.

у нас было партийное собрание с о с т о я л о с ь, и на нем хвалили 5-й номер; Бабушка говорит: ну, щас там у меня на печке спрятан мед с т о и т; потому что у нас было вроде последнее заседание редколлегии н а м е ч а л о с ь; — А она была отличница в классе с ч и т а л а с ь? Из выступления: там например в 1704 году была такая книжечка в ы ш л а.

Пояснительный характер отношений может проявляться еще ярче при наличии распространителя при втором глаголе и неодинаковых глагольных временах — все больны: заболела учетчица писем в больнице л е ж и т.

2. Глаголы могут разделяться не субстантивом-подлежащим, а сильноуправляемым приглагольным членом или приглагольным распространителем: Ну и потом я туда же привлекла Иванова с у н у л а в эту компанию; она их накупила в большом количестве п р и в е з л а; Они возвращались вместе с Н. С. вот в эту пургу с а д л и с ь; Еще я тут недавно читала Бажова п е р е ч и т ы в а л а и у него...; мы вот в ноябре кончаем второй номер сдаем; продавал сначала рубашки несколько лет р а б о т а л; и никто на тебя не кричит, что ты не взял дорогой заказ н е с д е л а л; И я только вышла на работу вот в понеделник п р и ш л а; — А куда их отобрали коров? Колхозу? — Нет, отобрали обратно в Киев о т п р а в и л и. В массово адресованной речи: Не похоже ни на одного, кто выступал в то время р а б о т а л в западном цирке (Ю. Никулин, телерассказ об О. Попове). Отметим случаи употребления второго и третьего инфинитива: Можно сходить в Луговую с ь е з д и т ь; Они должны были пробить траншею вот такую п р о к о п а т ь н е п о л е н и т ь с я.

Наконец, два глагола могут разделяться атрибутом, оторвавшимся от определяемого им управляемого члена. Ср.: Масса большая, как у человека. И если сообщил дополнительную д о б а в и л силу, то... (телефонное интервью космонавта). Они могут находиться и в непосредственном соседстве: она у нас числилась р а б о т а л а; на каких-то отдельных примерах, которые у вас дома есть в с т р е ч а ю т с я (на родит. собрании).

3. Между двумя глаголами-сказуемыми бывают и такие отношения, в которых можно усмотреть подчинительную зависимость частей высказывания (по типу описанной модели Б бессоюзного подчинения), ср.: Я думала это змея. — От змей не так прыгают. От змеи бы она прыгнула до потолка бы д о л е т е л а; Когда она была делегацию в о з г л а в л я л а...

Такая зависимость может иметь самую разную степень выраженности, и таким образом шкала переходов от полной независимости к явственной зависимости весьма тонкая. На формально-структурной стороне конструкции это не отражается, конструкция предстает как очень емкая функционально. Форма не реагирует на такие смыслы, как второстепенное действие, совершение его одновременно или неодновременно с главным. Видимо, значение зависимости частей усиливается при дистантном расположении глаголов, которые при контактном расположении можно квалифицировать как «двойные», ср.: — Ты к нам покушал п р и ш е л? и — Ты поел к нам п р и ш е л? Ср. еще: — Все дрожат, Я сама дрожу туда и д у; Он поменялся оттуда у е х а л; Я грю: Ань, уже был скандал? А она молчала там с и д е л а; когда я стал смотреть на философии это п р о в е р я т ь...

Обычно же «двойные глаголы», из которых один обозначает пребывание в состоянии или движении, а другой — конкретное действие, которое является информативно более значимым, располагаются рядом, ср.: Зинка, говорят, плачет п р и х о д и т; вчера вся вспотела п р и ш л а; — А где полотенце? — А оно сохнет в и с и т; У меня была личная карточка, ну мне просто ее не вернули в з я л и; он идет х р о м а е т. Из

массово адресованной речи: *Вот щас вот занимался н а б л ю д а л здесь* (телерепортаж из космоса Г. Гречко). Глагол конкретной семантики располагается в начале группы в случае речевой экспрессии и на втором месте в случае нейтрального изложения.

Наблюдается и дистантное разъединение «двойных глаголов», не ведущее к возникновению оттенка подчинительного значения, ср.: *Давай в полшестого пойдем в библиотеку з а п и ш е м с я; и я иду на кафедру о б ъ с н я ю; — Вот она себе губы накусала. — Они у нее просто пересохли. Нужно намазать глицерином п о й т и; бегают в хоккеей и г р а е т; Ни разу еще не вышла на балкон не п о с и д е л а; А я-то стараюсь изо всех сил з а к р ы в а ю.*

Иногда добавляется не только второй, но и третий глагол, и между ними устанавливаются сложные семантико-функциональные отношения, базирующиеся на последовательном добавлении членов: *Я их сидела печатала в субботу п р и х о д и л а п е ч а т а л а; Я тогда поступала г о т о в и л а с ь с и д е л а.*

Не случайно приведенный материал на «двойные глаголы» относится, за немногими исключениями, к бытовой устной речи. Это — ее отличительная принадлежность в отличие от речи массово адресованной, где в употреблении второго глагола обычно не возникает ситуационно-тематической необходимости.

Итак, наличие в устно-разговорной речи конструкций с двумя глаголами — это следствие ее сегментного строения при условии повышения роли глагола как организатора сегмента. Наблюдения над широким входением глагола в состав различных синтаксических групп, и в том числе глагольного сказуемого, показывают, что в устной речи общая глагольность речевого отрезка выше, чем в письменной, один глагол здесь приходится на меньшее количество других слов текста, расстояние от одного глагола до другого меньше. В устной монологической речи публичного назначения, где не всегда складываются благоприятные ситуативно-тематические условия для употребления сегментов рассмотренной структуры (хотя в приведенном материале массовой адресации такие сегменты наличествовали), отбор общелитературных конструкций производится таким образом, что сегмент тяготеет к глаголу — за счет отказа от длинных распространителей, именных цепочек, переусложненных структур. Все это — свидетельство общего усиления роли глагольности в устном тексте сравнительно с письменным.

В то же время формально уподобленные глаголы организуются обычно таким образом, что оба они или один из них оказываются по преимуществу глаголами экзистенциальными или пребывания в состоянии. Основное грамматическое назначение глагола в устном тексте — создание грамматически самостоятельной группы, которая таким образом актуализируется в составе более крупного грамматического комплекса. Круг употребляемых глаголов неширок, они однообразны, и типовая группировка материала налицо (особенно с глаголом *есть* в формуле «у кого-либо есть что-либо» в случае, когда сказуемое — управляющий глагол). Это свидетельствует об ослаблении глагольной семантики, для которой преобладающей оказывается сема бытийности. Информативная роль глагола снижается, функционально-грамматическая же возрастает.

Не всегда ясными оказываются границы между свободным соединением двух глаголов и соединением глаголов в группе «двойных глаголов», а также между независимыми и подчинительными отношениями между ними. Однако ясно, что это не сочинительные отношения между однородными сказуемыми, поскольку их пояснительно-аппозитивный характер не вызывает сомнений (хотя последующая дифференциация его не всегда

наличествует). Вместе с тем самый набор функционально-синтаксических отношений, возникающих при добавлении глагольного члена (пояснение, уточнение, атрибуция или аппозиция), в глагольных конструкциях четко не дифференцируется и не влияет на их грамматическую систему. Эти отношения осуществляются обычно не за счет семантического значения глагола, а за счет значения приглагольных членов.

Преимущественно употребляемое время глагола — настоящее и прошедшее, вид — несовершенный, модальность — реального действия. Эти категории у обоих глаголов нередко совпадают (кроме типового случая *Там был... есть такой П.*, см. раздел о глаголе в составе грамматического субъекта). Это происходит тогда, когда задачами сообщения предполагается передача информации об имевшем место факте (наиболее распространенный случай для двуглагольного сказуемого). Таким образом, глагольные категории активизируются в устной речи ограниченно, система глагольных категорий предстает в ослабленном виде. Основными грамматическими значениями глагола оказываются значения процессуальности и наличия (бытийности), основной функцией — предикативно-актуализирующая. При этом нередко граница между актом предикации и актом актуализации стирается.

Все сказанное означает повышение функциональной роли глагола как организатора сегмента при снижении разнообразия его семантических и грамматических значений. Это ведет к образованию особых типов грамматических зависимостей внутри высказывания, глубоко и принципиально отличных от наблюдаемых в системе письменной речи¹⁴.

Эти отличия сводятся к следующему: 1) валентность управления может осуществляться не только прогрессивно, но и регрессивно, т. е. иметь левое направление; такую валентность можно назвать ретросвязью; 2) управляемый субстантив и субстантив, формально уподобляющийся глаголы, может иметь связи не с одним, а с двумя (при этом не однородными) глаголами; 3) эти глаголы обрамляют его, сам же субстантив имеет срединное положение.

Каким образом сегментное строение речи способствует возникновению добавочных ретросвязей, можно увидеть на таком примере: *поэтому сейчас ребята исполняют упражнение / покажут / «Здравствуй, весна» / называется / упражнению* (на выступлении).

При линейно-временном осуществлении высказывания слово *упражнение* управляется словом *исполняют* лишь до тех пор, пока не произнесено слово *покажут*, которое тоже начинает управлять словом *упражнение*; слово *покажут* управляет словом *упражнение* лишь до тех пор, пока не произнесена группа *«Здравствуй, весна»*, которой оно тоже начинает управлять; в свою очередь эта группа получает добавочное ретроуправление с произнесением слова *называется*, которое до сих пор формально уподоблялось первому слову *упражнение*, но с произнесением второго слова *упражнение* стало формально уподобляться и ему. Между первым словом *упражнение* и группой *«Здравствуй, весна»* возникают отношения аппозиции, к которым добавляются создающиеся между этой группой и вторым словом *упражнение* предикативные отношения. Формирование такого рода зависимостей происходит потому, что куски речи — сегменты — последовательно возникают во времени

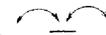
¹⁴ Это же ведет и к возникновению особой парадигматики конструкций в устно-разговорной речи, которая предстает в кн. «Русский разговорный синтаксис» как объединение глагольных и неглагольных структур (см. I и II группы модификаций модель именительного тамы).

и стремятся к самостоятельности грамматического оформления. Эта самостоятельность достигается за счет глагольности и присущих ей валентностей. (Письменных эквивалентов рассмотренного высказывания в принципе может быть несколько, и все они являются результатом дополнительного логико-семантического и синтаксического проявления его структуры. В реальном же потоке речи сложная синтаксическая зависимость не устанавливается, все сегменты по мере осуществления высказывания доминируют по очереди, в зависимости от передвижения физического момента речи.)

Принцип линейных связей может усиливаться за счет ослабления флективности (типа *я иду с день рожденья*). Ср.: *Тетя Таня / можно Оксана сегодня пойдет / в 10.30 / у нас в дом пионеров / идет представление*. В приведенном примере форма *в дом* — это возникшая в данных речевых условиях диффузная форма и винительного и предложного падежей одновременно, зависит она и от глагола *пойдет*, и от глагола *идет*. Надо сказать, что при выражении подчинительных отношений в устно-разговорной речи широко распространены такие явления, как омонимия падежных форм, синкретизм падежей, экспансия именительного.

Возможны и обратные отношения — в срединную позицию попадает глагол, который обрамляется зависимыми словами, второе из которых употреблено по принципу добавления, ср.: *Щас я ей дал Тане такое задание; у В. Г. в палате лежит женщина в хирургии*.

Ретросвязи крепче цементируют высказывание, поднимают его на новую ступень грамматической целостности. Свободно вступая в синтаксические отношения с уже сделанным сообщением, новые сегменты и их члены в своем расположении следуют не общелитературной, но устно-разговорной норме. В связи с этим роль порядка слов как различителя направления непредсказуемой необязательной связи с семантическими отношениями в этой системе не проявляется. Сами же признаки подчинительной связи управления (предсказуемость — непредсказуемость, обязательность — необязательность, собственно синтаксические отношения — семантико-синтаксические отношения, по В. А. Белошапковой) сохраняются в полной мере и здесь.

III. Таким образом, специфические типы грамматических связей субстантива (обозначим его знаком —) в устно-речевом высказывании могут быть следующими: 1)  (формальное уподобление наблюдается у двух глаголов); 2)  (формальное уподобление у одного глагола и реализация валентности управления у другого); 3)  (то же, но в иной последовательности); 4)  (реализация валентности управления у двух глаголов).

Тип  был подробно рассмотрен в разделах о вхождении глагола в состав грамматического субъекта и двуглагольного сказуемого. Типы  и  были рассмотрены и проиллюстрированы в разделе о вхождении глагола в состав грамматического объекта (подразд. 1) и, в частности, такого, который начинает предложение в качестве грамматического субъекта (см. также описанную модификацию 11 модели именительного темы). Что касается типа , то он представлен разного рода явлениями интерференции и модификацией 1 модели наложения.

С целью изучения механизма сегментирования интересно проследить, каким образом относится вторая управляющая лексема к первой, иными словами, каков характер семантических и структурных взаимоотношений членов окружения срединного компонента. С этой точки зрения наблюдаются следующие возможности.

1. Оба управляющих глагола представлены одной и той же лексемой в одной и той же форме. В этом случае говорить о поясняющем или уточняющем (апозитивном) характере второй лексемы невозможно. Уточняющий смысл вносит информация, заключенная в относящихся ко второму глаголу словах, сам же глагол употреблен с целью повтора, закрепления сказанного, а в грамматическом аспекте его употреблением достигается усиление подчинительной связи. Грамматическая форма глагольной лексемы может быть тождественной в обоих случаях, и тогда это простой повтор, ср.: *ведь это же она пытается чтобы они вышли настоящими людьми вышли в жизнь* (выступление Г. Капралова в кинопанораме); *Они даже так на зы ва ю т с я / не афоризмы / а по-другому как-то они на зы ва ю т с я*. Этот повтор имеет лишь грамматический смысл закрепления подчинительной связи.

Новая информация может вноситься за счет варьирования грамматической категории глагольной лексемы, и в этом случае новая информация передается еще не фигурировавшими в высказывании элементами грамматического значения, а также их глагольным окружением, ср.: *Феликс был на даче, а Ритка в лагере. И меня послали в колхоз работать всех послали; Ну приезжай, потому что сегодня у нас будет в 12 часов обычно такое собрание бываем; Думаешь, так просто? Это надо было вырыть 4 ямы больших вырыли; Нет, ну потом нам такать эти два баллона мы тащили; Она же должна с вещами стоять кто-то должен; — Он приезжал на две недели они приезжали; — Смотрите-ка, ребятки, я думал мы купили слишком много хлеба купил боялся; — Убери я тебе сказал пленку вот ведро отсюда убрать надо и корзинку; Мне иглоукальвательница говорит: я заточила новые иглы мне заточили, и вот определите, в чем разница; Он книжку делает у Таборки. И он получил за это пять — семь тыщ он получил. В массово адресованной речи: Скажем Венгрия // Представила 15 тезисов вот нам было представлено; мы с ним ввязались и вот такие вопросы я пыталась с ним связать; Замечательно что где и т.с. она может где и т.с. в наших лесах (ведущий телепередачи «В мире животных»).*

Сам глагол может и не быть представлен, в таком случае тождественно его окружение: *У нас три пятерки, три четверки, три тройки с плюсом у нас еще.*

2. Управляющие глаголы — разные лексемы. Здесь наблюдаются случаи прямого (см. подраздел 2 раздела о грамматическом объекте) и непрямого управления. Рассмотрим подробнее случаи непрямого предложного управления с точки зрения семантической и формальной соотнесенности управляющих слов.

1) Второй глагол вносит некоторую, обычно незначительную, новую семантическую информацию при полном сохранении категориально-формальных особенностей первого глагола, ср.: *Ее надо класть в стеклянную баночку с тавить и там она будет лежать; Мы сидели вот на таком расстоянии с ними были и грохнуло; за все это внимание которое она нам оказывала на протяжении двух лет она нас учила а.* Такие глаголы могут находиться в отношениях частичной контекстной синонимии.

2) Второй глагол вносит новую информацию в большей мере за счет

изменения своего формально-категориального устройства, нежели новых сем в лексическом значении (иногда первый глагол и вторая глагольная группа имеют лексемы одного корня), ср.: *А теперь будут в ы б и р а т ь с 18 лет и м е ю т п р а в о в ы б о р а*; *потом в 9 лет я п р и е х а л а в М о с к в у м е н я п р и в е з л а м а м а* («Театральные встречи», телепередача); *мы там же и л и в колледже типа общежития нас п о с е л и л и*.

3) И семантическое, и формально-категориальное устройство управляющих слов разное, соответственно повышается и степень новизны информации, которую несет второй компонент, ср.: *они меня очень долго исследовали кардиограмму с н и м а л и 15 минут л е ж а л*; *Вот она б у д е т п р о с и т ь с я н а р у к и ч т о б е е в з я л и*; *Их п р и г л а с и л один профессор в Ирландии в загородный дом они п о е х а л и*. Вместо первого глагола может быть представлен только относящийся к нему приглагольный член, сам же глагол эллиптически опускается (особенно благоприятные условия для этого создаются в ответной реплике диалога): — *В крайнем случае можно будет поехать к ней в субботу*. — *Лучше бы в четверг мы решили* (т. е. «ведь мы уже так решили»).

Отметим, что те же в принципе отношения возникают и при связи примыкания: — *Это я раньше меня угораздило; она как-то рассказывала непонятно мне было; Щас все-таки стало ничего я езжу лучше стало*.

Кроме двойных подчинительных отношений, наблюдаются и более сложные, например тройные, связи; цель взаимозависимостей при этом обретает сложное строение. Ср.: *Он кончил семь классов у него образование я узнал*; — *Посадили?* — *Мы там посадили в прошлом году Лиза посадила цветочки*; — *А когда будете сдавать первый?* — *Подождите щас у нас идет шестой мы будем сдавать в августе в октябре наверно* (т. е. в общелитературном переводе: «мы посадили цветочки там, где в прошлом году Лиза что-то посадила»; «сейчас у нас идет шестой номер, мы его будем сдавать в августе, а первый — в октябре»). Опуская подробный анализ второго и третьего примеров, разберем для ясности первый. Средний член — *семь классов*, он зависит от слов *кончил* и *у него образование*. В свою очередь слова *семь классов* у него образование оказываются зависимым членом при глаголе *узнал*.

Подведем некоторые итоги.

1. Благодаря сегментации устно-речевого потока, посредством которой в линейно-временной последовательности согласно поступательно-му ходу мысли разворачивается формула предложения, возникает возможность неоднозначной предсказуемости продолжения высказывания. Такое продолжение часто осуществляется глагольным сегментом, вводимым по принципу добавления. Получаемое таким образом высказывание представляет собой структуру, письменной речи не свойственную и общелитературными структурными формулами не охватываемую.

2. Образуемый глагольный сегмент призван служить двояким целям — информативной детализации высказывания и грамматически самостоятельному оформлению любой информативно значимой части предложения. Финитный глагол получает способность входить в группу, занимающую любую грамматическую позицию в предложении — субъекта, объекта, предиката. Тем самым в предложении оказывается возможным употребление более чем одного финитного глагола, что недопустимо в общелитературном синтаксисе (если это не однородные члены). Благодаря глагольной множественности укрепляется роль глагола как организатора сегмента и одновременно ослабляется роль глагола как носителя предикативных отношений: самый акт предикации, т. е. соотношения передаваемой предложением информации с действительностью грамматическими средствами нерасчленяемого значения времени и модальности, может

ослабляться в сегменте и достигать степени простой актуализации именованного члена сегмента. Таким образом в устно-разговорном высказывании создаются условия для стирания грани между такими разноуровневыми явлениями, как актуализация и предикация.

3. Расширение глагольности ведет к функционированию особого грамматического механизма обеспечения линейности строения предложения. Этот механизм создается за счет возникновения синтаксических ретросвязей (формального уподобления, управления, примыкания), цементирующих грамматические зависимости в предложении. Благодаря наличию ретросвязей один и тот же член подчиняется двойной, с разных сторон направленной на него, валентности. Он — место средоточия синтаксических связей. Такого механизма в обшелитературной грамматике нет. Допустимость и нормативность наличия в предложении более чем одного финитного глагола и возможность дублирования синтаксических связей находящегося между глаголами субстантива — таков основной механизм, основной грамматический закон организации устно-речевого высказывания. Его широкая применяемость создает возможность для включения его в сферу синтаксической парадигматики. Благодаря его действию создаются многие модификации таких типизированных моделей, как модель с именительным темы, модель А бессоюзного подчинения (в другой терминологии — связи свободного соединения между предикативными конструкциями), модель наложения (в другой терминологии — явление интерференции), модель двупредикативной конструкции с *кто*. Его действием обеспечивается совпадение разных моделей в одних и тех же структурах и возникновение однородных синтаксических рядов¹⁵. Таким образом, его следует считать универсальным для русской устной речи.

4. С этой точки зрения функционально-семантическая идентификация добавляемого члена как выражающего отношения пояснения или уточнения (аппозиции) оказывается несущественной.

5. Особое значение для создания условий осуществления описанного механизма получает диалогический или монологический вид реализации речи, диктующий употребление более или менее пространных речевых отрезков. При наличии более пространных отрезков (монолог) повышается потребность в употреблении глагола помимо глагола-сказуемого, поскольку глубина безглагольного построения в русской устной речи невелика. Вот почему массово адресованная речь, подчиняясь общим законам устности, сегментарна в своей синтаксической организации не менее, а даже более, нежели обиходно-бытовая речь, где в кратких диалогических репликах могут чаще и лучше проявляться общелитературные формулы предложения.

6. Все сказанное характеризует грамматику устной речи в отличие от письменной. Фактор разговорности — книжности включается в действие при формировании облика высказывания лишь как корректирующий момент. Так, в некоторых из привлеченных к описанию грамматических позиций второй глагол употребляется при преобладании стихии разговорности (например, в глагольных номинациях, в конструкциях с двойными глаголами). Это позволяет высказать мысль о том, что основные различия в системной организации русского литературного синтаксиса осуществляются прежде всего по линии «устный — письменный», что в полной мере соответствует историческому ходу формирования русского литературного языка.

¹⁵ Они описываются в статье: О. А. Лаптева, О влиянии функционального расслоения литературного языка на его грамматику, сб. «Синтаксис и стилистика», М., 1976.

ЗЕМСКАЯ Е. А., ШИРЯЕВ Е. Н.

УСТНАЯ ПУБЛИЧНАЯ РЕЧЬ: РАЗГОВОРНАЯ ИЛИ КОДИФИЦИРОВАННАЯ?

Вопрос об определении понятия русская разговорная речь (далее — РР) принадлежит к числу широко обсуждаемых.

Напомним нашу дефиницию РР. Литературная РР противопоставляется кодифицированному литературному языку (далее — КЛЯ) и тем самым вычленяется как особый объект исследования на основании трех экстралингвистических бинарных признаков: (1) неофициальность/официальность обстановки, в которой протекает коммуникативный акт; (2) спонтанность / подготовленность коммуникативного акта; (3) непосредственное участие говорящих в коммуникации / отсутствие прямых контактов между говорящим (пишущим) и слушающим (читающим)¹. Дифференцирующая роль этих признаков при определении РР признается большинством исследователей. Некоторые расхождения во взглядах существуют только по поводу того, можно ли среди трех названных признаков найти ведущий, и, если можно, то какой признак является ведущим².

В последнее время в работах Б. М. Гаспарова, Ю. М. Лотмана, О. А. Лаптевой³ активно разрабатывается иная точка зрения, согласно которой не эти признаки вызывают к жизни РР, а совсем другой признак — у с т н о с т ь (устная форма речи). Всякая устная речь, если только это не чтение вслух письменного текста, считается единым языковым объектом. И, следовательно, КЛЯ противопоставляется не РР (в нашем понимании), а любой устной речи, в том числе и устной публичной речи (доклад, лекция, выступление по радио или телевидению, выступление на собрании и т. п.), несмотря на то, что устная публичная речь является, несомненно, официальной, нередко подготовленной и обычно осуществляется без непосредственного контакта говорящего с аудиторией.

Полемизируя с приведенным здесь определением РР, О. А. Лаптева прямо пишет: «устной формы кодифицированной речи» не существует⁴. Ведущее положение признака «устность» при определении РР нашло у О. А. Лаптевой отражение и в самом названии изучаемого объекта: не литературная разговорная речь, а «устно-разговорная разновидность современного русского литературного языка». Таким образом, проблема определения понятия РР порождает иную проблему: что такое устная публичная речь — РР или КЛЯ?

Справедливо, что устная форма накладывает известный (иногда даже значительный) отпечаток на все устные манифестации. Выявление и опи-

¹ Это определение было впервые сформулировано в кн.: Е. А. Земская, Русская разговорная речь (Проспект), М., 1968, стр. 5. Затем оно было положено в основу коллективной монографии «Русская разговорная речь», М., 1973, стр. 9.

² См. об этом: О. Б. Сиротинина, Современная разговорная речь и ее особенности, М., 1974, стр. 19—23.

³ См.: Б. М. Гаспаров, Устная речь как семиотический объект, в кн.: «Семантика номинации и семиотика устной речи», Тарту, 1978; Ю. М. Лотман, Устная речь в историко-культурной перспективе, там же; О. А. Лаптева, Русский разговорный синтаксис, М., 1976.

⁴ О. А. Лаптева, указ. соч., стр. 41.

сание черт устности — задача важная и интересная. Однако устная форма отнюдь не является тем признаком, который определяет разбиение всего языкового континуума на две наиболее резко противопоставленные функциональные языковые сферы, обладающие своим набором типических структурных признаков, способных составить особую систему. Об этом хорошо писала еще в 1960 г. Н. Ю. Шведова: «...далеко не все написанное относится к речи письменной, так же как и далеко не все устное, произносимое (и даже воплощающееся в разговоре) относится к речи разговорной»⁵.

Принимая гипотезу о том, что РР — это особая лингвистическая система⁶, попытаемся показать, что устная публичная речь строится на основе системы КЛЯ, а не РР, хотя и допускает некоторые элементы РР⁷. Прежде всего следует ответить на такие вопросы: каковы условия протекания устной публичной речи? какие черты устности для нее характерны и — что не одно и то же — какие черты устности в ней могут быть обнаружены? какие черты РР ей чужды?

Существуют разные типы устной публичной речи. Их противопоставленность РР по названным выше бинарным признакам и по некоторым другим признакам (связь с констигуацией и пр.) различны. С нашей точки зрения, наиболее резко противостоит РР устная речь, которая обнаруживается как речь п у б л и ч н а я и для которой характерен такой набор признаков: 1) имеется один говорящий (назовем его оратор) и много слушающих; 2) мена ролей говорящий — слушающий невозможна (ср. выступление по радио, телевидению) или встречается крайне редко: возможность задать вопрос оратору или лектору воспринимается как исключение на фоне монологической речи одного лица [ср., впрочем, распространенные в наши дни жанры телевизионных передач (типа КВН и под.), когда ведущий обращается к участникам передачи и получает иногда коллективный многоголосый ответ (на факты подобного рода обратила наше внимание Л. А. Кацанадзе)]; 3) отношения между говорящими и слушателями официальные, причем для них характерна неравноправность ролей в акте коммуникации⁸; 4) тема — фиксирована.

⁵ Н. Ю. Шведова, Очерки по синтаксису русской разговорной речи, М., 1960, стр. 3. Ср. также: «...По существу вряд ли официальное или подготовленное публичное выступление целесообразно рассматривать в отрыве от тех „книжных стилей“ литературного языка (таких, как научный, деловой, публицистический), от которых О. А. Лаптева ограничивает объект своего исследования, но которые, несомненно, в большей степени определяют характер языковых средств, используемых в данном выступлении, чем его устная форма» (Д. Н. Шмелев, Русский язык в его функциональных разновидностях, М., 1977, стр. 22—23); «Речь официальная максимально приближена по синтаксическому строению и используемой лексике к речи книжно-литературной, хотя, естественно, не копирует ее полностью» (Ю. М. Скребнев, [Речь на кн.:] «Русская разговорная речь», ВЯ, 1976, 3, стр. 140).

⁶ Как полагает Ю. М. Скребнев, разговорных текстов в чистом виде вообще не существует, но это не означает, по его мнению, что не существует особого объекта — РР. «...РР обладает свойством потенциальной выделенности, — пишет он, — но не фактической выделенности» (Ю. М. Скребнев, указ. соч., стр. 141). Ср.: Е. А. Земская, О некоторых дискуссионных вопросах теории разговорной речи, в кн.: «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи», 5, Горький, 1974, стр. 52—54.

⁷ Из нашего утверждения о том, что устная публичная речь репрезентирует систему КЛЯ, не следует, что черты публичной речи, порожденные устной формой ее воплощения, непременно должны быть подвергнуты кодификации. Ср. иное мнение в статье: О. А. Липтева, О соотношении некодифицированной и так называемой «кодифицированной» устной литературной речи, в кн.: «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи», 7, ч. 2, Горький, 1976, стр. 8.

⁸ О неравноправии ролей см.: Л. П. Крысин, Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии, в кн.: «Социально-лингвистические исследования», М., 1976, стр. 62—69.

Однако устная публичная речь не настолько контрастна по отношению к РР как, например, такие сугубо кодифицированные стили, как деловой или письменный научный. Это объясняется тем, что ряд признаков акта коммуникации при устной публичной речи обнаруживает разные возможности проявления. И при некоторых из этих возможностей устная публичная речь, сохраняя в неприкосновенности свою кодифицированную основу, может принимать некоторые разговорные компоненты. К числу таких переменных коммуникативных признаков принадлежат: 1) *подготовленность* — речь оратора обычно бывает подготовленной, обдуманной, но может протекать и как относительно свободная импровизация; лектор, докладчик могут только в общих чертах продумать композицию своего выступления, наметить лишь его смысловую канву; многое зависит от языковых творческих особенностей выступающих⁹: чем более склонен выступающий к импровизации, тем больше в его выступлении заранее не планируемых фрагментов, в которых разговорные черты могут проявляться резче, чем в планируемом тексте; 2) *непосредственность*, двусторонним в том случае, когда оратор видит реакцию слушателей и реагирует на нее (как справедливо замечает О. А. Лаптева, «просто читать по написанному нельзя, не рискуя утратить контакт со слушателями»¹⁰); но общение бывает односторонним, когда оратор полностью лишен контакта с аудиторией (выступление по радио или телевидению); 3) *связь с ситуацией* — она полностью отсутствует в некоторых видах публичной речи (все формы радиоречи, например), но может и иметь место (например, речь телекомментатора футбольного матча).

Менее контрастны по отношению к РР те типы устной публичной речи, которые являются не монологическими. Это все типы речи, которым при официальной обстановке и отношений между говорящими свойственна мена ролей говорящий/слушающий, но которые протекают как речь, предназначенная для публики — многочисленных слушателей. Такая речь представляет собой: 1) *беседу двух лиц* (интервьюируемый и ведущий интервью); следовательно, она является диалогом или диалогизированным монологом; 2) для нее характерна непосредственность общения; 3) она чаще может протекать как речь спонтанная, неподготовленная. Кроме этих черт, сближающих названные типы публичной речи с речью разговорной (отметим, что это отнюдь не устная форма, а иные экстралингвистические признаки), таким жанрам публичной речи, как интервью беседа ведущего с каким-либо лицом и т. п., свойственна установка на интимизацию общения, призванная оживить беседу, сделать ее более близкой слушателям, что порождает использование целого ряда специальных приемов, многие из которых берутся из арсенала РР.

И, наконец, имеется устная речь официальная, но не публичная. Она протекает как личная (персональная) коммуникация, в условиях непосредственного контакта, но при установке на официальное общение. Такая речь, по нашим наблюдениям, тоже ведется на КЛЯ. Для нее допустима мена ролей говорящий/слушающий и характерна (но не обязательна) неравноправность партнеров в акте коммуникации (один из них может быть старше по служебному положению, возрасту, чину или званию, может лучше знать предмет речи, ср. ситуацию: учитель — ученик и т. п.).

⁹ Параметр «творческие способности говорящих» при изучении немецкого произносимого языка (*gesprochene Sprache*) особо выделяет Р. Штереп; см.: Н. Steger, *Gesprochene Sprache der Gegenwart*, I — Satz und Wort im heutigen Deutsch, Düsseldorf, 1967, стр. 271.

¹⁰ О. А. Лаптева, *Русский разговорный синтаксис*, стр. 44.

Двусторонняя публичная речь допускает проникновение разговорных элементов еще по двум причинам: 1) один из ее участников может не иметь навыков публичного выступления и не владеть его нормами; 2) ее участники могут сознательно стремиться с целью интимизации беседы к оживлению своей речи и сближению ее с РР.

Обратимся теперь к рассмотрению собственно языковых особенностей устной публичной речи, чтобы ответить на вопрос, какая система — кодифицированная или разговорная — лежит в ее основе.

Анализируя публичную устную речь, О. А. Лаптева рассматривает только особенности синтаксического уровня, тогда как полезно принять во внимание все языковые уровни.

Начнем со звукового канала связи, который характерен именно для устной речи: интонация, мелодика, фонетика. В Проспекте «Русская разговорная речь» (М., 1968) высказана мысль, что РР от КЛЯ резко отличается характер интонации. Если вы слышите из-за стены речь, но не различаете слов, вы всегда можете узнать, звучит ли это радио или телевизор, читают ли это вслух, выступает ли это лектор или докладчик или же идет обычный разговор. Таким образом, ответ на вопрос, какой вид устной речи вы слышите — кодифицированную или разговорную — дает интонация. Интонация РР и КЛЯ изучена еще не столь хорошо, чтобы ответить на вопрос, в чем именно состоит это различие, но оно, несомненно, есть ¹¹. Отметим здесь следующее: устному КЛЯ не свойственны все те многообразные модуляции голоса, которые использует РР: растяжки гласных, «резкое» с удлинением произнесение согласных (*к-как ты сказал? ч-черт поберу! п-путаница опять!*) ¹²; для РР характерно специфическое, иное, чем в КЛЯ, чередование ударных и безударных слогов в речевой цепи, многие слова, в том числе и полнознаменательные, попадая в междударный интервал, остаются без ударения ¹³.

В сфере фонетики также имеется существенное различие между РР и устным КЛЯ. Если РР использует преимущественно небрежное аллегровое произношение, то устная публичная речь обычно базируется на том стиле речи, который Л. В. Щербатый называл полным стилем произношения ¹⁴. Для публичной речи не характерны сильная редукция, приводящая к деформации слоговой структуры слога, и многие другие особенности фонетики РР ¹⁵.

Резко различает публичную речь и РР темп. Публичная речь обычно не произносится скороговоркой, в очень быстром темпе. Для нее обычна размеренность темпа, что связано с необходимостью дать возможность слушающему правильно расслышать и понять, усвоить говоримое, особенно при дистантном расположении оратора и публики или при использовании технических средств (радио, телевизор, микрофон). Отметим, что, конечно, встречаются лекторы или ораторы, которые говорят быстро, скороговоркой, но это, как правило, вызывает недовольство аудитории. Нередко выступающий публично сам замечает, что спешит, и уменьшает темп своей речи. Различие интонации и фонетики РР и КЛЯ находит интересное подтверждение в следующем: часто профессиональные ораторы (преподаватели вузов, учителя и др.) не могут в своей повседневной РР избавиться от фонетико-интонационных черт устного КЛЯ

¹¹ См.: «Русская разговорная речь», стр. 129—150.

¹² Там же, стр. 149.

¹³ Н. Н. Розанова, Суперсегментные средства русской разговорной речи. АКД, М., 1978.

¹⁴ Л. В. Щербатый, О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов, в его кн.: «Языковая система и речевая деятельность», Л., 1974, стр. 141—146.

¹⁵ См.: М. В. Павлов, Русская фонетика, М., 1967, стр. 264—274.

(своего рода профессиональная болезнь), и это всегда замечается окружающими как отклонения от РР.

Обратимся к лексико-семантическому уровню. Среди основных особенностей устной речи Б. М. Гаспаров называет специфику ее «семантического механизма». Б. М. Гаспаров считает, что «влияние формы речи самой по себе на ментальную сторону языкового акта так велико, что даже неспонтанная устная речь в принципе не отличается от спонтанной»¹⁶. Наши наблюдения не подтверждают этого мнения. Напротив, для публичной односторонней устной речи (и подготовленной, и неподготовленной) не характерны такие, выдвинутые Б. М. Гаспаровым в качестве типических, признаки, как диффузность, открытость и неструктурированность смысла, разрыв конфигураций, перебивы, активизация исходных форм слова. С нашей точки зрения, перечисленные особенности характерны для РР, публичной же устной речи они не свойственны. Фразы типа приводимой Б. М. Гаспаровым *Пирожки свежие — только что купила — на углу магазин — свежие такие* в публичной речи невозможны, даже если их наполнить научным или общественно-политическим содержанием. Ср. невозможность фраз типа **Теория интересная — только что прочел — в библиотеке книга — интересная такая; или *Столица оккупирована — только что сообщили — все агентства печати — настоящая оккупация* — в лекции, докладе или выступлении при обычной передаче такого содержания фразами: *Об этой интересной теории я только что прочел в очень содержательной книге в библиотеке; Все агентства печати только что сообщили, что столица подверглась настоящей оккупации.*

Публичная речь как речь массово адресованная всегда строго структурирована, она несет определенную четкую информацию, диффузность и размытость смыслов ей не свойственны. Во всяком случае если они в ней встретятся, то будут восприниматься как недостатки, дефекты этой речи, нарушение ее канонов.

В сфере лексики и фразеологии, в употреблении номинативных средств публичная устная речь является типическим представителем КЛЯ. Ей не свойственно широкое употребление размытой опустошенной лексики (типа *жахать, шпарить, дуть, чесать, ляпать; фиговина, штуковина, штуkenция, дело, история, музыка* и т. п.), использование полифункциональных номинаций, относимых к разным явлениям действительности (типа *чем писать, во что завернуть, на чем сидеть; времянка, держалка* и т. п.), приверженность к местоимениям и многое другое.

Существуют, однако, явления, сближающие устную публичную речь и РР. В устной публичной речи, когда говорящий затрудняется в подборе слов, могут возникать паузы колебания и обдумывания. В качестве средства оживления в публичной речи могут шире, чем в письменном КЛЯ, использоваться частицы (особенно часто *во* и *ну*). Приведем пример из научного доклада: *В данном случае все это является средством вот такой поэтизации целого связного отрывка / или допустим песни / или чего-то подобного //*

Заметим, что некоторые наши информанты, выступая с докладом, текст которого написан, вводят в него «на ходу», для оживления некоторые разговорные компоненты. Так, информант А. — женщина 45 лет, доктор наук, регулярно вставляет в читаемый текст разговорную частицу *во*, ср.: «...Широко используются такие номинации / которые создаются на случай / для данной коммуникации / *во* для данного сиюминутного акта / обычно при этом / в таких случаях / используются несущественные может быть / в широком смысле *во* / для данного предмета признаки //

¹⁶ Б. М. Гаспаров, указ. соч., стр. 69.

В разговорной речи этого информанта частица *во* употребляется вполне умеренно, не составляя никакой отличительной особенности ее речи.

Обратимся теперь к наиболее исследованному уровню РР — синтаксису. Напомним, что именно синтаксическим материалом О. А. Лаптева аргументирует свои выводы о близости РР и устной публичной речи. Она приводит весьма обширный список почерпнутых из устной публичной речи примеров устного разговорного характера. Нельзя не отметить, что в этом списке есть и явно ненормативные явления (языковые ошибки), независимо от того, по каким нормам — КЛЯ или РР — их оценивать: в РР (как, конечно, и в КЛЯ) явно невозможно такое по структуре полипредикативное высказывание, как: *Обычно мы занимали пять первых мест, то в этом году третье место пришлось уступить*; нельзя признать нормативными такие сочетания, как *закончить образование* (вместо *получить*), *держат под дулом штыков* (вместо *винтовок*)¹⁷. Последнее сочетание не столько противоречит нормам языка, сколько «нормам» здравого смысла. Едва ли можно согласиться с О. А. Лаптевой, что эти ненормативные явления остаются не замеченными слушателями. То, что эти ошибки допущены в речи людей с достаточно высокой речевой культурой, не может служить доводом в пользу допустимости таких ненормативных явлений как в устной публичной, так и в любой другой литературной речи. Среди многих перечисленных О. А. Лаптевой явлений, свойственных, по ее мнению, и РР, и устной публичной речи¹⁸, по нашему мнению, действительно общими являются только два: 1) конструкции добавления и 2) употребление постпозитивных определений. Другие синтаксические структуры РР в устной публичной речи либо вообще невозможны, либо для нее не характерны и редки.

Для устной публичной речи не свойственные многие типические явления разговорного синтаксиса — конструкции наложения, связи свободного соединения, употребление им. падежа в функции сказуемого в высказываниях отождествления (типа *Ты разве второй этаж?*; *Он Теплый Стан!*; *Мы Московский университет* //); им. падеж, относящийся ко всему высказыванию в целом, в том числе в позиции к корреляту (...*он был в Ташкенте, этот ансамбль*)¹⁹ и др. Едва ли возможен в устной публичной речи им. падеж, занимающий в составе высказывания приглагольное или присубстантивное синтаксическое место типа *Какой этаж вы живете?*; *У меня шторы немецкий перлон* //; *Она купила шкаф карельская береза* // (ср.: *На каком этаже вы живете?*; *У меня шторы из немецкого перлона*; *Она купила шкаф карельской березы*). Заметим, что О. А. Лаптева при описании выделенных ею синтаксических явлений РР (в нашем понимании) всегда стремится приводить примеры и из устной публичной речи, но при описании данной функции именительного падежа в ее материалах нет ни одного примера из устной публичной речи²⁰. Явно невозможны в устной публичной речи многие, характерные для РР, типы бессоюзных полипредикативных высказываний, например, бессоюзные полипредикативные высказывания с определительными отношениями: *Рубашка / я вчера купил / практичная по-моему очень* //. В устной публичной речи нельзя встретить конситуативных высказываний, опирающихся на апперцепционную базу говорящих (их знания, их прошлый опыт), типа: А. пошел

¹⁷ О. А. Лаптева, Русский разговорный синтаксис, стр. 42—43.

¹⁸ О. А. Лаптева, О соотношении некодифицированной и так называемой «кодифицированной» устной литературной речи, стр. 8—9.

¹⁹ Пример из кн.: О. А. Лаптева, Русский разговорный синтаксис, стр. 43.

²⁰ Там же, стр. 160—173.

в магазин за тетрадами, о чем знает Б. Б. к возвратившемуся А. — Ну? (купил) А. Десять // (купил десять тетрадей). Между тем в записках (жанр, который мы считаем письменной формой РР) встречаются высказывания, содержащие недоговоренности, восполняемые конситуацией и общностью апперцепционной базы: *Нина! Я Вам положила в сумку (красную) свой голубой (язык не поворачивается назвать). Употребить голубой без определяемого существительного нишущему дает возможность конситуация. Предмет, лежащий в «сумке (красной)», сам себя называет. А вот другая записка: «Анна Петровна! Спасибо! нужно подписать и заверить печатью 3-экз. и с кем-нибудь вернуть нам. Ю. С.».* Автор записки не уточняет, к чему относится «спасибо», что нужно подписать и т. д., потому что адресату записки это ясно из конситуации. Таким образом, письменная форма не мешает говорящему опираться на конситуацию и допускать недоговоренности, свойственные РР.

Для публичной речи не характерны типические структуры РР, в которых построение высказывания порциями приводит к тому, что по мере построения высказывания создаются синтаксические связи, получающие впоследствии определенную корректировку, а именно: собеседник, услышав часть высказывания, определенным образом осмысляет ее, а при завершении высказывания, получив новую порцию сообщения, устанавливает иные, дополнительные связи между членами сообщения. Например:


Книгу мою новую видел как издали?

Интересен вопрос о том, характерен ли для публичной устной речи непроективный порядок слов, типичный для РР²¹. Непроективный порядок слов в целом не свойственен КЛЯ. Однако отдельные факты в ней встречаются, причем не только в устной, но и в письменной форме. Вот пример заголовка в газете: *«Открытые двери для Мишки»*, ср. с проективным порядком слов: *«Двери, открытые для Мишки»*, или: *«Открытые для Мишки двери»*. Приведем аналогичные примеры из устной публичной речи (в наших записках — очень редкие, всего два). Выступление на научном заседании: *Проводимые сопоставления с материалом очень убедительны; Переходим теперь к прениям по представленному докладу комиссией* (ср.: *по докладу, представленному комиссией*). Очевидно, что непроективность объясняется линейным построением речи и постепенным развертыванием содержания. Приведенные примеры воспринимаются как речевые ошибки.

Отметим, что в устной кодифицированной речи, даже лично адресованной, контактной, непубличной, встречаются такие типические структуры КЛЯ, как страдательный оборот с творительным субъекта. Разговор молодой сотрудницы с ее начальником. А. *Как ваши дела?* Б. *Утвержден был план / а это вот реферат / тогда же мной написанный //*

Для устной публичной речи (напомним еще раз, что мы имеем в виду такие манифестации публичной речи, в которых говорящие обнаруживают полное умение владеть ею) мало характерны перестройки на ходу, самоперебивы и т. п., ибо в ней обычно достаточно жестко задается синтаксический каркас высказывания. Обилие перестроек, самоперебивов и проч. свидетельствует о невладении (или — о неполном владении) нормами публичной устной речи.

²¹ О непроективном порядке слов см.: «Русская разговорная речь», стр. 383—393.

В устной публичной монологической речи встречаются достаточно длинные и сложные синтаксические построения. Вот примеры из лекции о творчестве В. Быкова для поступающих в вуз: «...Он несколько раз говорил о том, что он не может отойти от материала войны / потому что она была настолько страшным явлением / и он увидел так много горя... э... на своей земле / что эта тема вошла в его кровь и плоть //». Приведем также примеры из научных докладов: «Для того чтобы / немножко / продемонстрировать / каким образом эти три названные мною фактора / тема ситуация и форма речи / конкретно влияют на характер выбора те...а—а типа речи / я остановлюсь на таком примере //»; «Я думаю что / для того чтобы попытаться приблизиться к освещению сути этого вопроса / можно попробовать / рассмотреть / его / исходя из реального состава / языковых средств устной речи / этих двух типов //»; «Экспрессивным / л-ль... лучше всего назвать вот ту сферу словообразования / которая отражает / столь свойственную разговорной речи / тенденцию к повышенному эмоциональному аффективному способу выражения / и основывается на том / что говорящие / находятся в непринужденных отношениях / и весь акт коммуникации / происходит / очень раскованно и свободно //».

В сфере синтаксиса едва ли не единственной приметой устной формы таких длинных построений могут быть пояснения, даваемые в форме им. падежа и повторы в виде подхватов. Из лекции о творчестве В. Быкова: «И вот когда к нему приходит мысль / что он погибнет просто так / ни за что / просто вот замерзнет / эта мысль для него страшна //», «Наоборот / он ставит большие очень важные для всех проблемы / для ...проблемы для всех... для всего можно сказать даже человечества / на национальном материале//»; из научных докладов: «Вот мне представляется / что если / отвлечься от того / что и в том и в другом типе речи / в большом количестве / употребляются общелитературные средства / те самые / которые цементируют литературный язык / и представляют собой яркую основу всех типов литературного языка / вот если отвлечься от этого факта / и попытаться выявить / только то специфическое / что роднит эти два типа речи...».

Такие фразы содержат сложные союзные полипредикативные конструкции, терминологическую лексику, типичские для КЛЯ виды управления, ср. 4 формы род. падежа... ¹ *исходя из реального состава / языковых средств устной речи этих двух типов //*; ² ³ ⁴ оживляют же их преимущественно употребление частиц и иногда использование разговорной лексики.

О. А. Лаптева склонна объяснять отсутствие некоторых разговорных особенностей в устной публичной речи тем, что, по ее мнению, многие разговорные особенности свойственны только определенным тематическим циклам, а эти тематические циклы в устной публичной речи не представлены. По-видимому, справедливо, что есть такие темы, которые характерны только для РР: например, разговор в семье перед уходом на работу о том, что кому купить, едва ли можно представить ведущимся на КЛЯ. Менее очевидно соображение О. А. Лаптевой по поводу того, что за определенным тематическим циклом может быть закреплен свой арсенал грамматических средств. О. А. Лаптева, например, полагает, что конструкции типа *Он стал ты пришел?* потому не встречаются в устной публичной речи, что в них просто нет необходимости. С критикой такой аргументации выступил Д. Н. Шмелев, справедливо полагая, что О. А. Лаптева оценку конструкции подменяет оценкой конкретной фразы с конкретным лексическим составом: «ведь если речь идет именно о конструкции, нам следует решить, типичны ли для выступающего с кафедры

с научным докладом и такого рода фразы — *Глагольную форму в придаточном предложении находится необходимо рассматривать... и т. п.*²².

Итак, публичная устная речь в целом всегда ориентирована на систему КЛЯ, а не на систему РР. Для доказательства этого положения приведем еще два рода фактов.

Чтобы определить, на основе какой системы построены устные публичные тексты, полезно обратиться к тем участкам системы, которые в РР и КЛЯ могут быть явным образом сопоставлены. Такое сопоставление допускает система полипредикативного высказывания РР и, соответственно, сложного предложения КЛЯ. В РР безусловно господствующим типом полипредикативного высказывания является бессоюзное, в КЛЯ, напротив, — союзное. Бессоюзное полипредикативное высказывание возможно в том случае, если смысловые отношения между предикативными конструкциями можно вывести из их содержания (при поддержке ситуации). Такие условия возможны и в РР, и в КЛЯ. И тем не менее, в РР они используются регулярно для бессоюзной связи, в КЛЯ почти не используются. Достаточно регулярны бессоюзные сложные предложения только в тех художественных текстах КЛЯ, в которых имитируется РР. Представляется поэтому, что проверка текста на то, как используются заложенные в нем возможности для бессоюзного соединения предикативных конструкций в одно высказывание, достаточно надежный прием для распознавания той системы, которая лежит в основе текста. Этот прием, естественно, работает тогда, когда в тексте есть возможности для выбора между союзным и бессоюзным полипредикативными высказываниями (сложными предложениями). Обычно даже не очень большой текст представляет такие возможности.

Ср. два небольших фрагмента из текстов информанта Б., женщины 35 лет, кандидата наук: (I) — разговорный рассказ о походе, (II) — устное неподготовленное публичное выступление о необходимости изменить название научной работы.

(I) (речь идет о двух туристах, собравшихся ночью в горы): Да / ну значит / они собрались / идти / вдвоем // После этого Саша не может же их отпустить в горы / ночью/ на Ай-Петри / на вершину Ай-Петри / Саша тоже встает // Потом из другой группы киевлян тоже / ну как ре... жалко все-таки... ребят / они не знают дорогу / и пойдут / эти тоже встанут // Ну в общем пошло несколько человек / на Ай-Петри // Конечно / это все кончилось хорошо // Андрей потом торжествовал // ²³.

В (I) есть, по меньшей мере, три возможности для использования союзов, ср.: *Саша не может их отпустить, так что (и поэтому) Саша тоже встает; Жалко ребят, потому что они не знают дорогу; Жалко все-таки ребят, так что (и поэтому) они тоже встанут.* Ни одна из этих возможностей не использована: употреблено именно бессоюзное полипредикативное высказывание.

²² Д. Н. Ш м е л е в, указ. соч., 1977, стр. 25. Аналогичным образом доказывает несвойственность устной публичной речи многих разговорных конструкций один из авторов настоящей статьи: «Составим несколько фраз, используя для их построения типические синтаксические конструкции РР, причем наполним эти фразы научным содержанием (лишив их типического для этих конструкций бытового содержания). Несмотря на научное содержание, такие фразы будут недопустимы (или, по крайней мере, неуместны) не только в публичном выступлении, но и в любом виде общения..., ведущемся на кодифицированном книжном языке. Таковы, например, конструкции со связями свободного соединения типа *Префиксальные глаголы / я в этой главе описала / относятся к числу широко употребляемых //; конструкции с двойными глаголами: Иван Семенович тут стоял рассуждал пресуппозиция что такое // (см.: Е. А. З е м с к а я, О некоторых дискуссионных вопросах теории разговорной речи, стр. 55).*

²³ «Русская разговорная речь. Тексты», стр. 95—96.

(II) Так / ну я-я... меня... особенно я не буду долго говорить / потому что вот содержание / подробно освещено в отзыве Тереховой / мне хотелось бы только вот какой поднять вопрос на обсуждение // Мне бы хотелось изменить / название / поскольку это название историческое / осталось от прежних времен / когда эта книга должна была представлять двухтомник / и... писаться вместе с Михал Викторычем // Мне бы хотелось чтобы называлось / что-нибудь просто / «Русская орфография» // Вот как вы к этому относитесь / и как это вообще вот оформляется? Поскольку я знаю что / нельзя просто лично менять если название уже есть / зафиксировано...

В (II) есть также три случая, когда явно можно воспользоваться бессоюзной связью, ср.: *Не буду долго говорить: содержание подробно освещено: Мне бы хотелось изменить название: это название осталось от прежних времен; Я знаю: нельзя просто лично менять, если название уже есть.* Ни одним из этих случаев Б. не воспользовалась.

Очевидно, таким образом, что текст (I) в области полипредикативного высказывания, как, конечно, и во всех других областях, построен по системе РР, а текст (II) — по системе КЛЯ. Хотя в (I) и проявляются некоторые черты устности, ср. поиски начала — *ну... я... меня...*; употребление частицы *вот* и др.

Другой пример. Информант А., о котором уже говорилось (см. стр. 65), в своей РР широко пользуется бессоюзными полипредикативными высказываниями, не свойственными ему в публичных выступлениях: *Слушай / ну мы тебя ждем / ты приходи / торт куплен...*²⁴, ср. возможность: *Слушай / ну мы тебя ждем, (так что) ты приходи, (потому что, или: а то) торт куплен.*

В устной публичной речи А. — полное господство союзных сложных предложений, ср. начало доклада А. на конференции: *Хотя русская разговорная речь / в последние десять лет / изучается довольно интенсивно / можно сказать что словообразование русской разговорной речи / изучено еще мало // Мой доклад / будет содержать / попытку / как-то осмыслить / некоторые общие / особенности системы русского разговорного словообразования / и при этом / для того чтобы не быть голословной / я буду / использовать / довольно широко / и / конкретный фактический материал // Прежде всего / посмотрим / как обнаруживаются в словообразовании разговорной речи / те общие особенности разговорной речи которые составляют ее характерные черты //*

Встречаемость в устной публичной речи устно-разговорных конструкций сама по себе еще не доказывает, что в ее основе лежит разговорная, а не кодифицированная система. Тот или иной компонент текста только тогда может считаться репрезентантом соответствующего системного явления, если он регулярно появляется в тексте при наличии необходимых для него коммуникативных и структурных условий.

Другим доказательством того, что в основе устной публичной речи лежит система КЛЯ, служит следующее. О. А. Лаптева справедливо отмечает, что, если появляется необходимость публикации устных публичных текстов, то они неизбежно требуют определенной правки. Следует заметить только, что это именно правка, т. е. то, что называют литературным редактированием.

Системная основа устного публичного текста при таком редактировании остается пезыблемой, все изменения очевидны и вполне однозначны. Трем лингвистам было предложено «довести» до письменной литературной

²⁴ «Русская разговорная речь. Тексты», стр. 149.

нормы устный публичный текст (II) (см. стр. 70) информанта Б. Все три «редактора» предложили почти одинаковые варианты редактирования.

Принципиально иной правки требует собственно разговорный текст, если поставить цель перевести его в письменную (или устную) форму КЛЯ. При переводе РР в КЛЯ из РР извлекается только смысл и почти ничего больше. Грамматическую и лексическую основу соответствующего текста для КЛЯ необходимо создавать заново, и системная основа текста РР при этом скорее мешает, чем помогает. Перевод одного и того же текста РР на КЛЯ разными лицами выполняется весьма по-разному, что вполне обычно, когда осуществляется переход от одной языковой системы к другой. Не будет преувеличением сказать, что перевод с РР на КЛЯ напоминает перевод художественного текста с одного языка на другой, когда этот перевод у разных переводчиков неизбежно различен.

Двум лингвистам было предложено обработать разговорный рассказ — воспоминания старой интеллигентной ленинградки 78 лет — так, чтобы его можно было опубликовать (ср. обычный для художественных журналов жанр автобиографических воспоминаний), т. е. было предложено осуществить перевод с РР на КЛЯ. Жанр рассказа-воспоминания выбран не случайно. Это тот жанр, который одинаково характерен и для РР, и для КЛЯ. И поэтому действие «тематического фактора» здесь исключено. Вот текст, предложенный для перевода:

(из рассказов о собаках): Значит / ну я тоже была девчонкой тоже / мне было лет двенадцать // И я очень любила вообще собак / И там (в деревне) была собака-а... Дымка / которая была... Я почему-то до сих пор помню / так хорошо эту собаку // Вот подумайте есть некоторые воспоминания / которые остаются на всю жизнь / Можно сказать совершенно ничего не значащие / В сущности // Но почему-то не знаю // И вот значит эта собака Дымка / она меня очень любила // Она страшно злая была / все боялись / она сидела на цепи / и все боялись к ней подходить / но я подходила / она меня очень... ласкалась и вообще была... Она была на цепи в сарае таком / сарай был открытый / только была крыша / двери не было // И у нее щенки были // Было шесть щенков // И вот она значит никому не давала подходить к этим щенкам // Я подходила / всегда их брала-а / на руки / все / она мне никогда / хвостиком виляла / никогда // И вот я их кормила / приносила / все / одного я выбрала себе даже брала его на целый день туда в са-а-д / играла с ним и все / а вечером приносила его обратно // Она ничего // ²⁵

Были сделаны такие переводы этого текста с РР на КЛЯ.

(I) Есть некоторые ничего не значащие воспоминания, которые сохраняются на всю жизнь. И непонятно, почему они остаются в памяти.

Я была еще совсем девчонкой лет двенадцати. И очень любила собак. В деревне, где я жила тогда, была собака Дымка, которую я очень хорошо до сих пор помню. И эта Дымка меня тоже очень любила. Но вообще-то она была очень злая: она сидела на цепи в открытом, только с крышей, без двери даже, сарае. И все боялись к ней подходить. У Дымки было шесть щенков, к которым она никому не давала подходить. А я подходила, брала их на руки, кормила. И Дымка мне никогда ничего не делала, только хвостиком виляла. Я выбрала одного щенка себе. Его я даже брала на целый день в сад, играла с ним, а вечером приносила его обратно. И все это Дымка делать мне вполне разрешала.

(II) Расскажу вам, как я в деревне жила. Давно это было, когда я еще девчонкой была, лет двенадцати. И я очень любила вообще собак, а там жила красавица собака — Дымка. Я почему-то до сих пор очень хорошо

²⁵ «Русская разговорная речь. Тексты», стр. 114.

помню эту собаку. Вот подумайте, есть некоторые воспоминания, можно сказать, ничего не значащие, которые остаются на всю жизнь. Не знаю, почему так происходит. Дымка очень меня полюбила. Все ее боялись. Она была страшно злая. А я подходила к ней. И Дымка ласкалась ко мне. Она была на цепи, в открытом сарае без дверей. Там у нее лежали щенки, шесть штук. И она никому не давала к ним приближаться, но когда я подходила, она только виляла хвостиком. С ее разрешения я брала щенков, кормила их. Одного даже брали на целый день в сад и играла с ним; а вечером приносила обратно. И Дымка не сердилась.

Нетрудно видеть, что и (I), и (II) переводы с РР на КЛЯ потребовали серьезных лексических и синтаксических преобразований разговорного текста: текст КЛЯ в отличие от РР имеет иную синтаксическую членимость, иные синтаксические структуры. Важно отметить и то, что тексты РР отличны от текстов КЛЯ не только в лексико-грамматическом отношении, но и в композиционном. Зачин — интродукция *Есть воспоминания...*²⁶ помещен в тексте РР в середину, поскольку он не планировался, а возник «по ходу дела». Переводчик (I) имел все основания вынести этот зачин в начало текста.

Вообще в тексте РР основная тема (отношение рассказчика к собаке) легко прерывается побочными (описание сарая), эти побочные темы возникают на основе различных, нередко случайных ассоциаций²⁷.

Различия двух предложенных переводов, разные пути преодоления встретившихся трудностей, доказывающие, что это именно перевод, а не правка текста, достаточно очевидны и не требуют комментария.

Итак, устная публичная речь строится по системе КЛЯ и, несмотря на возможность в ней устно-разговорных компонентов, резко отлична от РР. Мнение о принадлежности устной публичной речи к устно-разговорной разновидности современного русского литературного языка представляется недоказанным и ошибочным.

²⁶ Об интродуктивных высказываниях см.: Н. Д. А р у т ю н о в а, Предложение и его смысл, М., 1976, стр. 217—224.

²⁷ Рассматривая это свойство разговорных текстов, Кв. Кожевникова говорит о линейном построении речи и неллинейном формировании содержания. Она пишет: «... Чем импульсивнее возникает высказывание, чем больше оно мотивировано внезапно появившейся в мысли говорящего ассоциацией, тем меньше обычно говорящий — при всех индивидуальных различиях — способен провести иерархизацию важности сообщаемых фактов и их взаимосвязей, найти наиболее устраивающий его коррелят мысли, элиминировать несущественное, логически соотнести элементы содержания и выразить эту логическую соотнесенность. С другой стороны, конденсация и унорядоченность содержания и не нужна, недостаток ее не ощущается как помеха для понимания. Пример: А. А что вот / у нас в Манховке как / день железнодорожника. У нас такой / самый самый популярный праздник у нас в поселке / у нас поселок железнодорожный / и вот день железнодорожника всегда отмечают как самый крупный праздник / почти как первое мая. И / такая традиция существует. В этот день устраивают конкурс на лучший букет.

Характерно, что в таких случаях трудно привести „письменный“, отвечающий литературной форме эквивалент» (разрядка наша. — З. Е., Ш. Е.) (см.: Кв. Кожевникова, Спонтанная устная речь в эпической прозе, Прага, 1970, стр. 29—30).

ГЛУШАК Т. С., СЕМЕНОВА С. К.

К ПРОБЛЕМЕ ОБОСНОВАНИЯ СТАТУСА ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ЯЗЫКЕ

В общем русле семантических исследований современной лингвистики одним из направлений стало изучение функционально-семантических категорий языка. Как видно из целого ряда исследовательских опытов этого направления¹, предположение о существовании той или иной функционально-семантической категории определяется знанием того, что в данном языке с выражением данного значения связано взаимодействие многих, притом разноплановых, языковых средств (явлений). Все они, согласно А. В. Бондарко, сводятся на высоком уровне обобщения к широкой и абстрактной понятийной основе, но сами по себе как определенные языковые факты относятся к сфере языковой семантики, к области языковых семантических функций².

Присутствие в сознании заданного таким образом понятийного стержня не мешает, однако, тому, что лингвистический анализ функционально-семантических категорий опирается обычно на конкретный (текстовый) материал и служит раскрытию закономерных связей между разноплановыми языковыми фактами, обуславливающими своей совокупностью внутриязыковой статус постулируемой категории. С вовлечением же в анализ различных функционально-стилистических сфер языка может получить обоснование, наряду с внутрисистемным, и общезыковой функциональный статус категории.

Вряд ли можно поэтому полностью согласиться с мнением, что лингвистическому исследованию, направленному на выявление и обоснование функционально-семантических категорий, «присущ преимущественно индуктивный характер»³. Безусловно, анализ ведется, как и сказано, с опорой на языковые факты — средства реализации определенного категориального значения, на их связь с существенными специфическими чертами строя и тенденциями развития (функционирования) данного конкретного языка. Но идея существования таких категорий в языке, их семантический стержень фактически задается, и именно на этот стержень как инвариант проецируется разбор вариативного по своему характеру языкового материала. Правильнее говорить поэтому о дедуктивно-индуктивной (а точнее индуктивно-дедуктивно-индуктивной) основе изучения языковых функционально-семантических категорий.

Среди ряда категорий, обосновываемых в рамках современного немецкого языка, интерес представляет, в частности, функционально-семантическая категория результативного

¹ См., в частности, новые работы: С. К. Семенова, Система средств выражения функционально-семантической категории результативного состояния в современном немецком языке. КД, Минск, 1976; А. М. Горлатов, Функционально-семантическое поле возвратности в современном немецком языке. КД, Минск, 1977, и др.

² А. В. Бондарко, Теория морфологических категорий, Л., 1976, стр. 234.

³ Там же, стр. 244.

состояния, проблема ее статуса в языке⁴. В понятие статуса любой функционально-семантической категории должны включаться три ряда сведений: средства ее формально-структурной организации, значения, составляющие содержательный план категории, и закономерности функционально-стилистической реализации. Это можно представить, руководствуясь принципом полевого подхода, как взаимосвязь трех моделей внутри поля результативного состояния (ПРС) — формальной, семантической и функционально-стилистической. Поле есть, в соответствии с определением А. В. Бондарко, «способ существования» функционально-семантической категории, о нем «можно говорить лишь в том случае, если налицо факты взаимодействия элементов, ... если реально представлены связи не только однородных, но и разнородных языковых средств, в частности грамматических и лексических»⁵. Главным признаком поля является «наличие у языковых средств, входящих в данную группировку, общих инвариантных семантических функций»⁶.

Это, следовательно, определенная семантико-функциональная общность, объединяющая разнородные по своей природе языковые элементы — морфологические, синтаксические, словообразовательные и собственно лексические. Дефиниция поля может выглядеть поэтому и так: поле есть «совокупность взаимодействующих разноуровневых средств для выражения категориального значения тех или иных отношений»⁷.

Ф о р м а л ь н а я (точнее функционально-структурная) модель ПРС понимается как обобщенное представление средств и способов выражения общекатегориального значения результативного состояния, организованных по принципу их приближенности к центру или периферии поля⁸. Центр несет максимальную концентрацию специфических признаков, характеризующих категорию, периферия означает их разреженность. Иными словами, можно говорить о специализации, регулярности использования одних средств для реализации данной семантической функции (центр) и ослабленности, нерегулярности использования других средств в качестве реализаторов этой функции (периферия)⁹.

Ядро центральной части ПРС образует в немецком языке «статив», формально репрезентируемый конструкцией *sein* + причастие II. Значение этой конструкции толкуется по-разному, однако на основное — выражение качественного, результативного состояния — указывают многие исследователи¹⁰. При этом имеется в виду значение, эксплицируемое как «некое длительное состояние, возникшее в результате законченного действия»¹¹, т. е. значение, включающее определенные текстовые или функциональные пресуппозиции. Ю. С. Маслов считает подобные состояния

⁴ См.: С. К. Семенова, указ. соч.

⁵ А. В. Бондарко, Грамматическая категория и контекст, Л., 1971, стр. 19.

⁶ А. В. Бондарко, Теория морфологических категорий, стр. 204—205.

⁷ А. В. Бондарко, К проблематике функционально-семантических категорий, ВЯ, 1967, 2.

⁸ Об этом см.: В. Г. Адмони, О подлинной точности при анализе грамматических явлений, сб. «Проблемы языкознания», М., 1967; его же, Синтаксическая семантика — это семантика синтаксических структур, «Проблемы синтаксической семантики. Материалы научной конференции», М., 1976; М. Гухман, Грамматическая категория и структура парадигм, сб. «Исследования по общей теории грамматики», М., 1968.

⁹ А. В. Бондарко, Теория морфологических категорий, стр. 216—217.

¹⁰ С. П. Букавин, Проблема статива в современном немецком языке. АКД, Львов, 1965; Е. И. Шендельс, Многозначность и синонимия в грамматике, М. 1970; В. В. Вычегжанин, Статив как залоговая форма в современном немецком языке, сб. «Вопросы грамматики и лексикологии английского, немецкого и французского языков», Киров, 1972.

¹¹ Е. И. Шендельс, указ. соч., стр. 137.

«вторичными», поскольку они возникают на основе предшествовавшего действия и опираются на его предельность и завершенность¹². Вот примеры: *Seine Wohnungstür ist mit zwei Sicherheitsschlössern versperrt* «Дверь его квартиры заперта на два специальных замка»; *Ihr seid alle verhaftet* «Вы все арестованы» и др. Центральная зона вокруг названного ядра конституируется морфологическими по своей природе, сегментно представленными внутри поля формами (перфект, частично плюсквамперфект) и синтаксическими конструкциями (причастно-субстантивные словосочетания атрибутивного характера, разновидность именного сказуемого), обязательный компонент которых — причастие II имеет в своей основе преимущественно префиксальный глагол. Каждый компонент центра по своему связан с функцией ядра — выражением результирующего состояния, о чем свидетельствуют следующие примеры: *Die verfolgten und eingekerkerten Demokraten Chiles...* «Арестованные и брошенные в застенки демократы Чили...»; *Die Wände der Baugrube waren schmutziggelblich, die Geräte rostig und zerschissen* «Стены ямы под фундаментом были грязнобуры, механизмы — проржавевшие и изношенные»; *Sagen wir, du bist aus dem Gleichgewicht geraten* «Скажем, ты потерял равновесие» и др.

На периферии поля признаки рассматриваемой категории выражены слабее или совсем слабо, вплоть до размытости. В этой зоне находятся, по определению М. М. Гухман, «разнотипные единицы», хотя и соотносимые функционально с данной категорией, однако не представляющие собой нормализованных средств выражения¹³. Если, как пишет В. Г. Адмони, сама природа грамматических категорий «...делает не только возможным, но даже естественным наличие переходных случаев...»¹⁴, то это тем более относится к функционально-семантическим категориям. Периферийными компонентами поля результирующего состояния оказываются некоторые виды словосочетаний, в том числе и устойчивых, определенные разновидности предложений, производные имена определенных словообразовательных типов (субстантивированные причастия II, девербативы на *-ung* и др.), морфологические формы времени (претерит и даже презенс) в контекстах с соответствующими лексическими уточнителями и др. Ср. следующие примеры: *Bei einem Luftangriff wurde die Mutter mit dem Säugling verschüttet: sie starb, das Kind blieb ein Krüppel* «Во время воздушного налета мать с младенцем была засыпана: сама она погибла, а младенец остался калекой»; *Vor dir sitzt ein Opfer der Umstände, ich bin am Ende* «Перед тобой жертва обстоятельств, я сломлен»; *In ihr war Beklemmung* «В [ней] все оцепенело» и др.

При общей функциональной значимости периферийных компонентов ПРС они как микросистемы «не отличаются ни последовательностью, ни замкнутостью, ни парадигматичностью»¹⁵, что затрудняет их систематизацию в рамках структурной модели поля. Последняя хотя и предстает в целом как некое единство, однако стабильна только в своей ядерной части, тогда как компоненты, располагающиеся вокруг ядра, не полностью, а только частично парадигматизируются, так как несут важные функции и в ряде других полей языка (времени, аспектуальности, качественной детерминации и т. д.). Тем более слабой степенью парадигматизации отмечены периферийные компоненты поля.

¹² Ю. С. Маслов, Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного — несовершенного вида, «Советское славяноведение», 4, 1973, стр. 75—76.

¹³ М. М. Гухман, указ. соч., стр. 172.

¹⁴ В. Г. Адмони, Обладают ли модели предложения обобщенным грамматическим значением?, сб. «Грамматические исследования», I, Л., 1975, стр. 9—10.

¹⁵ А. В. Бондарко, Теория морфологических категорий, стр. 216.

Семантическая модель ПРС воплощает многослойную структуру общекатегориального значения «результативное состояние», инвариант которого задан в логико-семантической сфере и совмещает в себе семы «статальность» и «результативность». Это самый глубокий семантический срез (четвертый). Ему предшествует по вертикали логико-грамматический срез (третий слой глубины), репрезентируемый семами «глагольность» и «адъективность» в их совмещенности. Второй срез маркируется категориально-грамматическими (переплетающимися с лексическими) семами «залоговость», «темпоральность», «аспектуальность», «качественная атрибутивность» и др., характеризующимися меньшей степенью абстракции, чем семы предшествующих срезов. Наиболее близкий к формально-поверхностной репрезентации семантический срез (первый) получает отражение в морфолого-синтаксических, лексико-синтаксических, лексических значениях (семах «перфектность», «пассивность», «предикативность», «объектность», «субъектность», «финитность», «предельность» и др.).

Все указанные значения соотносятся со стабильной частью поля — его центром, несущим постулированный семантический инвариант, однозначно выраженный, лишь «стативом». Сравнение же даже центральных компонентов поля со «стативом» позволяет обнаружить тот факт, что они не дублируют его семантическую структуру, а отличаются спецификой своей внутренней семантической организации. Так, в семантике конструкции именного сказуемого (*Die Wände der Baugrube waren schmutzigbraun, die Geräte rostig und zerschissen*) наличествуют специфические семы «имплицированная атрибутивность», «квалитативная детерминация» и др. у атрибутивного причастия II выступают собственные семы «имплицированная агентивность», «дейктическая детерминация» (*die verfolgten und eingekerkerten Demokraten, das geknechtete Volk*); в семантике перфекта отсутствуют семы «залоговость» и конкретно реализующая ее «пассивность», но присутствует сема «презентность», «внутренняя активность» (*Sagen wir, du bist aus dem Gleichgewicht geraten*) и т. д.

Значения в большей или меньшей степени парадигматизованы, однако, поскольку речь идет не об абсолютно грамматической, а об одной из функционально-семантических категорий языка, само понятие парадигматического приобретает здесь иной смысл, чем тот, который приписан ему оппозиционной грамматикой. Каждый компонент ПРС является в системе немецкого языка членом многочисленных оппозиций (микросистемой) и обладает собственной иерархической (внутренней) структурой. Вследствие этого «поле результативного состояния» оказывается пересеченным многими полями, например, такими явными, как поле времени (перфект, плюсквамперфект), поле аспектуальности (причастие II), поле залоговости (статив), поле квалитативной детерминации (причастный атрибут), поле дейксиса (сочетание имени с атрибутивным причастием II) и др. Это с достаточной убедительностью показывает, почему понятие парадигматического отношения в рамках функционально-семантической категории не может отождествляться с понятием инварианта, лежащим в основе однопризнаковых оппозиций в структуре более однородных языковых явлений (грамматических категорий). Ориентированность на функциональную сторону языка предполагает как бы «закадровое» присутствие «значений в контекстах»¹⁶, что исключает сведение всего наблюдаемого к однозначно прочерченным линиям парадигматических связей. «Практически лишь некоторые словоформы, а именно те, которые обладают

¹⁶ Термин взят из работы: Л. Ельмслев, Прологомены к теории языка, «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 303.

простейшей смысловой структурой, являются носителями такого единого значения, которое может быть вычленено как постоянная величина в любом речевом отрезке», — пишет М. М. Гухман¹⁷, и в данном случае это может быть сказано только о стативе.

«Значения в контекстах» должны пониматься таким образом, что семантика почти всех компонентов центральной сферы ПРС обнаруживается лишь в необходимых (минимальных) контекстах — атрибутивных и предикативных конструкциях, т. е. словосочетаниях и предложениях. Именно с учетом такого рода контекстных минимумов значения ближайших к поверхностной структуре семантических срезов поля выявляются как смешанные — морфолого-синтаксические, лексико-синтаксические и т. д., а в общей сложности как лексико-грамматические. Они находятся на границе лексической и грамматической абстракций, их функциональный статус распознается, как на это указывается в ряде работ, через соотнесенность с другими категориями, взаимодействующими в контексте.

В целом, следовательно, парадигматическое значение конstituентов поля, несмотря на их явно морфологическую или явно синтаксическую и т. д. природу, представляет собой смешанный лексико-грамматический тип. До собственно лексических значений анализ не может доводиться, а если и постулируются лексические семы (например, «финитность», «предельность», «дейтичность» и др.), то они тоже имеют скорее лексико-грамматический характер, с большим перевесом то лексического, то грамматического. Даже словообразование не отмечено внутри ПРС собственно лексической релевантностью, как это логично было бы ожидать. В. Н. Ярцева на вопрос: «Какие явления лежат на стыке лексического и грамматического звеньев языка?», отвечает: «Естественно, что в первую очередь здесь напрашиваются вопросы, связанные со словообразованием»¹⁸. Глагольная префиксация, очень продуктивная в основном структурном звене категории — причастии II, хотя и не является сама по себе грамматическим средством, тем не менее обеспечивает центральным компонентам ПРС способность нести определенные грамматические функции — передавать видовые, залоговые и другие значения, связанные с общей функцией выражения результитивного состояния.

Можно поставить этот вопрос и иначе: считать ли «залоговость», частью которой является ядро поля — «статив», чисто грамматическим значением, исходя из того, что она имеет последовательное парадигматическое оформление в системе глагола? Известно, что основу структурирования категории залога образует внутреннее членение глаголов на переходные и непереходные, базирующееся в немецком языке главным образом на словообразовании — префиксации. Переходность же (или непереходность) в свою очередь несет конституирующую функцию на уровне предложения. Можно, следовательно, утверждать, вслед за В. Н. Ярцевой, что соотношение лексических и грамматических факторов здесь варьируется, т. е. фактически «залоговость» предстает как лексико-грамматическое значение. «Статив» как член категории залога или «пассив состояния» в большей степени лексичен и синтаксичен, чем другой ее член — пассив процесса. В. Г. Адмони даже говорит в этой связи о «форме состояния» как об особом типе предложения в немецком языке¹⁹.

Видимо, следует признать обоснованным мнение целого ряда исследователей, согласно которому речь должна идти о градации грамматиче-

¹⁷ М. М. Г у х м а н, указ. соч., стр. 158.

¹⁸ В. Н. Я р ц е в а. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка, сб. «Вопросы общей теории грамматики», М., 1968, стр. 15.

¹⁹ W. G. A d m o n i, Der deutsche Sprachbau, М.— Л., 1966, стр. 229—256.

ских значений внутри больших языковых категорий в соответствии с их большей привязкой к лексике или большей независимостью от лексики. Приведенные примеры служат наглядной иллюстрацией этому, показывая, что «грамматические значения, данные в парадигматике, реализуются в словосочетаниях как синтаксических микроструктурах, где неизбежно вступает в силу фактор лексического взаимодействия сочетающихся слов»²⁰, чем фактически и обеспечивается передача категориальной семантики результативного состояния. Именно это заставляет говорить о преимущественно смешанном лексико-грамматическом характере значений, объединяемых в рамках рассматриваемой функционально-семантической категории.

Функционально-стилистическая модель ПРС фиксирует модификации его общей структурно-семантической схемы применительно к трем сопоставленным в ходе анализа функциональным стилям (художественной прозы, научного изложения, газетной публицистики). Характер модификаций наглядно проявляется в расхождениях количественных параметров, выполняющих для изучения функционального плана языка роль определенных симптомов²¹. Варьирующиеся по стилям частотные характеристики отражают картину смещений, функционально обусловленных содержанием текстовой информации и ее коммуникативной предназначенностью. Именно социолингвистическими факторами определяется предпочтительное употребление или неупотребление, т. е. релевантность или нерелевантность тех или иных средств выражения в том или другом стиле. Так, например, значимость центральных компонентов ПРС в стиле художественной прозы отражается на статистической шкале убывания следующим образом: конструкция именного сказуемого, статив, плюсквамперфект и т. д. Эта же шкала в стиле научной прозы имеет вид: статив, перфект, конструкция именного сказуемого и т. д. В газетном стиле высокочастотные компоненты следуют так: перфект, статив, конструкция именного сказуемого и т. д. В явном несовпадении шкал, т. е. в перемещениях частотных характеристик компонентов при их одинаковом (инвариантном) наборе, и отражается специфика стилей.

Функциональные стили, представляя собой subsystemы, обладающие индивидуальным качественным своеобразием — «типизированным содержанием»²² и индивидуальной количественной организацией средств выражения, могут быть сопоставлены друг с другом как члены единой функциональной системы языка, и если это сопоставление проводить по признаку вхождения в них компонентов центральной части ПРС, то можно вывести ряд оппозиций, которые отразят характерные и нехарактерные черты стилей, т. е. плюсовую и минусовую отмеченность стиля определенным признаком. Минусовая отмеченность не означает при этом полного отсутствия соответствующего средства, она свидетельствует о его нехарактерности в данном стиле по сравнению с противопоставляемым стилем. Вот ряд таких оппозиций: 1) по признаку плюсквамперфекта как компонента ПРС: стиль художественной прозы имеет плюсовую маркированность в противоположность двум другим стилям (с минусовой отмеченностью) — научному и газетно-публицистическому; 2) по признаку перфекта как компонента ПРС: научный и газетно-публицистический стили

²⁰ В. Н. Ярцева, указ. соч., стр. 35.

²¹ См.: В. Г. Адмони, Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка, Л., 1966, а также апробацию «симптоматического» подхода во многих диссертационных исследованиях (Л. Б. Петровичуса, В. И. Иванова, И. Г. Марголина, Л. Д. Черкесовой, А. С. Ковалева и др.), посвященных немецкому языку.

²² Термин взят из работы: Г. В. Колшанский, Соотношение субъективных и объективных факторов в языке, М., 1975, стр. 203—204.

имеют плюсовую отмеченность в их противопоставленности стилю художественной прозы; 3) по признаку количественной представленности статива как компонента ПРС особенно противопоставлены научный стиль (плюс) и стиль художественной прозы (минус); 4) по признаку статально-именного сказуемого как компонента ПРС оппозицию образуют научный стиль (плюс) и газетно-публицистический стиль (минус); 5) по признаку причастия II как присубстантивного определения со значением результивного состояния плюсово маркирован научный стиль в противопоставлении газетно-публицистическому стилю; 6) по признаку общей количественной представленности компонентов ПРС особенно противопоставлены друг другу газетно-публицистический стиль (плюс) и научный стиль (минус) и т. д. Этот перечень оппозиций можно было бы подать как очень подробную и разветвленную схему, если бы включить в рассмотрение и периферийные средства выражения категориального значения. Но в рамках статьи это едва ли необходимо, поскольку ставилась задача раскрыть лишь общий механизм организации функционально-семантических категорий языка и тем самым обосновать определенный подход к их исследованию. Тем более, что выход в периферию поля уже означал бы углубление в проблему пересеченности языковых полей в общей структуре языка, что не может быть показано бегло, а должно явиться предметом специального разговора.

Из изложенного очевидно, что постулирование функционально-семантической категории результивного состояния в ряду других подобных категорий современного немецкого языка на основе принципа «отсутствия контекстуальной и лексической обусловленности в широком значении этого слова»²³ вполне оправдано. Она являет собой многоплановую структуру с полевой организацией средств и способов выражения, дифференцированно реализующих по функциональным сферам ее сложный семантический комплекс, в котором взаимодействуют фундаментальные категории состояния, действия, качества.

В виде общего итога можно утверждать, что вычлененный из функционально-семантической ткани языка участок фокусирует в себе многообразное переплетение формальных языковых средств, связей, сем значения, функционально-стилистических потенций, т. е. как бы отражает в миниатюре сложную организацию функционального плана языка. А подход к языку сквозь призму изучения таких участков имплицитно включает решение столь актуальных задач современного языкознания, как раскрытие значимой стороны языковых средств, их функционально-системной взаимообусловленности, обоснование особенностей функционально-стилистической реализации языковых средств и структур с учетом влияния социолингвистических факторов и др. В методическом аспекте такой подход предполагает сочетание дедукции и индукции, содержательной интерпретации и структурного анализа, статистической обработки материала и моделирования, лингвистической и социолингвистической мотивации, т. е. практически не исключает возможности использования каких-то приемов и методов исследования, выработанных и апробированных лингвистикой.

²³ М. М. Г у х м а н, указ. соч., стр. 173.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

МУСТАЙОКИ А.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «УСЛОВНОЕ УДАРЕНИЕ»
И ТИПАХ УДАРЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Особый интерес в русской акцентологии представляют собой словоформы с неслоговым компонентом (по терминологии А. А. Зализняка), или позиции неразличения акцентных кривых (по терминологии В. А. Редькина), т. е. случаи типа *стол* (ср. *стола́, столу́...*) и *мест* (ср. *места́, местам...*). Краткая история вопроса. В 1956 г. Р. И. Аванесов писал: «Различие в месте ударения в подобных случаях не имеет грамматического значения, поскольку оно вынужденное, обусловленное отсутствием окончания в одной из форм слова. Поэтому ударение в них с грамматической точки зрения следует квалифицировать как неподвижное»¹. Несколько позже А. А. Зализняк ввел для подобных случаев понятие «условное ударение»². С тех пор этот термин пользуется популярностью и употребляется, в частности, в работах В. А. Редькина³ и Н. А. Федяниной⁴. Однако, несмотря на распространенность понятия «условное ударение», на наш взгляд, стоило бы еще раз остановиться на аргументах, изложенных в поддержку этого термина в названных работах А. А. Зализняка. Прежде чем взяться за рассмотрение этой проблемы, мы хотим подчеркнуть, что несмотря на свое несогласие с упомянутыми акцентологами в решении данного вопроса, мы никак не ставим под сомнение их труды в целом, скорее наоборот; следует отметить, что большей частью именно благодаря их работам акцентология русского языка получила достаточную теоретическую основу и практическое применение, а также заняла достойное место в русистике.

В склонении существительных⁵ к рассматриваемой проблеме имеют отношение: 1) слова муж. рода с нулевым окончанием в им. падеже и с ударением на окончании в других формах, например, *стол* (*стола́, столу́...*),

¹ Р. И. Аванесов, *Фонетика современного русского литературного языка*, М., 1956, стр. 73. Эта мысль выражена также в более ранней работе Р. И. Аванесова «Об ударении в русском языке», «Р. яз. в шк.», 1948, 4, стр. 6—7.

² См.: А. А. Зализняк, «Условное ударение» в русском словоизменении, ВЯ, 1964, 1 (далее — Зализняк, 1964); е го же, Русское именное словоизменение, М., 1967 (далее — Зализняк, 1967).

³ См.: В. А. Редькин, *Акцентология современного русского литературного языка*, М., 1971 (далее — Редькин, 1971); см. также раздел «Ударение» в «Грамматике современного русского литературного языка», под ред. Н. Ю. Шведовой, М., 1970 (далее — Гр. 70).

⁴ Н. А. Федянина, *Ударение в современном русском языке*, М., 1976 (далее — Федянина, 1976).

⁵ Это явление встречается и вне склонения существительных, но мы рассматриваем его здесь только в пределах двух упомянутых случаев склонения существительных.

2) слова жен., ср. и (весьма редко) муж. рода с нулевым окончанием в род. падеже мн. числа и с ударением на окончании в других формах мн. числа, например, *мест* (*местá*, *местáм*...), 3) односложные слова с нулевым окончанием в исходной форме и с беглым гласным во всех формах, кроме исходной, например, (*рот*), *рта*, *рту*... Исключим сразу последний случай, как выходящий за пределы нормальных типов ударения. Как поступить с остальными двумя? А. А. Зализняк (Зализняк, 1964, стр. 16) излагает три возможности включения их в систему типов ударения: 1) учитывается только действительное место ударения; 2) нейтрализованность ударения в какой-либо форме отмечается особо, а именно знаком 0 (для обычных случаев принято употреблять знаки + и —); 3) вводится понятие «условное ударение». Это значит, что «каждой словоформе с нейтрализованным ударением приписывается одно из двух определенных значений рассматриваемого признака („ударение на основе“ или „ударение на окончании“), но не в соответствии с действительным положением ударения, а по некоторому специально составляемому правилу. Ударение, приписанное словоформе по этому правилу, будем называть у с л о в н ы м» (там же). Это правило можно кратко сформулировать так: «условное ударение» словоформы с неслоговым компонентом совпадает с действительным ударением дательного падежа данного числа (Зализняк, 1967, стр. 152; Гр. 70, стр. 429).

Рассмотрим, как А. А. Зализняк доказывает преимущество третьего варианта. В упомянутой статье он начинает свою аргументацию с чисто формальной стороны. Самым веским критерием служит количество разных схем ударения, нужных для покрытия всех случаев. «...Лучшим является то решение, при котором общее число различных схем ударения... является н а и м е н ь ш и м» (Зализняк, 1964, стр. 16). Любопытно отметить, что в монографии «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняк приводит сначала менее формальные аргументы, а именно интуитивное представление об отношениях разных словоформ. Он утверждает, что словоформы с нулевым окончанием — осознанно или неосознанно — сравниваются, во-первых, с другими словоформами той же парадигмы и, во-вторых, с соответствующими словоформами других парадигм (Зализняк, 1967, стр. 178—179). Поскольку этот пункт аргументации является ключевым, цитируем иллюстративные примеры полностью: «Так, например, мы замечаем, что практически у всякого существительного, имеющего в Р. мн. слоговое окончание, действительное ударение в этой словоформе такое же, как в Д. мн., Т. мн. и П. мн.; ср.: *спров*, *спбрам*, *спбрами*, *спбрах*; *столóв*, *столáм*, *столáми*, *столáх*... Отсюда представление о некотором „нормальном“ (для данного слова) месте действительного ударения во всей указанной группе словоформ. Это представление естественно распространяется и на словоформы Р. мн. с неслововым окончанием. Реально наблюдаемое ударение таких словоформ может либо соответствовать этому представлению (например: *карт*, ср. *кárтам*, *кárтами*, *кárтах*...), либо не соответствовать (например: *черт*, ср. *чертáм*, *чертáми*, *чертáх*...). В последнем случае возникает представление о „вынужденном сдвиге“ ударения; акцентуационные различия в парах типа *черт* — *чертáм*, *зеркáл* — *зеркáлам*, *мест* — *местáм*, *голóв* — *голóвам* воспринимаются как зависимые. Аналогичная ситуация наблюдается в И. ед.: у всякого существительного, имеющего в И. ед. слоговое окончание, действительное ударение в этой словоформе такое же, как в Р. ед., Д. ед., Т. ед. и П. ед.; ср.: *мéсто*, *мéста*, *мéсту*, *мéстом*, *мéсте*; *стрелá*, *стрелá*, *стрелá*, *стрелá* и т. д. Отсюда вытекают аналогичные следствия: действительное ударение в словоформах типа *завбд* (ср. *завбда* и т. д.), *тетрáд* (ср. *тетрáди* и т. д.) воспринимается как „нормальное“, а в словоформах

типа *топор* (ср. *топора́* и т. д.), *звездь* (ср. *звездя́* и т. д.) — как „вынужденно сдвинутое“ (Зализняк, 1967, стр. 179). После «интуитивной части» аргументы А. А. Зализняка носят тот же характер, что и в его уже упомянутой статье. Как один из приемов доказательства формального преимущества подачи схем ударения при помощи «условного ударения» А. А. Зализняк разделяет словоформы парадигм на три «зоны»: 1) все падежи ед. числа, 2) им. падеж мн. числа, 3) род., дат., твор. и предл. падежи мн. числа. Таким образом, словоформе с нулевым окончанием следует приписать ударение других словоформ той же зоны (Зализняк, 1964, стр. 25, 27; Зализняк, 1967, стр. 188). В конце А. А. Зализняк, уже не как доказательство, а как любознательное и, по его словам, не случайное совпадение, приводит исторические факты, поддерживающие полученную систему схем ударения (Зализняк, 1964, стр. 28; Зализняк, 1967, стр. 191).

К р и т и к а «у с л о в н о г о у д а р е н и я» А. А. З а л и з н я к а и «н о в о е у с л о в н о е у д а р е н и е». Начнем с конца. Исторические факты, как бы интересны они ни были с точки зрения современного этапа развития языка, не могут быть использованы в синхронном плане как доказательство достоинства того или иного описания языка, да этого А. А. Зализняк и не требует. Перейдем к рассмотрению «зон» парадигмы. На наш взгляд, они действительно удобны в теоретическом плане, однако не соответствуют языковой действительности. Неоправданно соединение всех падежей ед. числа, если им. падеж мн. числа получает «личную» зону. (Об особом положении им. падежа ед. числа см. подробнее ниже). Остается два аргумента: минимальное количество нужных схем ударения и интуиция. Согласно общим правилам науки, краткое изложение всегда превосходит более длинное, но... — это «но» подчеркивается нами — с тем условием, что оба адекватно описывают рассматриваемый объект. Следовательно, чтобы считать самое краткое описание лучшим, мы должны сначала убедиться в том, соответствует ли оно реальной сущности изучаемого объекта. И последнее — интуиция. Надо сразу констатировать, что это всегда довольно шаткая основа для научной дискуссии, но, как делает и А. А. Зализняк, мы постараемся найти в поддержку своих взглядов лингвистические обоснования⁶.

Наша трактовка исходит из того, что в сферу «условного ударения» следует включать только случаи род. падежа мн. числа, а в им. падеже ед. числа надо учитывать действительное ударение. Такое изменение в принципе допустимо, «поскольку возможно много разных правил приписывания условного ударения» (Зализняк, 1967, стр. 176). Следовательно, мы не отказываемся от самой идеи «условного ударения», а хотим перестроить правило, по которому определяются случаи несовпадения действительного и условного ударений. Сравнения рассматриваемых словоформ с другими словоформами, проведенные А. А. Зализняком, вполне уместны относительно род. падежа мн. числа. Но как обстоит дело с им. падежом ед. числа? Первое сравнение — с другими словоформами той же парадигмы (*стол: столá, столу́*...). В принципе можно, конечно, приписывать им. падежу действительное ударение других падежей, но кажется некорректным, рассматривая или реконструируя⁷ исходную форму слова, прибегать к формам косвенных падежей. Второе сравнение —

⁶ Ссылаясь на интуитивное представление о соотношении разных словоформ, А. А. Зализняк употребляет выражение «содержательные лингвистические соображения» (Зализняк, 1967, стр. 190).

⁷ Являясь совокупностью форм слова, парадигма одновременно раскрывает и их соотношения, т. е. различия и сходства. Интуитивно парадигма принимается как система порождения словоформ. Исходным пунктом служит тогда, естественно, именительный падеж единственного числа.

с соответствующими словоформами других парадигм. Сравним сначала слова *стол* (*стола́, столу́...*) и *стул* (*стула́, стулу́...*); результат — явно разные случаи, следовательно, разные парадигмы ударения. Далее: *стол* (*стола́, столу́...*), *очко́* (*очка́, очку́...*), *статья́* (*статый́, статье́...*). Слова *очко́* и *статья́* явно принадлежат к одному и тому же типу парадигмы, но такое сравнение не позволяет делать вывода о необходимости отказа от действительного ударения в им. падеже слова *стол*, наоборот, более естественным кажется решение составить для слов типа *стол* свою парадигму. Еще заметнее это будет, если сравнить «слова» (значит, исходные формы слов) *стол*, *очко́* и *статья́*: никакая гипотеза не говорит в пользу включения слова *стол* в один и тот же тип ударения со словами *очко́* и *статья́*⁸. Здесь следует еще заметить, что речь идет о словах не одного и того же рода, факт, который делает введение нового типа ударения вполне возможным.

Таким образом, наши выводы о том, что род. падежу мн. числа можно, а им. падежу ед. числа нельзя приписывать «условное ударение», опираются на особую роль им. падежа ед. числа, являющегося основной формой слова по многим причинам⁹: 1) Им. падеж ед. числа — исходная форма, даваемая в словарях. Конкретно это значит, что он служит репрезентантом референта и смысла слова, с одной стороны, и всех форм слова, с другой. 2) Им. падеж ед. числа является единственной формой слова, которая существует вне речи самостоятельно; другие словоформы существуют только как части оппозиции падежей или чисел. Это объясняется тем, что эта форма — единственный полностью немаркированный член парадигмы. Косвенные падежи являются маркированными в отношении к прямому, а множественное число в отношении к единственному числу. 3) В парадигме форма им. падежа ед. числа «воспринимается как нечто данное изначально» (ср. примеч. 8 настоящей статьи). Парадигма отвечает на вопрос, «как она склоняется»; форма эта существует уже «до» парадигмы. 4) Слова сохраняются в памяти обычно в этой форме¹⁰. Следовательно, нет лингвистических оснований приписывать им. падежу ед. числа в случаях типа *стол* вместо действительного ударения «условное ударение». Однако, поскольку «условное ударение» вполне оправдано, если речь идет о род. падеже мн. числа, мы не полностью отступаемся от употребления этого термина, а даем ему новое содержание. Назовем наше понятие «новым условным ударением». Оно определяется по следующему правилу:

⁸ Весьма любопытно заметить, что А. А. Зализняк сам несколько сомневается в уместности данных критериев относительно именительного падежа единственного числа. Он пишет: «В словоформах И. ед. типа *топóр* „сдвиг ударения“ ощущается несколько менее явно, чем в словоформах Р. мн. типа *зерка́л*. Причина здесь, по-видимому, в том, что словоформа И. ед., служащая обозначением самого слова, естественно воспринимается как нечто данное изначально, первичное по отношению к остальным словоформам» (Зализняк, 1967, стр. 179, примеч.).

⁹ Здесь упоминаются только критерии качественного, принципиального характера. И по количественным данным им. падеж ед. числа имеет более важное значение среди словоформ, чем род. падеж мн. числа. Например, по подсчетам Г. Г. Йосельсона, доля им. падежа ед. числа равна 28,7%, а доля род. падежа мн. числа 4,4% всех случаев (Г. Г. Йосельсон, Подсчет слов и частотный анализ грамматических категорий русского литературного языка, в кн.: «Автоматический анализ в лингвистике», М.—Л., 1966, стр. 121). Значит, удельный вес им. падежа ед. числа весьма значителен: он составляет более четверти всех случаев употребления падежей.

¹⁰ Особенно ясно это чувствуется в обучении иностранцев русскому языку. Для студентов, знающих или помнящих только форму им. падежа ед. числа, ошибки типа **мя́ча*, **клуби́и* и т. д. наиболее типичны. Можно даже утверждать, что больше половины ошибок в ударении существительных входит именно в эту категорию (по крайней мере у финнов). Таким образом получается весьма парадоксальная картина: большинство ошибок в ударении наблюдается в случаях, где, если использовать «условное ударение» А. А. Зализняка, налицо *неподвижное* ударение.

в форме род. падежа мн. числа условное ударение совпадает с действительным ударением твор. падежа мн. числа, в других словоформах условное ударение сходно с соответствующим действительным ударением¹¹.

«Новое условное ударение» в системе типов ударения. Как изменяется система типов ударения с применением «нового условного ударения»? Учитывая случаи, которые составляют общую систему типов ударения существительных¹², число типов увеличивается с восьми до одиннадцати. (Здесь стоит обратить внимание на тот факт, что полный отказ от условного ударения, т. е. учет действительного ударения и в род. падеже мн. числа, намного увеличил бы число нужных типов ударения.) Однако, если рассматривать только полупарадигмы¹³, то мы не отметим появления нового, поскольку во мн. числе тоже есть случаи с ударением в им. падеже на основе и в других падежах на окончании (например, *части, частей, частям...*; *кони, коней, коням...*). Новые схемы не будут одиночными и в том смысле, что к ним относятся слова только одного рода, так как слова жен. рода с переходом ударения на основу в вин. падеже ед. числа тоже составляют отдельные типы. Если же рассматривать число слов с подвижным и неподвижным ударением, то их соотношение меняется существенно. Прежнее число слов с подвижным ударением (800)¹⁴ увеличивается на 2 тыс. слов. Таким образом, новому типу *стол (столá, столá)* принадлежит в два с половиной раза больше слов, чем другим типам с подвижным ударением вместе взятым.

В заключение остановимся на графическом изображении типов ударения¹⁵. Полная парадигма ударения существительных состоит у нас из двенадцати клеток¹⁶. Признак «новое условное ударение» имеет два значения: «новое условное ударение на основе» (символ +) и «новое условное ударение на окончании» (символ —). В вин. падеже мы пользуемся также специальным символом =, если действительны одновременно два следующих условия: 1) форма вин. падежа совпадает с формой им. или род. падежа того же числа, 2) «новое условное ударение» не совпадает в им. и род.

¹¹ В правиле используется форма твор. (а не дат.) падежа мн. числа, чтобы оно могло относиться и к словам *дети* и *люди*.

¹² В стороне остаются те типы ударения, которые явно отличаются от общих принципов парадигм ударения русских существительных, а именно: 1) случаи перехода ударения на основу в твор. падеже ед. числа (таких слов всего шесть, из которых у двух данная парадигма дается как второй вариант), 2) суффиксные парадигмы слов *ребенок* и *человек*, у которых ударение переходит на основу в дат. и предл. падежах мн. числа, 3) особая парадигма ударения слова *след* (см.: Н. А. Матвеева, *Ударение имен существительных и категория рода в современном русском языке*, «Русский язык за рубежом», 1967, 4).

¹³ Ср.: Федянина, 1976, стр. 26.

¹⁴ Наши цифровые данные основываются на кн. А. А. Зализняка «Грамматический словарь русского языка. Словоизменение» (М., 1977). Если учесть и так называемые потенциальные формы мн. числа, данная цифра будет приблизительно на восемьдесят больше.

¹⁵ А. А. Зализняк и Н. А. Федянина употребляют термин «схема ударения», В. А. Редькин и Гр. 70 термин «акцентная кривая». Мы предпочитаем термин «тип ударения».

¹⁶ А. А. Зализняк и Н. А. Федянина пользуются одиннадцатиместной парадигмой, поскольку форма вин. падежа мн. числа всегда совпадает или с формой им. или род. падежа и является таким образом «вторичной» (Зализняк, 1967, стр. 133). Как известно, в ед. числе тоже есть подобные случаи, но вследствие того, что именно в вин. падеже ед. числа появляются сдвиги ударения у слов жен. рода, «забыть» об этой форме нельзя. Однако в одиннадцатиместной парадигме наблюдается следующая непоследовательность: в ед. числе словоформы вин. падежа, совпадающие с формами им. или род. падежа, имеют свою «клетку», а во множественном — нет. Из-за этого мы прибегли к двенадцатиместной парадигме. В вопросе о формах второго предложного падежа и о так называемых счетных формах мы согласны с Зализняком и считаем, что их место не в обычной («суженной») парадигме.

Таблица 1

Форма		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Ед. ч.	И.	+	-	+	-	+	-	+	+	+	-	-
	Р.	+	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-
	Д.	+	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-
	В.	+	-	+	-	+	-	=	=	=	+	+
	Т. П.	+	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-
Мн. ч.	И.	+	-	-	+	+	+	+	-	+	+	+
	Р.	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-
	Д.	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-
	В.	+	-	-	+	=	=	+	-	=	+	=
	Т. П.	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-

падежах данного числа. В табл. 1 приведены парадигмы ударения существительных в русском языке.

Парадигмы ударения существительных содержат две главные оппозиции: во-первых, встречается противопоставление полупарадигмы ед. и мн. числа; во-вторых, в обоих числах есть случаи с оппозицией им. падежа косвенным падежам. (Следует отметить, что все девять возможных комбинаций этих двух оппозиций наличествуют в русском языке. Этот факт говорит в пользу главного значения данных оппозиций.) Полупарадигмы ед. и мн. числа не совпадают у 2918 существительных¹⁷ (в 7,1%). «Новое условное ударение» находится в им. падеже на основе, а в других падежах на окончании у 2058 слов (4,9%) в ед. числе и у 222 слов (0,5%)¹⁸ во мн. числе. Этими двумя оппозициями характеризуются 99,9% всех парадигм ударения русских существительных.

Отметив как главную оппозицию в парадигме ударения существительных оппозицию чисел, Н. А. Федянина пользуется для обозначения схем ударения символами из двух букв. Одна из них характеризует ударение в ед. числе, другая — во мн. числе. Значение букв таково: А — неподвижное ударение на основе, В — неподвижное ударение на окончании, С — подвижное ударение (Федянина, 1976, стр. 22). Идея Н. А. Федяниной употреблять двухчастные символы для обозначения типов ударения в принципе удачна: уменьшается число нужных символов и, кроме того, такая подача наглядно показывает оппозицию форм ед. и мн. числа. Однако использование букв у Федяниной имеет и недостаток: две полупарадигмы обозначаются одним кодом. Дело в том, что буква С характеризует в ед. числе случаи с переходом ударения в вин. падеже на основу (например, *водá, водý, водé, вóду, водóй, водé*), а во мн. числе случаи с ударением в им. падеже на основе и в других падежах на окончании (например, *ча́сти, ча-стéй, частя́м...*). Мы также решили пользоваться для обозначения типов ударения двухчастными кодами, но обозначаем символом подвижного уда-

¹⁷ Надо учесть, что единицей подсчета является не существительное-лексема, а вариант парадигмы (ср.: З а л и з н я к, 1967, стр. 109—111, 132). Из вариантов учтены только те, которые не снабжены стилистической пометой (устар., проф. и т. д.). В подсчет не входят: 1) слова с неслоговой основой (*тьма, день — дня*), 2) слова с побочным ударением, если существует отдельно вторая часть данного сложного слова, 3) несклоняемые существительные, 4) *pluralia tantum*. Так называемые потенциальные формы мн. числа учтены по «Грамматическому словарю...».

¹⁸ В случае, когда рассматривается полупарадигма мн. числа, учтены и *pluralia tantum*.

рения X всегда только один тип полупарадигмы, а именно, оппозицию именительного падежа другим падежам¹⁹; для случаев перехода ударения на основу в вин. падеже у нас символ X_a . Сохраняя значение букв А и В, мы получим наши символы типов ударения (I), которые сопоставлены

Таблица 2

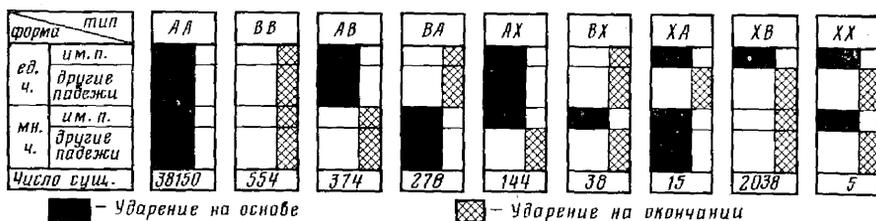
I	II	III	IV
AA	AA	a	A
BB, XB	BB	b	B
AB	AB	c	C
BA, XA	BA	d	D
AX	AC	e	C ₁
VX, XX	BC	f	B ₁
X_aA	CA	d'	D ₁
X_aX	CC	f'	B ₂

в табл. 2 с символами А. А. Зализняка (III), В. А. Редькина (IV) и Н. А. Федяниной (II).

В теории, а также на практике важно разделять главные и второстепенные типы ударения. У В. А. Редькина наши четыре первые парадигмы в табл. 1 составляют ядро акцентных кривых; различительным признаком служит тогда место ударения в дат. падеже ед. и мн. числа (Гр 70, стр. 432; Редькин, 1971, стр. 13). У А. А. Зализняка к главным схемам ударения относятся шесть первых в табл. 1 (Зализняк, 1967, стр. 153).

Мы считаем главными типами все те, которые основываются на двух названных оппозициях, на противопоставлениях мн. числа ед. числу и косвенных падежей им. падежу. Таким образом, типы, обозначаемые символами А, В и X, являются главными. [Второстепенными являются типы

Таблица 3



ударения X_aA (15 слов) и X_aX (16 слов). Они могут быть рассмотрены как варианты типов BA и VX.] При поисках удобных схематических способов изображения типов ударения, на наш взгляд, достаточно, что в нем получают отражение главные типы. Соблюдая такой принцип, мы одновременно подчеркиваем первостепенность данных типов и тем самым стараемся передать читателю правильное представление об их значении. В табл. 3 изображен один из возможных способов подачи главных типов ударения существительных; приводится также число слов, принадлежащих к данным типам.

¹⁹ Мы не хотели пользоваться как символом для полупарадигм с подвижным ударением буквой С, как у Федяниной, так как в этом случае у нее и у нас был бы символ СА, но с разными значениями. (То, что наш символ В не соответствует ее символам в ед. числе, вызвано не разными употреблениями символов, а различием определения понятия «условное ударение».) Здесь можно также видеть аналогию с математическими символами. Там буквами a, b, c, \dots обозначаются обычно постоянные величины, а буквой x — непостоянные.

ПАРТЕНАДЗЕ М. Х.

ОБ ОСНОВАНИЯХ ОТБОРА ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ ДЛЯ СЛОВАРЕЙ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Как известно, существует несколько типов лингвистических словарей, среди которых ярко выделяются толковые словари литературных языков и словари диалектные, региональные. Объектом толкования первых являются слова литературного языка — языка нормированного, обработанного и отшлифованного мастерами слова, вторые же толкуют слова областные, обладающие своими особыми нормами, но, в отличие от первых, не обработанные и не отшлифованные мастерами слова. Практика лексикографических работ со всей очевидностью свидетельствует о том, что вопросы соотношения материала обоих типов словарей составляют актуальную проблему современной теории лексикографии.

Постоянное взаимодействие между обоими соответствующими ответвлениями общенационального языка ведет к тому, что слова литературные могут утратить общезыковое значение и сохраниться в одном или нескольких диалектах, что вызывает переход таких слов из словаря литературного языка в словарь диалектный, региональный, и, наоборот, неугасаемый процесс сближения диалектов с литературным языком влечет за собой перемещение слов из ряда областных в литературные, что соответственно отражается и на лексикографической практике.

Такой постоянный процесс обмена между литературной формой общенародного языка и его местными разновидностями характерен, по-видимому, для всех имеющих литературные нормы языков, что отражается в соответствующих словарях, и словари русского и грузинского литературных языков не могут составлять исключения.

В предисловиях и вводных статьях почти всех словарей литературных языков, с которыми нам приходилось знакомиться, предупреждают, что областные слова, как правило, в словарь не включаются. Однако, насколько нам известно, ни один такой словарь литературного языка пока еще не обходился без них, да это и невозможно сделать, поскольку одним из важнейших источников обогащения лексики живого литературного языка являются диалекты. Эти последние непрерывно поставляют свой материал на службу литературному языку, у которого, разумеется, есть свои «капризы»: в одних случаях, в одни исторические эпохи жизни народа — хозяина языка он (литературный язык) nastежь открывает свои «ворота» словам, идущим из диалектов, а в других условиях, в другие исторические эпохи — только «двери», причем с хорошо приспособленными фильтрами для отбора наиболее нужного и необходимого для литературного языка на данном этапе его развития словарного материала. Соотношение литературного, письменного языка и языка народного, естественного, процесс образования первого в недрах второго образно охарактеризованы Ж. Вандриесом: «Этот процесс образования письменных языков можно сравнить с образованием слоя льда на поверхности реки. Лед образуется из воды реки; вернее, он не что иное, как вода реки, но в то же самое время он и не река. Ребенок, увидев лед, наивно думает, что реки больше нет, что

ее течение остановилось. Иллюзия! Под слоем льда вода продолжает течь, следуя своему руслу. Если бы случайно лед треснул, вода бы сразу брызнула вверх. Так и с языком. Письменный язык — ледяная корка на реке. Текущая подо льдом река — народный естественный язык. Холод, производящий лед и стремящийся задержать течение реки, — это усилия грамматиков и учителей, а луч солнца, освобождающий язык из плена, это непобедимая сила жизни, побеждающая правила, ломающая узы традиции»¹. Такова взаимная связь между литературным языком и теми живыми говорами, без которых само понятие литературного языка потеряло бы смысл.

Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу позиций словарей русского и грузинского литературных языков по отношению к диалектным словам, подлежащим включению в словари литературных языков².

В. В. Виноградов, характеризуя ССРЛЯ «как самый значительный словарь современного русского языка»³, заключает: «Словом, он (словарь. — П. М.) дает богатую пищу для размышлений, исследований и исканий всем филологам, особенно русистам, и тем самым доставляет много наслаждений всем любителям русского языка, русского слова»⁴. Богатый материал ССРЛЯ дает и тем, кто интересуется природой представленных в нем диалектизмов.

В статье «От Редакции», открывающей первый том словаря, говорится: «В отличие от предшествующего академического Словаря русского языка, в настоящий словарь не включаются: диалектная лексика, явно устаревшие слова, узкоспециальная научная и техническая терминология и т. п.»⁵. Во «Введении» к этому же тому читаем: «Границы между книжной разновидностью литературного языка и стилями живой разговорной речи не всегда могут быть точно установлены, и литературный язык не может быть оторван от живого просторечия; поэтому широко употребляемая просторечная лексика включается в Словарь с соответствующими пометами... По этим же основаниям в Словаре находят место те о б л а с т н ы е, п р о в и н ц и а л ь н ы е с л о в а (разрядка наша. — П. М.), которые являются материалом общенационального языка, а не достоянием только местных говоров. Сюда прежде всего относятся слова, широко распространенные в разных говорах или в фольклоре, а оттуда проникающие и в художественную литературу, как например: *посконная рубаха, баять, оброть, коваль, мизгирь, булатный нож, косячатое окошко, поленица* и др.; сюда же относятся слова, отражающие бытовую, хозяйственную и культурную стороны жизни крестьян и выходящие за пределы узкоспециального и местного значения: *матица, закута, лядина, выть, огрех, обжа, огретки*. Областные слова ограниченного местного употребления, а также слова, отражающие мелочи домашнего крестьянского быта, не включаются в Словарь, если даже они попадают в отдельных литературных произведениях (обычно с пояснением значения или с выделением курсивом, кавычками)»⁶.

¹ Ж. Вандриес, Язык. Лингвистическое введение в историю, М., 1937, стр. 253.

² Ограничиваемся «Словарем современного русского литературного языка», I—XVII, М.—Л., 1950—1965 (далее — ССРЛЯ) и «Толковым словарем грузинского языка», I—VIII, Тбилиси, 1950—1964 (далее — ТСГЯ).

³ В. В. Виноградов, Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языковедения, ВЯ, 1966, 6, стр. 3.

⁴ Там же, стр. 25.

⁵ ССРЛЯ, I, стр. III.

⁶ Там же, стр. V—VI.

Таким образом, из приведенной выдержки видно, что один пласт областных слов, подлежащих включению в словарь, имеет широкое распространение в разных говорах, отражен в фольклорном материале и закреплен в художественных произведениях, второй же, хотя литературного закрепления не имеет, но относится к различным сторонам жизни крестьян и выходит за границы узкоспециального и локального значения. Если пристально присмотреться к этим квалификациям территориально ограниченных слов, то нетрудно будет заметить, что только второй пласт можно квалифицировать как областные слова, имеющие в пределах данного языка изоглоссу, а не общенародное распространение. Именно этим объясняется тот факт, что многие из приведенных выше слов (например, *посконная рубаха, булатный нож, косячатое окошко, матица, закута, огрех, обжа*) в соответствующих им в словаре местах уже не имеют пометы «обл.», что лишний раз свидетельствует о том, что вопрос о введении в словарь литературного языка территориально ограниченных слов постоянно находился в центре внимания редакционной коллегии, следовательно, уточнялись и критерии обособления таких словарных единиц от слов нейтральной лексики.

Составители словаря, придерживаясь приведенных выше установок, определенную часть слов снабдили пометой «обл.». Так, например, из 22 181 лексем, толкуемых в первых трех томах, 356 единиц имеют помету «обл.», что составляет 1,6% всего лексического фонда начальных трех томов.

Как известно, начиная с четвертого тома, анализируемый словарь меняет свое лицо, изменилось и отношение к диалектным словам.

В «Предисловии» к четвертому тому относительно слов этой категории отмечается: «Помета обл. (областное слово) показывает принадлежность слова не литературному языку, а местным говорам, но широкое его употребление не только в речи персонажей художественных произведений, но и в речи авторской заставляет признать такое слово подлежащим включению в словарь литературного языка обычно со справочной целью»⁷.

Сравним взгляды на природу слов с пометой «обл.», высказанные в первом и четвертом томах ССРЛЯ.

Во «Введении» к первому тому акцентируется общенародный характер слов интересующей нас категории, независимо от того, закреплены они в литературных произведениях или нет, в «Предисловии» же к четвертому тому подчеркивается их широкое употребление в художественных произведениях, причем не только в речи персонажей, но и в речи авторской; здесь же обращается внимание на то, что их включение в словарь литературного языка имеет чисто справочный характер. Если в первом случае слова с пометой «обл.», представляют материал общенационального языка, то во втором представление таких слов в словаре носит чисто прагматический характер, т. е. в этом случае словарь должен помочь читателям художественных произведений, содержащих подобные лексемы, адекватно понять их смысл. С течением времени число областных слов, представляющих материал общенационального языка, в принципе должно увеличиваться, число же слов, которые вносятся в словарь со справочной целью, напротив, должно сокращаться, потому что с дальнейшим повышением уровня грамотности населения диалектные элементы в речи персонажей сократятся до минимума. Казалось бы, число лексем с пометой «обл.», начиная с четвертого тома, должно было сократиться, фактически же положение вещей говорит об обратном. Так, например, из 9473 толкуе-

⁷ ССРЛЯ, IV, стр. IV.

мых в седьмом томе ССРЛЯ лексем 144 являются диалектно окрашенными, что по отношению ко всему фонду тома составляет 1,69%. Еще больше слов-диалектизмов в пятнадцатом томе, из 4005 единиц их здесь 95, т. е. 2,36%. Наше заключение относительно увеличения диалектизмов, начиная с четвертого тома, несмотря на более строгие требования к их отбору, подтверждается данными и других томов. Например, из 98 298 словарных единиц, представленных в анализируемом словаре, кроме первых трех томов, 2080 (т. е. 2,1%) снабжены пометой «обл.».

Общая картина соотношения лексического состава, отраженного в ССРЛЯ, и диалектно окрашенных слов в нем такова: из 120 480 лексем словаря 2436 являются диалектно окрашенными, т. е. 2,0% всех толкуемых в нем словарных единиц; из этих последних полными диалектизмами являются 1453 единицы, а частичными (неполными) — 983. Соответственно первая группа лексем составляет 1,2% всего словарного фонда вокабуляра, а вторая 0,8%. Среди последних мы различаем частичные диалектизмы первой группы и частичные диалектизмы второй группы: первых 571 единица, а вторых 472, соответственно первые занимают в словаре 0,42%, а вторые 0,38%⁸.

«Словарь современного русского литературного языка» в семнадцати томах является одним из богатейших словарей языков мира с точки зрения представленного в нем иллюстративного материала; каждая словарная единица подкрепляется в нем несколькими цитатами из разных источников, преимущественно из художественной литературы, причем произведения и писатели в одной словарной статье, как правило, не повторяются, недаром он считается по-настоящему документированным словарем. Все это, разумеется, относится и к словам с пометой «обл.». Так, например, в пятнадцатом томе словаря зафиксировано 129 существительных-диалектизмов, все они имеют иллюстрации из письменных памятников. То же самое можно сказать относительно VII, XI, XII и XVI томов. В целом в ССРЛЯ представлено 960 полных диалектизмов-существительных, из них 904 снабжены иллюстрациями в основном из художественной литературы, а 56 существительных с пометой «обл.» не имеют при себе иллюстраций. Таким образом, 94% из зафиксированных в ССРЛЯ существительных-диалектизмов имеют документацию, а из остальных 6% многие снабжены отсылкой к другим словарным единицам, имеющим при себе и толкование значения, и цитатный материал. Все это дало основание рецензентам словаря считать его по-настоящему документированным и богато иллюстрированным словарем⁹.

Теперь перейдем к рассмотрению позиций другого объекта наших наблюдений — восьмитомного Толкового словаря грузинского языка, в котором получили свое лексико-семантическое освещение около 113 000 словарных единиц и который справедливо считается выдающим-

⁸ Под полными диалектизмами нами условно понимаются словарные единицы, имеющие при себе только одну ограниченную помету «обл.», а под частичными (неполными) — слова двух разных категорий, с одной стороны, вокабулы, снабженные, кроме пометы «обл.», еще какой-либо иной пометой, и, с другой, литературные слова, в своих отдельных значениях выступающие как диалектные. Соответственно первые называются частичными диалектизмами первой группы, а вторые — частичными диалектизмами второй группы.

⁹ См. рецензии на ССРЛЯ: А. П. Евгеньева, О некоторых лексикографических вопросах, связанных с изданием большого Словаря современного русского литературного языка АН СССР, «Лексикографический сборник», II, М., 1957; Е. А. Земская, И. И. Ковтунова, Словарь современного русского литературного языка, V, VI, VII, ВЯ, 1958, 2; В. В. Виноградов, Семнадцатитомный академический словарь русского литературного языка..., ВЯ, 1966, 6.

ся явлением в истории грузинской науки и культуры ¹⁰, если, по нашему мнению, не принимать во внимание его позиций по отношению к областным словам и их месту в составе общелитературного языка.

«Толковый словарь грузинского языка является с л о в а р е м л и т е р а т у р н о г о я з ы к а. Этим определяется нормативный характер словаря: неправильное с точки зрения норм — орфографических, морфологических, синтаксических — или исключается или дается в исправленном виде» ¹¹, — гласит один из его принципов. На всем своем протяжении словарь остается верен этому принципу: фонетико-грамматические диалектизмы в словаре, как правило, отсутствуют. Совершенно иным образом обстоит дело с диалектизмами лексическими. По нашим подсчетам, их более семи процентов от всех словарных единиц, охваченных вокабуляром, тогда как соответствующая категория слов в ССРЛЯ занимает всего 2%.

Вопрос о месте областных слов в словаре литературного языка Комиссия Толкового словаря грузинского языка считала настолько важным и сложным, что включила его в число тех пяти основных вопросов, без предварительного решения которых нельзя было приступить к составлению словаря.

В «Предисловии» к первому тому интересующему нас вопросу посвящен специальный параграф «„Литературное“ и „диалектное“ в лексике». В нем указывается, что диалектизмы в склонении и спряжении, синтаксисе, орфографии (!) следует отвергнуть. „Диалектное“ и „литературное“ здесь резко размежевывается, в лексике же положение иное, литературный язык не исчерпывает всего лексического запаса языка, за его пределами остается много слов, которые еще не потребовались писателю и поэтому не попали в книжную речь, однако, в случае надобности он их использует, и тем самым эти последние станут фактом литературы, но при условии, если литературный язык не имеет другой лексемы для передачи данного конкретного содержания. В таких случаях пришедшее из диалекта новое слово занимает свободное место в составе литературного языка и тем самым обогащает его ¹².

В этой выписке из «Предисловия» к словарю обращают на себя внимание два обстоятельства: во-первых, то, что лексический состав литературного языка беднее, чем лексический состав языка в целом, и, во-вторых, то, что за пределами литературного языка находятся те слова, которые еще не понадобились писателю и по этой причине не попали в книжную речь; если же ему (писателю) они понадобятся, он их использует, и тем самым «вчерашние» областные слова «сегодня» уже станут фактом литературы, если, разумеется, для передачи соответствующего понятия литературный язык не имеет своего слова. Если первое из выдвинутых положений бесспорно верно, то второе едва ли можно разделять. По нему, писателю — действительному мастеру слова в деле формирования и шлифовки литературного языка — отводится второстепенная роль: ему дается в руки словарь литературного языка с определенным кругом областных слов и предлагается выбрать из него нужные ему для того или иного конкретного случая словарные единицы.

¹⁰ См. рецензии на ТСГЯ: R. L a f o n, Livres récentes pour l'étude de la langue georgienne, JA, 1962; Э. К р е м е р, М. К у м а х о в, Толковый словарь грузинского языка. I—VIII, ИАН СЛЯ, 1967, 2; Ю. Д. Д е ш е р и е в, Р. Г. Г а м б а ш и д з е, Толковый словарь грузинского языка и его научное и практическое значение, ВЯ, 1969, 2.

¹¹ А. С. Ч и к о б а в а, О принципах составления Толкового словаря грузинского языка, «Лексикографический сборник», I, М., 1957, стр. 67.

¹² См.: ТСГЯ, I, стр. 009.

Именно таким пониманием, как нам думается, роли писателя в деле формирования литературного языка объясняется то положение, что в анализируемом словаре из 1188 существительных-диалектизмов со ссылкой на имеретинский и гурийский диалекты только 333 (т. е. 28 %) снабжены цитатным материалом из литературных источников, материалом, так или иначе прошедшим писательскую обработку.

Такое понимание роли писателей в деле формирования литературного языка противоречит тому общепринятому в советском языкознании положению А. М. Горького, согласно которому «деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем так сказать „сырой“ язык и обработанный мастерами»¹³, под которыми он, безусловно, подразумевал именно писателей, играющих основополагающую роль в развитии литературного языка.

Неприемлемыми нам кажутся рассуждения относительно литературного характера диалектных слов. «Нельзя считать не литературным то или иное диалектное слово, — пишет А. С. Чикобава, — только лишь потому, что оно не фигурирует, не прослеживается в литературных произведениях (равным образом не все, попавшее в литературное произведение, тем самым становится литературным)»¹⁴.

Нельзя не согласиться с тем, что не всякое слово, засвидетельствованное в литературном произведении, является литературным. Если бы это было так, то не было бы разницы между языком литературным, с одной стороны, и языком художественной литературы, с другой. В настоящее время едва ли не общепринятым считается, что эти понятия не покрывают друг друга. «Художественная литература, — пишет С. Флорин, — не может уместиться в рамки так называемого „литературного“ языка, — для осуществления своих функций ей необходим словесный арсенал всех наук, искусств, диалектов, жаргонов как нашей эпохи, так и всей истории»¹⁵. К этим словам нельзя не присоединиться.

В подтверждение своего основного положения из приведенной выше выдержки А. С. Чикобава говорит: «Такие слова, как *kenkra* „ягода“, *čičra* „виноградное семя“, *načveral-i* „стерня, жнивье“, *nakurčal-i* „стержень початка кукурузы“ и многие другие стали достоянием сельскохозяйственной лексики, как только соответствующая специальность стала создаваться на грузинском языке»¹⁶.

Если следовать этому указанию, тогда трудно будет установить границу между словами литературными и словами диалектными, представляющими собой различные микросистемы в составе единой макросистемы — общенационального языка.

Свою позицию относительно характера диалектизмов, введенных в ТСГЯ, автор делает более ясной в другом месте словаря, где он говорит о той части слов с пометой «обл.», настоящее место которых, по его же мнению, только в областных словарях. Это не литературные областные слова типа *agi* вместо литературного *es* «этот (это, эта)», *babuda* вместо литературного *rapida* «сестра деда». Они введены в словарь для того, чтобы содержащие их тексты сделать понятными для широкого круга читателей, их нельзя относить к лексическому резерву

¹³ А. М. Горький, О том, как я учился писать, Собр. соч., XXIV, стр. 491.

¹⁴ А. С. Чикобава, указ. соч., стр. 67.

¹⁵ С. Флорин, Чем словари не удовлетворяют переводчика?, сб. «Мастерство перевода», М., 1975, стр. 399.

¹⁶ А. С. Чикобава, указ. соч., стр. 67.

литературного языка¹⁷. Положение о том, что один пласт включенных в словарь литературного языка диалектных слов, заполняя «пустые клетки» в литературной лексике, служит интересам обогащения этой последней, а второй вносится только в справочных целях, — является общепризнанным и ни у кого не может вызвать возражения, но закрепление за первым термина «литературные областные слова» и за вторым «нелитературные областные слова» едва ли может быть принято лингвистической теорией и практикой. Если следовать выдвинутому ученым положению, тогда должны признать, что наряду с диалектными, нелитературными словами, оказывается, могут быть литературные диалектные слова.

Представляется, что областное слово до тех пор останется областным, пока оно не получит закрепления в книжной речи (в отдельных случаях и этого недостаточно, потому что не все, попавшее в литературные произведения, тем самым становится литературным). То, что «вчерашние» областные слова «сегодня» стали достоянием грузинской сельскохозяйственной терминологии, потому что эта последняя уже разработана, — явление самое закономерное, указывающее на один из путей обогащения лексики литературного языка в связи с ее развитием, что, в свою очередь, отражает изменения в жизни общества.

Итак, пока в литературном языке не было необходимости использовать то или иное областное слово, оно держалось в своей диалектной системе, обслуживая узкий круг людей. Как только возникла необходимость в нем, заработала и рука писателя, и тем самым областное слово стало на путь олитературивания. Но только на путь! Литературных слов за пределами литературы, вопреки категорическому утверждению некоторых языковедов, шире филологов, не может быть. В этом плане наиболее убедительным нам кажется мнение Н. А. Мещерского, согласно которому «первым основным признаком литературного языка, бесспорно, следует считать его закрепленность на письме»¹⁸. По этому же поводу Ф. П. Филин совершенно справедливо пишет: «Литературный язык — категория историческая. Непременным условием его возникновения является письменность — одно из важнейших достижений цивилизации, продукт государственности»¹⁹.

В параграфе «О строении словарной статьи и пользования словарем» отмечается, что «в ТСГЯ входит основной запас слов современной грузинской литературной речи: все слова, закрепленные в художественной, научной и политической литературе, в прессе — одним словом, в книжной речи, а также такие областные слова, которые могут пригодиться литературному языку, представляя собой его лексический резерв»²⁰. Это положение делает более ясной позицию редакции по отношению к помещаемым в словарь областным словам. Оказывается, в словарь современного языка можно включить слова областные, которые могут пригодиться литературному языку в будущем.

Если следовать этому указанию, тогда, как нам кажется, сотрутся грани между языком современным и языком будущего: разница будет лишь в том, что слова с пометой «обл.», помещенные в словаре современного языка, в словаре будущего этой пометы не будут иметь. Спрашивается, какая была необходимость во включении таких единиц в словарь.

¹⁷ См.: ТСГЯ, I, стр. 010.

¹⁸ Н. А. Мещерский, К разграничению понятий «литературный язык» и «язык художественной литературы», «Уч. зап. [Карельского пед. ин-та]», XVII, 1967, стр. 3.

¹⁹ Ф. П. Филин, О свойствах и границах литературного языка, ВЯ, 1975, 6, стр. 12.

²⁰ ТСГЯ, I, стр. VI.

современного литературного языка, тем более, если около трех четвертей из них в языке художественных произведений не закреплено? В связи с этим вспоминаются слова И. В. Ягича, адресованные А. А. Шахматову: «Но ведь задача словаря (литературного языка. — П. М.) не загадывать, а обозревать прошедшее»²¹.

Во всех толковых словарях литературных языков, с которыми нам приходилось знакомиться, указываются классы слов, не включаемые в словарь, среди которых одно из первых мест занимает класс областных слов. Как же обстоит дело в этом отношении в ТСГЯ? Названный словарь и в этом плане занимает особое положение. Перечисляются пять классов лексем, не подлежащих включению в словарь, среди которых древнегрузинские слова, вышедшие из употребления в современном языке, имена исторических лиц, выдающихся деятелей, топонимы и этнонимы, термины, которые не встречаются за пределами узкой специальности и передаются не грузинскими словами, и, наконец, так называемые неприличные слова, употребление которых в литературном языке не принято²².

Как видим, диалектно окрашенные слова сюда не относятся. Здесь и кроется, как нам думается, причина столь обильного употребления диалектизмов в «Толковом словаре грузинского языка», названном словарем литературным, нормативным.

«При определении значения областных слов, — читаем в одном из примечаний к параграфу „О строении словарной статьи и пользовании словарем“, — оно, как правило, дается так, как это сделано в соответствующем диалектном словаре»²³. Оказывается, что областные слова, как правило, извлекаются из областных словарей со своими дефинициями. Рассмотрим в этом плане слова с пометой «обл.», представленные на букву *D* и имеющие ссылки на имеретинский диалект. Из 42 однозначных имен на данную букву 10 взято из словаря В. Беридзе, 5 из словаря И. Чкония, 5 из словаря Б. Церетели и 1 из словаря М. Алавидзе; кроме этого, одно снабжено ссылкой на «Материалы» И. А. Джавахишвили²⁴.

Таким образом, только половина диалектизмов — однозначных имен на букву *D* ведет свое начало из соответствующих областных словарей. 16 единиц из 42 толкуются составителями словаря без подкрепления своих дефиниций иллюстративным материалом, цитатами из художественных произведений снабжены только 5 словарных единиц. Аналогичную картину имеем и в отношении диалектизмов-глаголов и диалектизмов-причастий.

Теперь рассмотрим позицию словаря относительно иллюстрирования словарных единиц. Существенной стороной определения являются иллюстративные выражения. Они могут быть из обычного словоупотребления без ссылок на источник или взяты из художественной, научной и политической литературы²⁵. А. С. Чикобава справедливо пишет, что ценность

²¹ «А. А. Шахматов. Сборник статей и материалов», М.—Л., 1947, стр. 82.

²² См.: ТСГЯ, I, стр. VI.

²³ ТСГЯ, I, стр. 085.

²⁴ Имеются в виду: В. Беридзе, Словарь имеретинских и рачинских выражений, СПб., 1912; И. Чкония, Грузинский глоссарий, СПб., 1912; Б. Церетели, Словарь верхне-имерского наречия. Лексика картвельских языков, I, Тбилиси, 1938 (на груз. яз.); М. Алавидзе, Словарь лехумского наречия. Лексика картвельских языков, I, Тбилиси, 1938 (на груз. яз.); под «Материалами» И. А. Джавахишвили имеются в виду собранные по инициативе и под непосредственным руководством И. А. Джавахишвили лексические материалы, хранящиеся в Институте истории, археологии и этнографии АН ГрузССР. Подробнее об этом см.: К. В. Ломтатидзе, И. А. Джавахишвили и вопросы грузинского языкознания, ЕИГЯ, 1975, стр. 22—26 (на груз. яз., резюме на русск. и англ. яз.).

²⁵ См.: ТСГЯ, I, стр. 085.

документации в том, что она свидетельствует о реальном существовании слова в грузинской речи ²⁶. В другом месте по этому же поводу он говорит: «Там, где документация имеется, слово живое, его реальность осязательна и не подлежит сомнению, и наоборот, где иллюстративная фраза отсутствует, толкование сухо и безжизненно» ²⁷. В более категорической форме эта же мысль высказывается редактором второго тома ТСГЯ Г. В. Церетели: «В настоящий словарь, — пишет он, — внесены только такие слова, которые не вызывают никаких сомнений с точки зрения литературной речи, засвидетельствованы документацией и введены во всеобщее употребление. Отдельные разговорные или областные слова, которые встречаются у того или иного писателя, только в том случае вводятся в словарь, когда они нуждаются в специальном толковании, чтобы соответствующий текст стал понятен читателю» ²⁸. Если исходить из этих позиций, словарные единицы без документации должны встречаться в исключительно редких случаях. Факты говорят об обратном. Ограничимся одним примером. Гурийских диалектизм-существительных в ТСГЯ представлено 446 единиц, из которых только 98, т. е. 22 %, имеют иллюстрации.

Если бы не иллюстративный материал, тогда субъективизму в отношении толкования слов не было бы конца. Читатель словаря должен иметь возможность вдумываться в значение словарной единицы, содержащейся в цитате, сравнить свое осмысление слова с предложенным лексикографом толкованием и, в случае необходимости, поспорить с ним. Если же читатель словаря будет лишен иллюстративного материала, тогда ему остается слепо верить словарнику. Не секрет, что порой документация ценнее, важнее, чем предложенное лексикографом толкование, не подкрепленное цитатой.

Представляется, что иллюстрации более всего нужны при определении значений областных слов, внесенных в словарь литературного языка, потому что их значения не всегда адекватно понимаются. В связи с этим нельзя не вспомнить слова В. И. Чернышева, сказанные им в адрес Словаря русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова: «Если данные и подобные им слова (имеются в виду просторечные и областные, а также вульгарные слова. — П. М.) бытуют только в живом, вульгарном обороте, в невзыскательном просторечии, то какие основания были вводить их в Толковый словарь? Если же они засвидетельствованы в текстах литературного языка, т. е. в речи авторов, то это следовало показать цитатами. Без последнего условия помещение их в словаре ничем не оправдано» ²⁹. Думается, это положение крупнейшего лексикографа имеет теоретическую значимость, и, следовательно, его можно отнести к словарю любого национального языка. Толковый словарь грузинского языка на самом деле изобилует диалектизмами, как говорилось выше, их более семи процентов, причем значительная часть не имеет цитат.

Возникает вопрос, имелась ли необходимость столь обильно перегружать словарь литературного языка областными словами? На этот вопрос, как нам представляется, трудно ответить положительно. Кажется поэтому не случайным, что в этом аспекте словарь обратил на себя внимание его рецензентов, отмечающих, что «...диалектизмы включены в Словарь в несколько большем количестве, чем это обычно принято: в него включены не только слова, зафиксированные в литературном языке (главным обра-

²⁶ Там же, стр. 085—086.

²⁷ Там же, стр. 010.

²⁸ См.: ТСГЯ, II, стр. 025.

²⁹ В. И. Чернышев, Толковый словарь русского языка (Критический отзыв), «Избр. труды в двух томах», I, М., 1970, стр. 357.

зом в речи персонажей), но и не засвидетельствованные в письменности, а бытующие в устной речи того или иного уголка Грузии... Нам кажется, что включение подобных слов в Толковый словарь литературного языка можно оправдать разве только отсутствием диалектного словаря грузинского языка. Место их именно в диалектном словаре, над созданием которого трудится сейчас коллектив сотрудников Института языкознания АН ГрузССР»³⁰.

Рецензенты, как видим, отмечая большое количество представленных в словаре диалектизмов, хотят и как будто готовы понять позицию словаря, но по существу не могут ее оправдать. В период составления ТСГЯ, правда, отсутствовал сводный диалектный словарь грузинского языка, но зато немало было региональных словарей, собственно и послуживших одним из основных источников диалектизмов, включенных в состав названного словаря.

Чтобы не быть голословными в своей оценке позиции рецензентов словаря, приведем некоторые цифровые данные. В анализируемом словаре представлено 760 лексем-имен с указанием на имеретинский диалект, из которых 185 имеют ссылки на региональные диалектные словари, в числе которых в первую очередь можно назвать «Словарь имеретинских и рачинских выражений» В. Беридзе. Гурийских диалектов зафиксировано 453 единицы, из них ссылками на региональные словари снабжено 155 слов. Если суммировать эти данные, получится, что из 1243 слов с пометой «обл.» 340, т. е. 28%, извлечены из региональных словарей.

Включение в словарь литературного языка определенной части областных слов на том или ином этапе его развития не только желательно, но и обязательно, потому что процесс сближения и слияния диалектов с литературным языком иначе и немислим, однако чувство меры здесь чрезвычайно важно. В противном случае, особенно если учесть нормативность словаря, он может дезориентировать читателя.

Толковый словарь грузинского языка, в отличие от многих других словарей литературных языков, в том числе и ССРЛЯ, так или иначе охватывающих определенную часть диалектных (областных) слов, дает паспортизацию слов с пометой «обл.». Из 112 949 словарных единиц, зарегистрированных в нем, 8027 являются диалектно окрашенными, что составляет 7,0% всего словарного фонда, толкуемого вокабуляром (сюда не входят диалектизмы, сохранившиеся лишь в устойчивых сочетаниях). Из них полными диалектизмами являются 6834 слова, а частичными 1193. Среди полных диалектизмов следует особо выделить такие, которые адресуются двум или более диалектам; их, по нашим подсчетам, 1520 единиц. Диалектизмов, имеющих ссылку только на один диалект (говор), — 5314. Эти последние распределены между 31 диалектом (или говором), среди которых наиболее часто фигурируют имеретинский (1278 слов), пшавский (827), гурийский (635), картлийский (515) и кизикский (512).

Снабжение «пропиской» представленных в словаре областных слов, указание на ареал их распространения — наиболее трудоемкий этап в процессе работы над словарем, однако отряд грузинских лексикографов с честью справился с ним, и тем самым читатели словаря получили возможность определить место и роль каждого диалекта в составе общенародного языка, а также в деле формирования лексики одного из его наиболее обработанных и отшлифованных ответвлений — литературного языка.

Подведем итоги всему сказанному относительно лексем с пометой «обл.» в словарях русского и грузинского литературных языков и выска-

³⁰ Э. Кремер, М. Кумахов, указ. соч., стр. 175.

жем некоторые соображения по отбору и включению в словари литературных языков так называемых диалектных слов.

1. В обоих словарях, наряду с нейтральной лексикой, толкуются и диалектно окрашенные слова, которые можно разбить на два класса — полные диалектизмы и диалектизмы частичные (неполные); к этим последним прежде всего отнесены литературные слова, в своих отдельных значениях выступающие как диалектизмы. Этот пласт частичных диалектизмов представлен в обоих словарях. В ССРЛЯ имеется еще один класс диалектизмов, снабженных двумя пометами, одной из которых является помета «обл.», а другой — преимущественно помета «устар.». В ТСГЯ последнего пласта диалектизмов, как правило, нет.

2. Диалектизмы в ССРЛЯ представлены без адреса, тогда как в ТСГЯ все они снабжены адресами, и тем самым акцентируется основной признак диалектизмов — локальность; одна часть грузинских диалектизмов имеет ссылку только на один диалект, другая на два и более, одни из них являются однозначными, другие многозначными, в одних случаях многозначность одинаково реализуется во всех диалектах, на которые даются указания, в других же значения перераспределены между диалектами.

3. В теоретической части обоих словарей подчеркивается, что слова с пометой «обл.», как правило, извлечены из художественной литературы и, следовательно, соответственно снабжаются литературными цитатами. Абсолютное большинство слов с пометой «обл.» из ССРЛЯ иллюстрируется цитатным материалом из художественной литературы (904 из 960 диалектизм-существительных), грузинские же диалектизмы, внесенные в ТСГЯ, в этом отношении выглядят иначе. Так, например, из 1188 имеретинских и гурийских диалектизм-существительных только 333 иллюстрируются примерами из художественных произведений, т. е. всего 28%. Из остальных 855 лексем с пометой «обл.» 329 единиц извлечены из региональных словарей со своими дефинициями, а 526 слов толкуются самими составителями словаря, разумеется, без подкрепления своих толкований литературным материалом. Приведенные цифровые данные, как нам кажется, дают основание сделать такое заключение: если слова с пометой «обл.» в словаре русского языка ведут свое начало от мастеров слова, от писателей, то та же категория слов в словаре грузинского языка преимущественно представляет собой как бы список словарных единиц, которыми могут воспользоваться писатели, создавая свои художественные полотна, если в них будет необходимость, разумеется.

4. В процентном отношении число диалектизмов, зарегистрированных в ТСГЯ, значительно превосходит число диалектизмов, отраженных в ССРЛЯ. Если в первом из них они занимают более семи процентов, то во втором их всего два процента. Такое радикальное расхождение между анализируемыми словарями по части охвата ими диалектных слов обусловлено, как нам представляется, не столько исходными позициями редакционных коллегий соответствующих словарей, сколько их реализацией на практике. В этом плане ССРЛЯ выглядит намного последовательнее, чем ТСГЯ.

5. На основе данных ССРЛЯ и ТСГЯ можно сделать заключение, что словарей литературных языков без диалектизмов нет и не может быть в принципе (разумеется, имеются в виду словари современных языков, а не языков будущего), но, вместе с тем, неоправданное расширение их круга может привести к нарушениям лексических норм высшей формы общенародного языка. Для того, чтобы избежать этих нарушений, требуется тщательный анализ диалектных слов, зафиксированных, как правило, в художественных произведениях ряда известных писателей, разных

по месту происхождения и жительства, или одного выдающегося писателя с точки зрения интересов общенационального, точнее общелитературного, языка, тем более, если они извлечены из речи персонажей. Что касается диалектных слов, почерпнутых из авторской речи, то они такого рода тщательного анализа и отбора не требуют. «Включение диалектизма в авторскую речь,— как верно пишет И. А. Оссовецкий,— знаменует собой определенную ступень приближения его к нормативной лексической границе литературного языка, а также служит известной, пусть даже минимальной, гарантией включения его в литературную речь. Употребляя диалектизм в авторской речи, писатель тем самым уравнивает его с литературной лексикой, вводит его в лексическую норму данного произведения наравне с лексикой литературного языка»³¹.

К сказанному следует добавить, что лексикографы как бы продолжают начатое писателями дело по сближению диалектной лексики с лексикой литературной, выделяя из состава первой два разных пласта слов, один из которых включают в словари литературных языков и тем самым превращают диалектные слова в диалектизмы³², другой же, в котором литературный язык вообще не нуждается или не нуждается на данном этапе своего развития, оставляют в арсенале писателей³³.

³¹ И. А. Оссовецкий, Диалектная лексика в произведениях советской художественной литературы 50—60-х годов, сб. «Вопросы языка современной русской литературы», М., 1971, стр. 363—364.

³² О разграничении терминов «областное слово», «диалектное слово» и «диалектизм» см. нашу статью «О природе слов с пометой „областное“», ВЯ, 1978, 4.

³³ Наши рассуждения касаются той части диалектизмов, которые вводятся в словари литературных языков в целях обогащения этих последних, а не той, введение которой мотивировано соображениями чисто справочного характера.

СТЕЦЕНКО А. Н., ХОЛОДОВ Н. Н.

ОБ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ И ПУТЯХ РАЗВИТИЯ
СИСТЕМЫ СОЧИНЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале сложносочиненных предложений)

Материалы памятников древнерусского и старорусского языков показывают, что в отношении большинства — и притом важнейших — явлений, относящихся к системе сочинения, русский язык соответствующих периодов обнаруживает чрезвычайно много общих черт с современным русским литературным языком. Сочинительная связь использовалась как в простом, так и в сложном предложении. В качестве показателей сочинения выступали в общем те же, что и теперь, основные сочинительные союзы, семантика которых соответствует современным соединительным, сопоставительным и другим союзам. Отдельные союзы, как и в современном русском языке, использовались для обозначения не только соединительных, но и противительных отношений. Семантическая структура сочинительной связи в сложном предложении аналогична структуре сочинения сложных предложений современного русского языка. Она представляла собою синтез трех основных составляющих: 1) значений (отношений), являющихся типизированными результатами взаимодействия бесконечно разнообразной вещественной семантики соединяемых частей; 2) модально-временных значений (отношений); 3) значений союзов.

Значения первого рода непосредственно связаны с отражением отношений между теми реалиями, о которых сообщается в сочиненных частях. Данное обстоятельство обуславливает их многообразие и сравнительно большую, чем другие значения, конкретность. Это собственно соединительные значения (... а изъ нихъ часто сияли синия молнии и гремели громы велиции — Задонщ.¹), собственно сопоставительные (И поиде Олегъ противу Мѣстиславу, а Ярослав поиде противу Вячеславу — Моск. лет. 18, собственно противительные (Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, но часто врани граяхуть, трупиа себе деляче — Сл. о п. Иг.), различного рода результативно-следственные (Древляне же ради бывше внидоша въ градъ и поведаша людем, и обрадовашася люде въ граде — Пов. вр. лет. 43) распространительно-присоединительные (И заповеда Олегъ дань паяти на 2000 корабль... а въ корабли по 40 мужь — Пов. вр. лет. 24; И тутъ есть Индейская страна, и люди ходятъ нагъ все — Хож. Аф. Ник.) и мн. др. Поскольку эти значения являются не чем иным,

¹ В статье приняты следующие сокращения: Задонщ. — «Задонщина», М., 1947; Моск. лет. — Московский летописный свод конца XV в., ПСРЛ, XXV, М. — Л., 1949; Новг. лет. — Новгородская первая летопись по Синодальному списку, в кн.: «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», М. — Л., 1950; Пов. вр. лет. — «Повесть временных лет», ч. 1, М. — Л., 1950; Сл. о п. Иг. — «Слово о полку Игореве», М. — Л., 1950; Хож. Аф. Ник. — «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, М. — Л. 1948; Хож. Ст. Новг. — Хождение Стефана Новгородца, в кн.: М. Н. Сперанский, Из старинной новгородской литературы XIV в., Л., 1934.

как информацией об отношениях между тем, о чем сообщается в сочиненных частях, назовем их коммуникативными. Модально-временные значения показывают отнесенность отражаемых коммуникативными значениями отношений действительности ко времени и реальности/ирреальности их проявления. Это необходимые формы существования коммуникативных значений².

Сочинительные союзы своими значениями оценивают содержание связываемых компонентов в плане акцентирования соответствия (совпадения) — несоответствия (несовпадения)³ различных элементов семантики этих компонентов, тем или иным образом способствуя выражению коммуникативных и модально-временных значений. Значения союзов статичны, коммуникативные и модально-временные отношения динамичны. Ср., например, в современном русском языке: *Набежали тучи, и пошел дождь*; *Набегают тучи, и идет дождь*; *Набегут тучи, и пойдет дождь*; *Тучи набежали бы — и пошел бы дождь* — одни и те же коммуникативные отношения (основания и следствия-результата) подаются в разных формах времени и реальной модальности или же в форме ирреальной модальности (последний пример). Союз *и* во всех случаях показывает соответствие следствия-результата своему основанию.

Однако сопоставление данных древнерусского и старорусского языков, с одной стороны, и современного русского языка — с другой, показывает, что система сочинения русского языка претерпела в процессе развития значительные изменения как количественного, так и качественного характера. Это хорошо заметно на том относительно большом отрезке времени, который выбран для наблюдений.

Развитие сочинения происходило во всех упомянутых выше аспектах, причем как в плане содержания, так и в плане выражения. Однако поскольку вопрос о движении сочинения во всех аспектах, в том числе и в аспекте движения системно-парадигматических и иерархических противопоставлений, как это понятно, является чрезвычайно объемным и не в меньшей степени сложным, то в предлагаемой статье делается попытка показать лишь отдельные, хотя и наиболее существенные фрагменты истории сочинительных союзов и коммуникативных отношений, как представляющиеся наиболее важными для осмысления проблемы в целом.

Главнейшей чертой, определявшей движение всей системы сочинения в русском языке исторической поры, является тенденция к свертыванию формально-статической системы соединения и к значительному расширению формально-статической системы сочинительных связей несоединительного типа. Все другие изменения более или менее масштабного характера могут быть осмыслены последовательно и определенно как следствие действия данной тенденции. Это относится к полному вытеснению отдельных союзов, к постепенному переосмыслению и передвижению других союзов из системы соединения в противопоставленную ей систему, к образованию новых союзов сочинения, к преимущественному развитию и дифференциации отношений несоединительного типа и выработке средств экспликации данных отношений, к развитию новых коммуникативных значений в предложениях со вновь образованными союзами и т. д.

Тенденция к сокращению системы соединения проявляется прежде всего в полной утрате этой системой отдельных союзов. Такая участь по-

² О многоплановости семантической структуры подчинительной связи см., например, в работах таких специалистов по сложноподчиненному предложению русского языка, как В. И. К о д у х о в, Л. Ю. М а к с и м о в, А. К. Ф е д о р о в, М. И. Ч е р е м и с и н и др.

³ Несовпадения именно в значении несопадения, а не в значении противоречивого проявления одних фактов наряду с наличием других.

стигла союз *ни*. Этот союз использовался некогда (наряду с *ни...ни*) как показатель соответствия соединяемых частей в плане наличия в них сказуемых с показателем отрицания. Ср.: *И ту кандило велико с маслом стекляно падеся от высоты и не разбися, ни огонь не угасе* (Хож. Ст. Повг.).

Та же тенденция отчетливо обнаруживается в перемещении в систему союзов несоединительного типа отдельных союзов, использовавшихся ранее для обозначения как соединительных, так и несоединительных отношений. Ярким примером такого рода может быть история союза *а*. Как известно, этот союз, употреблявшийся уже в эпоху первых памятников письменности прежде всего в качестве показателя сопоставительных отношений, мог тем не менее использоваться (даже в более поздние периоды) и как показатель соответствия между сочиненными частями. Ср.: *А градъ есть великъ, а людей много вельми* (Хож. Аф. Ник., 16); *А добротра у них нетъ, а сорома не знают* (там же, 19). В современном русском языке *а* в такой функции не употребляется⁴.

Тенденция к сокращению системы соединительных союзов отчетливо проявляется также в эволюции союза *да*. Этот союз, известный уже по первым памятникам русской письменности как союз соединительно-распространительной (присоединительной) семантики, широко использовался в данном значении на протяжении длительного времени, причем не только для связи членов предложения и частей сложного предложения: очень часто он употреблялся в начинательно-соединительной функции, в функции «наизывания» самостоятельных предложений. Что касается *да* в функции противительного союза, то о нем пока известно, что он употреблялся в памятниках древнерусского языка очень редко и что значительное расширение его использования наблюдается лишь начиная с памятников старорусского языка. Однако этих данных вполне достаточно для того, чтобы увидеть направление эволюции *да* соединительного и *да* противительного. В то время как *да* соединительный перестал использоваться в функции начинательно-соединительной и по мере того как употребление его в простом и сложном предложении неуклонно сокращалось, использование *да* противительного расширялось. В современном русском языке, судя по нашим материалам, извлеченным более чем из двухсот произведений русской оригинальной художественной литературы XIX и XX вв. (в том числе и советской), соединительные сложносочиненные предложения с союзом *да* употребляются в четыре раза реже соответствующих противительных сложносочиненных предложений.

Более того, противительные сложносочиненные предложения с союзом *да* в современном русском языке оказываются весьма богатыми по характеру выражаемых ими коммуникативных значений. Будучи построениями сугубо разговорного характера и главным образом лишь в этом плане отличаясь от предложений с союзом *но*, которые могут быть как нейтральными, так и стилистически окрашенными (в связи со стилистической ней-

⁴ В современном русском языке предпринимались попытки обнаружить соединительные предложения с союзом *а*. Ср.: Ю. И. Ледеев, К вопросу о соединительных отношениях в сложносочиненных предложениях с союзом *а* в современном русском языке. «Уч. зап. [МГПИ им. В. И. Ленина], 132, 8, М., 1958. Исследование подтверждает близость отдельных типов предложений с союзом *а* к соединительным. Однако все примеры в работе нельзя признать соединительными предложениями. Союз *а* в них делает акцент на то, что есть в семантике частей разного и, следовательно, используется как сопоставительный. Ср. наиболее яркие примеры работы: *Ее лицо вспыхнуло, а глаза сверкнули радостью*; *У него затряслась борода, а глаза налились слезами* — акцент на различие предметов по конкретному содержанию предикативных признаков. Ср. также эти примеры с союзом *и*: *Ее лицо вспыхнуло и глаза сверкнули радостью*; *У него затряслась борода и глаза налились слезами* — акцент на сходство сказуемых в том плане, что они информируют о внешнем проявлении эмоций, причем или только положительного или только отрицательного характера.

тральностью *но*), они являются носителями подавляющего большинства коммуникативных отношений, характерных для предложений с союзом *но*. Очевидно, о продуктивности противительных сложносочиненных предложений с союзом *да* свидетельствуют и тенденции к их афористическому использованию, представляющему один из путей пополнения русской фразеологии. Ср., например, такие случаи использования сложных предложений с союзом *да*: *Страшен черт, да милостив бог, мама...* (Пермитин, Первая любовь); *Но рады бы в рай, да грехи не пускают* (Бубеннов, Орлиная степь); *О-ох, веку мало, да горя много* (Смирнов, Тревожный месяц вересень); *Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается* (Островский, Гроза); *Сказываеися: грех воровать, да нельзя миновать* (Лесков, Воительница); *Кобылка сива, не очень красива, да ведь тебе же с ней не спать, а землю пахать...* (Шолохов, Поднятая целина); *Не было бы счастья, да несчастье помогло* (Можаев, Из жизни Федора Кузькина); *И есть что есть, да некогда сесть* (Федоров, Сумка, полная сердец); *За морем телушка-полушка, да за всяк просто ее не удержишь* (Марков, Сибирь); *Всем взяла, да глаза скрасна: как у белой крольчихи* (Колыхалов, Дикие побеги).

Что касается соединительных предложений с союзом *да*, то по характеру коммуникативных отношений они весьма бедны. В современном русском языке данные предложения используются лишь с двумя видами коммуникативных значений: со значением ограниченности перечисляемых (обнаруживаемых, появляющихся, обращающих на себя внимания и т. д.) фактов и со значением собственно распространения (добавления некоего аналогичного к некоему аналогичному). Ср. соответственно:

1. *Только изредка от элеватора доносился звон буферов, да иногда скрипел во дворе казармы ворот колодца* (Акулов, Крещение); *Только кое-где по обмезкам багровеют заросли голубики, да разве на мерзлотных буграх увидишь ярко-красную россыпь клюквы или гроздь созревающей брусники!* (Федосеев, Злой дух Ямбуя); *Изредка взлаивают собаки да со стороны Варвариной хаты доносятся песни...* (Смирнов, Тревожный месяц вересень); *Несколько фонарей горело над крышами, над ветвями высоких елей, да кое-где светились квадраты окон* (Николаева, Жатва); *Чуть слышно шелестела листва на березах, да со стороны реки доносились то-скающе-рассеянные крики какой-то птицы* (Блинов, Счастья не ищут в одиночку).

2. *А по плану у нас четыреста тысяч прибыли, да еще экономия есть* (Макаренко, Флаги на башнях); *Много голов, да сколько еще приплоду возьмем* (Колыхалов, Дикие побеги); *От меня табачищем воняет, да луку налопался с утра* (Алексеев, Ивушка неплакучая); *Оно и точно, другой раз год живешь, никого не видишь, да как тут еще водка — пропавший человек!* (Лермонтов, Герой нашего времени).

Наиболее употребительны из них предложения первого типа. Приходится признать, что они книжного характера (вопреки распространенному мнению о *да* как союзе только разговорного характера), поскольку используются главным образом в произведениях художественной литературы, причем исключительно в авторских повествованиях — при описании природы, окружающей среды, внешности персонажей, их поступков, эмоций и т. д. Будучи нелогизированными и эмоциональными, имея значение некой целочлоты, они часто используются для выражения лирически-грустных мотивов, являющихся, однако, отражением разумного и спокойного осознания неизбежности тех или иных фактов. Ср.: *А сейчас все потускнело — и цветы и травы. Редко где задумчиво клонит помятые головки бледно-голубой, словно выцветший за лето колокольчик, да прячется в тени застенчивая незабудка, да отцветают бело-розовые, гряз-*

новатые кашки, лаская вечерний воздух еле слышным прощальным запахом (Антонов, Тетя Луша); В темноте только звезды далекие-далекие печально светят с бездонной высоты да рев огромных волн в тревожной ночи (Федосеев, Смерть меня подождет); Глаза прежние, ласковые, только губы искривила незнакомая, чужая улыбка да длинные руки по-прежнему висят беспомощно, как плети (там же); И лишь о сыне, ренегате, Всю ночь безумно плачет мать, Да шлет отец врагу проклятье (ведь старым нечего терять!) (Блок, Возмездие). Очевидно, этот лирический «ореол» и мешает их проикновению в разговорную речь.

Эта ветвь соединительных предложений с союзом *да* является более поздней. Мы не обнаруживаем таких предложений ни в памятниках древнерусского, ни в памятниках старорусского языка. Не отмечает их и Г. П. Смолицкая, специально исследовавшая функции *да* в русском языке XV—XVII вв.⁵ И тем не менее, несмотря на значительно более позднее происхождение, несмотря на семантическую специфику и идущую отсюда суженность сферы и низкую частотность использования, они оказываются все же более употребительными, чем собственно распространительные предложения с *да*. По нашим данным, степень употребительности тех и других предложений относительно друг друга можно представить соотношением 4 : 1.

Таким образом, один из некогда наиболее употребительных соединительных союзов русского языка замкнулся в настоящее время одной ветвью сложносочиненных предложений в узко ограниченной сфере книжно-художественной речи, а другой ветвью хотя и выходит в более широкую сферу общения — в разговорную речь, однако характеризуется еще более низкой частотностью использования.

Безусловно, трудно прогнозировать дальнейшую судьбу союза *да* в соединительных предложениях. В изменяющихся исторических условиях, связанных с расширением общественных функций языка и дифференциацией функциональных стилей, его, может быть, и не постигнет участь *а*⁶. Однако история языка достаточно определенно свидетельствует о том, что эволюция *да* диктуется пока той же тенденцией, которая обусловила передвижение *а* в разряд союзов несоединительного типа⁷.

Исследования по истории русского языка и данные современного русского языка свидетельствуют также о значительном сужении использования в сложном предложении и другого соединительного союза *ни... ни...*

Материалы памятников древнерусского и старорусского языков дают возможность сделать заключение о том, что в известные исторические периоды союз *ни... ни...* характеризовался более низкой степенью упот-

⁵ См.: Г. П. Смолицкая, Функции союза *да* в русском языке XV—XVII веков, ИАН ОЛЯ, 1964, 5.

⁶ Например, в связи с возможной актуализацией функции более поздней ветви соединительных предложений с союзом *да* в художественной речи.

⁷ Если в древнерусском языке господствовал *да* соединительный, а *да* противительный; использовался весьма редко, если в современном русском языке частотность использования этих союзов характеризуется обратным соотношением, то можно предположить, что некогда *да* был только соединительным союзом. Это предположение согласуется с мнением А. Мейе, который считал, что первоначальным значением слова *да* вообще было «так» (А. Мейе, Общеславянский язык, М., 1951, стр. 391). В таком случае нетрудно представить развитие в союзе *да* семантики «согласия», «совпадения», «соответствия» и т. д., т. е. типовой семантики соединительных союзов. В связи с этим особый интерес приобретает известная мысль, высказанная И. А. Поповой и решительно поддержанная В. И. Бороковским, о том, что одним из древнейших и основных значений союза *а* было соединительное и что уже для XII—XIII века чисто соединительное значение *а* является редким (см. об этом В. И. Бороковский, Синтаксис древнерусских глгст. Сложное предложение. М., 1958, стр. 9/—95).

ребительности сравнительно с такими соединительными союзами, как *и* и *да*. Однако он все же относительно часто употреблялся не только в простом, но и в сложном предложении. В современном русском языке он тоже довольно часто используется для связи однородных членов и не исключается его употребление для связи частей сложного предложения. И тем не менее в речевой практике *ни... ни...* используется для связи частей сложного предложения исключительно редко, мы обнаруживаем его только в качестве средства связи так называемых генетивных одноставных предложений. Ср.: *Ни дерева, ни кустика* (Анчипкин, Арктический роман); *Ни овражка, ни лошадки* (Казаченко, Белое пятно); *Ни вздоха, ни шороха* (Смирнов, Тревожный месяц вересень); *Ни огонька в окне, ни человека у двора* (Бабаевский, Белый свет); *Ни тебе летучек, ни «молний», ни производственных совещаний* (Сизов, Наследники). Безусловно, это случайность, так как в современном русском языке все же возможны сложносочиненные предложения с союзом *ни... ни...* других типов. Однако она свидетельствует об известной закономерности. В какой-то мере это подтверждают разделы о сложносочиненных предложениях учебников, учебных пособий и научной литературы по русскому языку в качестве иллюстраций предложений с союзом *ни... ни...* приводятся буквально единичные, причем главным образом одни и те же примеры; на первом месте среди них — *Ни солнца мне не виден свет, ни для корней моих простору нет*.

Очевидно, здесь обнаруживается тенденция не только к сужению функционально-стилистической сферы использования соединительного союза, но и к ограничению структурно-семантических типов сложного предложения, в котором обнаруживаются актуальные потребности его применения.

Итак, в сложносочиненных предложениях древнерусского языка исторической эпохи использовались пять соединительных союзов: *и*, *да*, *ни*, *а*, *ни... ни...* Два из них как соединительные союзы вышли из употребления, два других охвачены тенденцией к вытеснению из сложного предложения. На этом фоне появление за весь исторический период существования русского языка единственного нового соединительного союза — *и ... и ...*⁸, хотя несколько и противоречит рассматриваемой общей тенденции, но отнюдь не уничтожает ее и не уравнивает ее результаты. Кроме того, союз этот не проявляет (во всяком случае — пока) тенденций к расширению своей продуктивности. Он, как и все соединительные союзы, кроме *и*, стилистически окрашен (видимо, в связи с тем, что совмещает в себе функцию экспрессивно окрашенной усилительной частицы), степень употребительности его невелика, сложносочиненные предложения, в которых он используется, по характеру коммуникативных значений бедны и соответствуют в этом плане лишь некоторым, тоже малораспространенным в речи собственно соединительным предложениям с союзом *и* типа: *Вот в Ростовской области мне лучше нравилось. Фруктов больше и люди веселее* (Семенов, Собака ни при чем)⁹.

«Сужение формально-статической системы соединения не означает, однако, сокращения продуктивности соединительных сложносочиненных

⁸ Не исключено, однако, что этот союз был уже в древнерусском языке. Тот факт, что он до настоящего времени не зарегистрирован, может объясняться трудностями его отграничения от союза *и*, использовавшегося в функции «наизывания» предложений.

⁹ К числу соединительных союзов нередко относят слова *тоже* и *также*. Однако многие лингвисты союзами их не считают. Одним из веских аргументов в пользу последнего мнения может служить то обстоятельство, что данные слова свободно употребляются в предложениях, в которых союзы (причем как соединительные, так и несоединительные) уже использованы. Ср.: *Обещала помочь сестра и (но, а, однако) брат тоже не отказывается*.

предложений в речи вообще. Причина, видимо, состоит прежде всего в потребностях практики общения, нуждающейся в сохранении определенного баланса в общем использовании соединительных и несоединительных отношений. Отсюда необходимость стабильности хотя бы одного специального показателя соединительных отношений, избранником которой, по всей видимости, является *и*, сохраняющий в общем неизблемость своих позиций, и не затрагиваемый тенденцией к сокращению союзов соединения. Хорошо известна распространенность союза *и* в древнерусском языке. Некоторые исследователи даже специально обращали внимание на «особую любовь» носителей древнерусского языка к союзу *и*. С другой стороны, М. Н. Петерсон в одной из своих статей отмечал, что *и* используется в современном русском языке чаще, чем все остальные сочинительные союзы, вместе взятые¹⁰. В наших материалах предложения с союзом *и* не уступают в количественном отношении всем другим сложносочиненным предложениям, также вместе взятым. В частотных словарях современного русского языка союз *и* (вместе с частицей, которая в семантическом плане, кажется, во многом близка союзу) занимает первое или одно из самых первых мест. Данное обстоятельство позволяет сделать предположение, что возможности выражения отношений (если эти возможности остаются необходимыми для практики общения) не исчезают вместе с исчезновением соединительных союзов или их ограничениями, а откладываются, аккумулируются в возможностях предложений с союзом *и*. В какой-то мере подтверждением данному положению может служить то обстоятельство, что в современном русском языке нет таких отношений в предложениях с союзами *да*, *ни... ни...*, *и... и...*, которые бы в инвариантном виде (без усиительно-экспрессивных, стилистических и т. п. коннотаций) не могли бы быть выражены в предложениях с союзом *и* соотношением средств лексико-грамматического наполнения частей.

Последний факт, очевидно, может служить также основанием для вывода о том, что в системе соединительных союзов и коммуникативных значений современного русского языка налицо условия для дальнейшего развития тенденции к сокращению формально-статической системы сочинительно-соединительных отношений, поскольку возможная утрата соединительных предложений с союзами *да*, *и... и...*, *ни... ни...* оставляет вероятность выражения соответствующих отношений средствами предложений с союзом *и*. И однако вне учета данных об эволюции и современном состоянии других участков системы отношений русского языка, а также вне учета весьма разнообразного комплекса изменяющихся экстралингвистических факторов считать эти условия достаточными для исчерпывающей реализации рассматриваемой тенденции, разумеется, нельзя.

Тенденция к сокращению формально-статической системы соединения особенно заметна на фоне значительного развертывания формально-статической системы сочинения несоединительного типа. Для сложносочиненных предложений древнерусского языка исторической эпохи были характерны следующие несоединительные союзы: *а*, *но*, *да*, *ано(анъ)* *ино(инъ)*, *ли*, *или*, *любо* (впоследствии *либо*). Из употребления вышли *ано* и *ино* с их вариантами. Союз *а*, использовавшийся и как соединительный, полностью перешел в разряд несоединительных. *Да* противительный, употреблявшийся в древнерусском языке очень редко, укрепил свои позиции и стал значительно более употребительным, чем его соединительный «двойник». Однако развертывание статико-формальной системы несоединительных отношений более наглядно проявляется в значи-

¹⁰ М. Н. Петерсон, Союзы в русском языке, «Р. яз. в шк.», 1954, 5, стр. 29, 31.

тельном пополнении разряда несоединительных союзов новыми образованиями. В современном русском языке к названному выше ряду союзов несоединительного типа примыкают следующие: *только, то... то..., однако*¹¹, *не то... не то..., то ли... то ли..., ли... или..., зато, а то, а не то, не то, не только... но и..., не только... а и...* и др. В результате современный русский язык в настоящее время характеризуется сложной статико-формальной системой сочинительных союзов несоединительного типа, в сравнении с которой четырехчленная система соединительных союзов представляется довольно элементарной.

Все несоединительные союзы современного русского языка объединяются в единую статико-формальную систему наиболее абстрактным значением несоответствия-несовпадения, или некой неаналогичности, которое является типовым значением данных союзов и обязательным элементом семантической структуры каждого из них. Будучи интегральным в данной системе, оно вместе с тем выступает дифференциальным по отношению к типовому значению соединительных союзов, которое можно интерпретировать как значение некой аналогичности.

Судя по некоторым данным, наиболее внешним проявлением которых является то, что целый ряд союзов несоединительного типа образован, с одной стороны, на базе *а*, а с другой — на базе *но*¹², эта общая система включает в себя два основных блока-подсистемы, находящихся в парадигматических отношениях и отражающих разную степень абстрактности союзов, а также историю развития подсистем. Одна из подсистем, возглавляемая союзом *а*, подсистема сопоставительных союзов, вторая, возглавляемая *но*, — подсистема противительных союзов.

Такое общее понимание системы несоединительных союзов современного русского языка требует разработки, уточнения и проверки. Однако есть основание полагать, что в блок-подсистему сопоставительных союзов, наряду с *а*, входят все разделительные союзы, кроме *либо*, союз *а то*, градационные союзы, образованные на базе *а*, и некот. др. В блок, возглавляемый *но*, включаются *однако*, противительный *да*, *только*, *зато*, *либо*, градационные союзы, образованные на базе *но*, *однако*, *да* и, возможно, другие¹³. Внутри блоков и между ними существуют различного рода отношения, образованные на базе общности одних элементов семантической структуры союзов и противопоставленности других. Благодаря этим отношениям союзы и организованы в подсистемы и в систему в целом.

Одним из видов отношений — отношений, отражающих развитие подсистемы в глубину, являются отношения иерархического плана¹⁴,

¹¹ *Только* (*только*, *толко*) как частица в роли союза известна уже с эпохи памятников древнерусской письменности. *То...то...* зафиксирован в памятниках старорусской письменности, *однако* — в памятниках эпохи становления русского национального языка.

¹² Ср., например, союзы *не только... а и..., а то, а не то*, с одной стороны, и союзы *не только... но и..., но и, не то чтобы... но и т. д.* — с другой. Ср. также противопоставленность союзов *или* и *либо*, приближающихся в своих смысловых взаимоотношениях к взаимоотношениям *а* и *но*.

¹³ Разделительные союзы относились к классу сопоставительно-противительных такими русскими лингвистами, как П. Перевлесский (см.: П. Перевлесский, *Начертания русского синтаксиса*, М., 1848, стр. 67). И. И. Давыдов (см.: И. И. Давыдов, *Опыт общесравнительной грамматики русского языка*, СПб., 1852, стр. 370—371) и др. После Ф. И. Буслаева эти союзы осмысливаются как стоящие на одном уровне с соединительными и сопоставительно-противительными. Однако можно привести много примеров, показывающих, что отдельные исследователи и в настоящее время так или иначе исходят из сопоставительно-противительного характера разделительных отношений.

¹⁴ Иерархические отношения — это «отношения вхождения в более сложную единицу». Их «можно определить в терминах «состоит из...» или «входит в...» (В. М. Солдатов, *Язык как системно-структурное образование*, М., 1971, стр. 66, 82).

выступающие одновременно и как отношения по степени абстрактности. Они основываются на том, что индивидуальные значения более абстрактных и одновременно более ранних по происхождению союзов не замыкаются в этих союзах, а включаются в семантическую структуру более конкретных и одновременно более поздних по происхождению союзов в качестве их видовых, подвидовых и т. д. значений. Так, индивидуальная семантика *а* — собственно разное. Она включается как видовая в семантическую структуру всех сопоставительно-разделительных и сопоставительно-градационных союзов. Индивидуальная семантика альтернативности, характерная для *или*, включается как подвидовая в семантическую структуру всех других сопоставительно-разделительных союзов и т. д.

Чем союз абстрактнее (и обычно древнее), тем меньше в нем семантических дифференциальных признаков, чем союз конкретнее (и «моложе»), тем семантических дифференциальных признаков в нем больше. Ср., например, *а*, *или* и *то... то...*: первый — собственно сопоставительный (и наиболее раннего происхождения), второй — сопоставительно-разделительный (и более позднего, чем *а*, происхождения), третий — сопоставительно-разделительно-временной (и более позднего происхождения, чем *или*)¹⁵. Сопоставительные союзы рассматриваемой ветви в иерархическом плане последовательно объединяются оппозициями привативного характера: будучи объединенными в одно целое индивидуальной семантикой наиболее абстрактных союзов (интегральной семантикой), они в то же время связываются в одно целое еще и противопоставлениями каждого из союзов предыдущего и последующего уровней абстракции по наличию — отсутствию элементов семантики другого рода: в *а* значение альтернативности отсутствует, в *или* оно налицо, в *или* значение чередования во времени отсутствует, в *то... то..* оно налицо.

В иерархическом плане аналогичной картиной взаимоотношений между членами характеризуется и подсистема противительных союзов (как, впрочем, и система союзов соединительных). Ср. хотя бы ветвь ограничительных и ограничительно-возмездительных союзов, отходящую от союза *но*.

Однако система несоединительных союзов развивалась не только в глубину, не только в плане дифференциации наиболее общих индивидуальных значений союзов *а* и *но* лишь в одном направлении. Она развивалась и вширь, в плане дифференциации индивидуальных значений *а* и *но* в других направлениях. Свидетельством тому служат, например, ветви разделительных и градационных союзов в подсистеме сопоставительных союзов, аналогичные ветви в подсистеме противительных союзов, и, кроме того, ветвь ограничительных союзов в последней.

Обнаруживается и другой путь расширения системы несоединительных союзов — «обрастание» одного из союзов другими и организация на этой основе оппозиций градуального типа. Примером такого рода может служить ряд противительных союзов: *да—но—однако*. Помимо того, что эти союзы противопоставлены стилистически (разговорный, нейтральный, книжный), они противопоставлены друг другу еще и по степени противоположности: *да* имеет значение ослабленного противоположного, *но* — противоположного, *однако* — усиленного противоположного. Ср.: *Мягко стелет, да жестко спать приходится/ Мягко стелет, но жестко спать приходится/Мягко стелет, однако жестко спать приходится*.

Важно также отметить, что сопоставительные и противительные союзы объединяются в одну систему не только типовым значением некоего не-

¹⁵ А и но А. Мейе относит к числу образований эпохи славянской языко вой общности и приводит соответствия им из других индоевропейских языков. *Или* среди слов, обозначающих сочинение, он не называет; см.: А. Мейе, указ. соч., стр. 387—389.

аналогичного; но и противопоставлением значений «собственно разное» — «противоположное», являющихся индивидуальными значениями *а* и *но*. Внутри подсистем, организуемых данными союзами, эти значения выступают как интегральные. Однако по отношению друг к другу они являются дифференциальными. Союзы *а* и *но*, будучи противопоставленными по этим значениям логически равноправного характера, образуют оппозицию эквивалентного типа и определяют тем самым характер противопоставлений, существующих на разных иерархических ступеньках между другими смежными сопоставительными и противительными союзами одних и тех же уровней абстракции. Данное обстоятельство обуславливает семантическое различие союзов со сходными индивидуальными значениями. Например, для союзов *не только... а и...* и *не только... но и...* наиболее конкретным является значение градации. Однако видовые значения этих союзов индивидуализируют — каждое по-своему — данное значение. Если *не только... а и...* подает содержание соединяемых частей с общей семантикой «некое разное, содержащее в себе элементы одинакового», то *не только... но и...* подает содержание частей в иной семантической окраске: «некое противоположное, содержащее в себе элементы одинакового». Так, в случае *Не только дети должны понимать отцов, а и отцы детей...* значения слов «дети» и «отцы» подаются как разные. А в случае *Не только дети должны понимать отцов*, но и отцы детей... (Чаковский, Невеста) в тех же значениях акцентируются некие противоположные (антонимические) начала. Таким же образом обеспечивается различие союзов *или* и *либо*, которые имеют сходные индивидуальные значения, дифференцируемые, однако, видовыми значениями. Если *или* подает альтернативы как разные, то *либо* — как противоположные. Отсюда при наличии в предложении *либо* наблюдается большая определенность взаимоисключения, поскольку антонимичное в большей степени мыслится как взаимоисключающее, чем собственно разное.

Таким образом, система союзов несоединительного типа в современном русском языке представлена значительно большим количеством членов, чем в древнерусском. Эволюционируя, она развевывалась в разных направлениях, хотя это развитие и представляло собой не что иное, как все более детальную дифференциацию одного и того же значения неаналогичности и его двух основных противопоставленных разновидностей: «собственно разное» — «противоположное». Следует обратить внимание и на то, что система союзов несоединительного типа закрыта сверху: за всю историю существования русского языка не возникло ни одного союза, более абстрактного, чем *а* и *но*, и ставшего в этом плане над ними. В то же время данная система открыта снизу и с разных сторон, что представляет ей возможности дальнейшего подключения новых, более конкретных по значению союзов, не прибегая к ломке ее древней основы основ.

Судя по тому, что в предложениях с союзами *а* и *но* могут выражаться далеко не все отношения, характерные для предложений с союзами более конкретных уровней абстракции, система союзов несоединительного типа является более устойчивой в плане сохранения своих членов.

Новые сочинительные союзы вырабатываются как средства специального обозначения тех коммуникативных отношений, которые уже известны предложениям с существующими союзами. Так, наличие в русском языке известной поры коммуникативных значений ограничения в сложных сочинительных предложениях с союзом *но* обусловило появление ограничительных союзов. Последние стали необходимыми для дифференциации ограничительных значений, которые сами по себе весьма и весьма неоднородны. Например, в условиях недостаточной дифференцированности ограничительных значений средствами лексико-грамматического напол-

нения соединяемых частей и контекста предложение *Того же лета придоша немци подъ Пльсковъ и пожгоша посадъ, но самехъ много ихъ пльсковичи биша* (Новг. лет. 80) двузначно. Его можно понимать и как ограничительное и как ограничительно-возмездительное. Для снятия двузначности такого рода были созданы союзы *только* и *зато*. С появлением данных союзов оказалось возможным не только точнее осознавать различие указанных значений, но и дифференцировать авторское отношение к своей информации. Ср. данное предложение с *только* (симпатии автора на стороне иноземцев) и с *зато* (симпатии на стороне псковичей).

Анализ данных современного русского языка не противоречит идее о создании новых сочинительных союзов как реализации необходимости изыскать средства специального обозначения тех коммуникативных отношений, которые уже известны в предложениях с существующими в языке союзами. Так, не приводят пока к успеху попытки найти такие значения более конкретных союзов, которые бы не были известны как коммуникативные в предложениях с более абстрактными союзами. Например, значение ограничения, характерное для союза *только*, чрезвычайно распространено как коммуникативное в предложениях с союзом *но*. Возмездительное значение союза *зато* часто выражается как коммуникативное в предложениях с тем же союзом: Ср.: *Это порядочная глушь, но, говорят, там хороший климат, и, разумеется, все условия второго пояса* (Крымов, Инженер). Градационное значение соответствующих союзов распространено как коммуникативное в предложениях с союзами *а, но, однако*. Ср.: *Начальник артиллерии взглянул на командарма, тотот тоже глядел на него серьезно и предостерегающе* (Толстой, Восемнадцатый год)/*Не только начальник артиллерии взглянул на командарма, но и тот глядел на него серьезно и предостерегающе*. Все значения более конкретных разделительных союзов тоже можно найти как коммуникативные в предложениях, например, с союзом *или*. Ср.: 1) альтернативно-временное значение в предложениях с *то.. то..* и в предложениях с *или*: *Там все-таки, глядишь, то облачко проплывет, непохожее на другое, то солнце вдруг заиграет лучами/ Там все-таки, глядишь, облачко проплывет, непохожее на другое, или солнце вдруг заиграет лучами* (Марков, Сибирь); 2) альтернативно-мотивировочное значение в предложениях с *а то* и в предложениях с *или*: *Убирайся с глаз, а то топором пришибу! Убирайся с глаз, или топором пришибу!* (Матушкин, Любаша). 3) альтернативно-гипотетическое (вопросительное) значение в предложениях с *ли.. или* и в предложениях с *или*: *Вымерли ли они все здесь или, может их выселили гитлеровцы?/ Вымерли они все здесь, или, может, их выселили гитлеровцы?* (Казаченко, Белое пятно), 4) «полувопросительное-полуповествовательное» значение (фактически значение, близкое к косвенному вопросу, который не требует ответа) в предложениях с союзом *то ли... то ли...* и в предложениях с *или*: *То ли в машинном отделении парило сильнее обыкновенного, то ли это только казалось Басову/ В машинном отделении парило сильнее обыкновенного, или это только казалось Басову* (Крымов, Танкер «Дербент») и т. д.

Изученный нами языковой материал, относящийся к сложносочиненным предложениям свидетельствует также о том, что для элементов семантической структуры более конкретных союзов находятся соответствия среди коммуникативных значений, характерных для предложений с союзами более абстрактной семантики (это не означает, однако, что каждому коммуникативному значению предложений с союзами более абстрактной семантики находится соответствие среди элементов семантической структуры более конкретных союзов).

В предложениях с вновь возникшим и вошедшим в систему союзом могут развиваться новые, более конкретные коммуникативные значения.

Так, предложения с союзом *только* в современном русском языке характеризуются уже довольно значительным и довольно разнообразным кругом коммуникативных значений, которые не зафиксированы (возможно, некоторые из них — пока) в русском языке более ранних периодов существования. Среди них — значение препятствующего ограничения: *И быть бы мне монахом, черной божьей звездой, только пришла к нам в обитель богомолочка из Пензы — забавная такая, да и смутила меня...* (Горький, В людях); условно-ограничительное значение: *Хорошо, я дам тебе опиуму, только нарисуй мне красавицу* (Гоголь, Невский проспект); значение ограничения сходств существующими различиями: *Он одет был в такой же костюм, как и часовой, только на левом рукаве у него была красная повязка* (Макаренко, Флаги на башнях); значение ограничения некоего положительного наличием отрицательного: *Ну, сестренка Фима, что же, старается, только силы в ней, как у воробушка* (Сартаков, Философский камень) и другие значения.

Вырабатываются разные коммуникативные значения в предложениях с союзом *то... то...* Например, значение попеременной смены, чередования одних и тех же событий, фактов и т. д. во времени противопоставляется здесь значению последовательного хода событий, явлений и т. д. Ср.: *Они то перебывали друг друга вопросами, то оба враз останавливались и хохотали* (Сартаков, Философский камень) и *То подлипкинцы ходили к ним, то наши повалили туда в гости* (Овечкин, В том же районе). Судя по некоторым примерам, в предложениях с союзом *то.. то...* возможно развитие коммуникативных значений локальной альтернативности (взаимоисключения явлений по месту их реализации); ср. *То сюда ее (речку) кинет, то туда шибанет* (Марков, Сибирь).

Очевидно, с течением времени в зависимости от потребностей практики общения не исключается выработка специальных средств для экспликации коммуникативных значений, характерных для предложений современного русского языка с союзами более конкретной семантики.

Приведенный материал, касающийся вопроса о путях развития системы сочинительных союзов несоединительного типа, дает основание полагать, что в доисторическую эпоху, до появления в русском языке разделительных союзов отношения взаимоисключения существовали как коммуникативные значения предложений с союзами *а* и *но* и что разделительные союзы в известную эпоху возникли как средство экспликации этих коммуникативных значений. В пользу этого предположения можно было бы привести следующие факты: 1) некоторые соображения о принципах строения системы сочинительных союзов и о взаимоотношениях в ней союзов *а* и *но*, с одной стороны, и разделительных союзов — с другой, о чем мы говорили выше; 2) наличие в современном русском языке предложений с союзами *а* и *но*, в которых выражаются разделительные отношения, типа: *Может, и притомилась Лукерья, а может... черед ее пришел* (Крутилин, Липяги); 3) наличие в памятниках древнерусского языка разделительных предложений с союзом *а* и вторым союзным элементом *любо* (его функции, по-видимому, были аналогичны функциям слов типа *потому, поэтому, все же, вдобавок, все-таки* и т. д., используемых в современных сложносочиненных предложениях с союзами *и, а, но* для уточнения тех или иных коммуникативных значений). Ср.: *Хошу главу свою приложити, а любо испити шеломя Дону* (Сл. о п. Иг.); *Да аще хочеще за сих битися, да се мы готови, а любо выдайте врагы наша* (Пов. вр. лет. 177).

При наличии данных о тенденциях и путях развития системы сочинения в русском языке можно ставить вопрос о движущих силах развития этой системы.

ДОМАШНЕВ А. И.

ПОНЯТИЕ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ТРУДАХ В. М. ЖИРМУНСКОГО

Под структурой или строением языка мы понимаем здесь иерархическую совокупность форм, в которых язык проявляется на определенном этапе его развития. Говоря об этом применительно к современному немецкому языку, следует отметить, что противопоставленными единицами иерархии, образующими предельные уровни «поля напряженности» («Spannungsfeld») ¹, являются литературный язык и диалекты. Так Х. Бринкман, например, подчеркивал: «Язык народа расчленен в диалектах, а собран воедино в литературном языке; вместе они выражают по-разному содержание и структуру одного и того же языка» ². Между этими крайне противопоставленными формами — литературным языком и диалектами — находятся различные так называемые обиходно-разговорные формы языка, известные в германистике под собирательным названием «Umgangssprache». Этот промежуточный слой («Zwischenschicht») ³ является следствием взаимодействия литературного языка с диалектами ⁴ и представляет собой, таким образом, в историческом плане самую позднюю языковую формацию среди упомянутых выше ⁵.

Определяя в качестве Umgangssprache совокупность элементов языкового сообщения, которые по своим параметрам не соответствуют как системе диалекта, так и норме литературного языка, исследователи, безусловно, признавали, что эта сфера структуры языка характеризуется большой неоднородностью, но подчеркивали, что при этом ей свойственна определенная внутренняя упорядоченность. Так И. Радтке отмечал, что, в отличие от литературного языка и диалекта, спектр Umgangssprache несравненно шире и эта форма языка имеет «горизонтальную и вертикальную организацию» («Sie ist horizontal und vertikal strukturiert») ⁶. Обычно выделяют три основные ступени внутреннего членения Umgangssprache. По вертикальной линии в направлении от диалекта к литературному языку в качестве первой ступени называют тип местного обиходно-разговорного языка (kleinlandschaftliche Umgangssprache) ⁷, который характеризуется наименьшей пространственной распространенностью и наиболее тесной связью с местным диалектом. Поскольку данная формация в ос-

¹ Это определение см. у Г. Розенкранца: H. Rosenkranz, Statistische Untersuchungen zur mundartlichen Syntax als Beitrag zur Sprachsoziologie, сб. «Sprache und Gesellschaft» («Wissenschaftliche Beiträge der Fr. Schiller-Universität Jena»), Jena, 1970, стр. 171.

² H. Brinkmann, Hochsprache und Mundarten, «Wirkendes Wort», Sammelband I — Sprachwissenschaft, Düsseldorf, 1962, стр. 104.

³ S. Czichocki, I. Heydrich, H. Langner, Die Erscheinungsformen der Sprache. Kritische Einschätzung der Begriffsbestimmungen und Versuch einer terminologischen Abgrenzung, «Wissenschaftl. Zeitschr. der Pädagogischen Hochschule Potsdam. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe», 1964, стр. 116.

⁴ A. Bach, Geschichte der deutschen Sprache, 7. Aufl., Heidelberg, 1961, стр. 345.

⁵ S. Czichocki, I. Heydrich, H. Langner, указ. соч., стр. 116.

⁶ I. Radtke, Die Umgangssprache, «Muttersprache», 1973, 3, стр. 168.

⁷ S. Czichocki, I. Heydrich, H. Langner, указ. соч., стр. 116.

новном базируется на диалектной структуре (здесь утрачены лишь наиболее резкие «первичные признаки» диалекта, но остаются местные диалектные особенности или, по терминологии В. М. Жирмунского, «вторичные признаки»), и в ней лишь слабо заметно наличие элементов литературного языка, она получила еще и второе название — «полудиалект» («Halbmundart», по А. Баху⁸). Следующая формация Umgangssprache определяется в качестве областного обиходно-разговорного языка (großlandschaftliche Umgangssprache)⁹. Он охватывает, как правило, зону крупного диалекта (например, верхнесаксонский обиходный язык) и обычно формируется в районах влияния крупных городов. На это последнее обстоятельство указывал, в частности, Л. Макензен¹⁰, который с помощью различных статистических данных показал влияние общественных процессов на языковые и подчеркнул, что на протяжении последнего столетия такие крупные города, как Берлин, Лейпциг, Гамбург, Мюнхен или Вена, становились центрами «языкового излучения» и оказывали влияние не только на обширные прилегающие районы, но, в большей или меньшей степени, на всю область распространения немецкого языка. Это способствовало сближению отдельных областных разговорных языков и развитию так называемого общенемецкого (gesamtdeutsch) литературного обиходно-разговорного языка¹¹. И, наконец, третий уровень обиходно-разговорного языка, для которого характерно вытеснение местных диалектов и который наиболее приближен к форме реализации литературного языка, но сохраняет черты местного произношения, а также определенное число лексических единиц территориального характера, известен под названием, как это было упомянуто выше, литературного (верхненемецкого) обиходно-разговорного языка. Поскольку этот тип речи был характерен в основном для представителей господствующих («образованных») слоев общества, он получил также название «обиходный язык образованных» («gebildete Umgangssprache») ¹².

Таким образом, совокупность форм, в которых существует немецкий язык, например, в собственно немецком (ГДР, ФРГ) или в австрийском ареалах, может быть представлена следующим иерархическим построением:

литературный язык (письменная и устная разновидности)	
обиходно-разговорный язык	литературный (верхненемецкий) обиходно-разговорный язык или обиходно-разговорный язык образованных
Umgangssprache	областные обиходно-разговорные языки
	местные обиходно-разговорные языки
местные диалекты	

⁸ А. В а с h, указ. соч., стр. 345.

⁹ S. Czichocki, I. Heydrich, H. Langner, указ. соч., стр. 116.

¹⁰ L. Mackensen, Die deutsche Sprache in unserer Zeit. Zur Sprachgeschichte des 20. Jahrhunderts, 2. Aufl., Heidelberg, 1971, стр. 86—101.

¹¹ S. Czichocki, I. Heydrich, H. Langner, указ. соч., стр. 117.

¹² Ср.: P. Kretschmer, Wortgeographie der hochdeutschen Umgangssprache, Göttingen, 1918, стр. 10.

Подобная терминологическая интерпретация современного немецкого языка нередко экземплифицируется соответствующими языковыми образцами. Это — так называемые опознавательные предложения (Schibboleth-Sätze, Kennsätze), стратифицирующие языковую структуру того или иного региона. Так, для баварского ареала приводится, например¹³, следующее построение: 1) *ich habe es ihm gegeben*; 2) *ich hab's ihm gegeb'n*; 3) *ich hab's ihm geb'n*; 4) *i hoob's eahm gebm*; 5) *i hoos eahm gem*, где порядковые числа соответствуют установленной нами выше языковой иерархии: 1) свободный от диалекта литературный язык (reines dialekt-freies Hochdeutsch); 2) региональный литературный язык (regionale Hochsprache), что соответствует в нашей схеме уровню «литературный обиходно-разговорный язык» или «обиходно-разговорный язык образованных»; 3) диалектно-окрашенный обиходный язык (mundartlich gefärbte Umgangssprache), т. е. областной обиходно-разговорный язык; 4) ослабленный диалект надрегионального типа (abgeschwächter Dialekt — überregional); 5) местный диалект (reiner Dialekt — Ortsmundart).

Из сказанного выше и приведенных языковых примеров следует, что Umgangssprache представляет собой ту сферу, в которой, говоря словами Х. Бринкмана¹⁴, «в наше время встречаются диалект и литературный язык». Таким образом, продолжает он, как единое явление рассматривается то, что на самом деле состоит из двух различных течений (Bewegungen). Это подтверждается и оценкой качества языкового материала, соотносимого с Umgangssprache. Так, предложение *i hoob's eahm gebm* (4) почти совпадает с признаками диалектного образца — *i hoos eahm gem* (5), тогда как предложение (2) (обиходный язык образованных), репрезентирующее верхний уровень Umgangssprache, плавно переходит в сферу литературного языка. По мере своего продвижения от диалекта к литературному языку по ступеням своей «диалектной лестницы»¹⁵ обиходно-разговорный язык как бы сбрасывает постепенно структуру диалекта и перестраивается на систему литературного языка.

Тем самым в языковом отношении Umgangssprache представляет собой, как замечает В. Файт¹⁶, гетерогенное образование. Неоднородность этой формы языка проявляется также в функциональном и психолого-коммуникативном планах. Х. Бринкман в связи с этим говорит, что диалект переходит в Umgangssprache, когда его носители покидают сферу привычных отношений. Эта языковая форма (местный или областной обиходно-разговорные языки) используется, таким образом, в официальной, деловой обстановке, в общении с посторонними или приезжими. В противоположность этому, носители литературного языка переходят на обиходно-разговорный язык, когда они оказываются в кругу привычного, непринужденного общения. Так, заключает Х. Бринкман, в первом случае перед нами «путь от интимности к дистантности», а во втором, напротив, «от дистантности к интимности»¹⁷. Следовательно, совокупность элементов языковых сообщений, охватываемая термином Umgangssprache, не имеет ни языковых, ни функциональных объединяющих признаков и оказывается в строении немецкого языка сферой, у которой, как гово-

¹³ Языковые образцы и терминологическая интерпретация приводятся по работе: K. R e i n, Diglossie in der deutschen Sprache der Gegenwart, «Sprachliche Interferenz», Tübingen, 1977, стр. 170.

¹⁴ H. B r i n k m a n n, указ. соч., стр. 112.

¹⁵ Данное сравнение (dialektale Stufenleiter) принадлежит У. Аммону и приводится здесь по работе: W. König, Atlas zur deutschen Sprache. Tafeln und Texte, München, 1978, стр. 135.

¹⁶ W. H. V e i t h, Zum Problem der umgangssprachlichen Unsystematik, «Muttersprache», 1968, 12, стр. 374.

¹⁷ H. B r i n k m a n n, указ. соч., стр. 113.

рил В. Хенцен¹⁸, лишь имеются нечеткие линии верхней и нижней границ и отсутствует твердый полюс. Вместе с тем именно эта сфера языка является функционально наиболее загруженной. В этом смысле, говоря об Umgangssprache как о промежуточной ступени и имея в виду практическую недостижимость уровня строгого литературного стандарта, В. Хенцен отмечал: «... из более чем ста миллионов немцев не более чем одна треть говорит на диалекте, никто — на литературном языке, а все остальные — на этой самой промежуточной ступени»¹⁹.

Известный парадокс германистики в том и состоял, что она занималась преимущественно либо литературным языком, либо диалектами, признавая лишь вскользь наличие и некой «промежуточной ступени»²⁰, которая, как это совершенно очевидно, играет столь значительную роль в речевой структуре коллектива — носителя языка. Оправданным и своевременным является призыв У. Бихеля обратить серьезное внимание на понятие «Umgangssprache», поскольку в настоящее время это понятие занимает видное место в специальных работах, но не получило достаточного научного обоснования²¹.

Таковы в общих чертах взгляды германистов на структуру современного немецкого языка и отдельные формы его существования. Отдельного рассмотрения заслуживает, однако, концепция акад. В. М. Жирмунского. Приходится отметить, что В. М. Жирмунский не оставил нам систематически изложенной концепции структуры языка, и задача состоит в том, чтобы извлечь из его трудов оценки и выводы, которые в своей совокупности могли бы дать возможно полное представление о его взглядах по данному вопросу.

Переходя к этому главному разделу анализа, считаем целесообразным сделать отступление и напомнить, что в одной из своих последних работ (1967), посвященных проблемам формирования литературных языков, В. В. Виноградов подверг довольно резкой критике одну из наиболее ранних книг В. М. Жирмунского на эту тему — «Национальный язык и социальные диалекты» (1936), которая, как это подчеркивает и сам В. В. Виноградов, «представляет собою очень важную и первую у нас попытку» историко-социологического освещения процессов взаимодействия диалектов и литературного языка. Говоря об основных недостатках этой работы, В. В. Виноградов подчеркивает: «Вопрос о диалектной базе национального литературного языка изображен односторонне — не говорится о роли „культурных диалектов“, „койне“, о взаимодействии и синтезе диалектов, о формировании полудиалектов и культурных диалектов как основы национальной литературной речи, о возможном смещении, объединении и сочетании диалектных баз»²². Кстати заметим, что в это же время, когда были высказаны эти упреки, а следовательно, — независимо от критических суждений В. В. Виноградова — В. М. Жирмунский в докладе на юбилейной сессии Отделения литературы и языка АН СССР, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции (19—20 октября 1967 г.)²³, говорил: «В довоенных работах по социальной диалектологии, в частности, и в моей книге „Национальный язык

¹⁸ W. H e n z e n, Schriftsprache und Mundarten, 2. Aufl., Bern., 1954, стр. 21.

¹⁹ Там же, стр. 19; ср. близкую точку зрения Э.-Г. Гейла (E.-G. G e y l, Was ist Umgangssprache, «Muttersprache», 1975, 1, стр. 25).

²⁰ W. H e n z e n, указ. соч., стр. 19.

²¹ U. B i c h e l, Problem und Begriff der Umgangssprache in der germanistischen Forschung, Tübingen, 1973, стр. 4.

²² В. В. В и н о г р а д о в, Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития, М., 1967, стр. 23.

²³ См.: В. М. Ж и р м у н с к и й, Марксизм и социальная лингвистика, в кн.: «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969.

и социальная диалектология“, принято было слишком прямолинейное, механическое приурочение этих слоев, или „уровней“, общенародного языка к общественным классам: „собственно диалект“ рассматривался как язык крестьянства („деревни“), полудиалект — как язык городского мещанства (мелкой буржуазии), разговорная форма литературного языка — как средство общения господствующих классов („образованных“). Хотя это деление и отражает в очень упрощенной и потому искаженной форме какой-то подлинный аспект общественной действительности, однако в настоящее время ясно, что оно не учитывало реальной сложности социального функционирования языка в условиях взаимодействия местных диалектов и складывающейся или уже сложившейся письменной и устной национальной нормы²⁴. Таким образом, критикуя свои прежние взгляды, согласно которым допускалось «механическое» сведение слоев языка к конкретным социально-классовым группировкам общества, В. М. Жирмунский одновременно подчеркнул, что в структуре языка следует выделять не только диалекты и литературный язык, но и различные переходные формы — полудиалект, разговорную форму литературного языка. Следовательно, достаточно обратиться к упомянутой работе В. М. Жирмунского, общих теоретических недостатков которой не отрицал, как мы видели, и сам автор, чтобы убедиться, что она не содержит одностороннего изображения диалектной базы национального языка, как это утверждал В. В. Виноградов²⁵, но, напротив, отмечает процессы формирования городской диалектной речи, полудиалектов и других форм языка между «собственно диалектом» и литературным языком. В более ранней работе «Проблемы переселенческой диалектологии» (1929) В. М. Жирмунским на материале так называемых островных диалектов подробно рассматриваются вопросы взаимодействия отдельных диалектов, образования смешанных говоров, развития различных форм койне.

В работах, относящихся к 60-м годам²⁶, В. М. Жирмунский вновь обращается к проблемам структуры языка национального периода его существования. Здесь последовательно утверждается, что немецкий язык отчетливо обнаруживает наличие «трех социальных уровней или слоев»: собственно диалекта, общенационального литературного языка и промежуточной формы — так называемого полудиалекта, утратившего под влиянием общенациональной нормы наиболее резко выраженные («примарные») диалектные признаки, могущие служить особенно существенным препятствием для междиалектного общения²⁷. К этому, в основном, сводит В. М. Жирмунский изложение своего представления о членении современного немецкого языка. Здесь нам вновь потребуется возвратиться к упомянутой лингвистической критике В. В. Виноградова. Дело в том, что относительно этих формулировок В. В. Виноградов заявляет, что в данном случае В. М. Жирмунский защищает схему, которая «существенно отличается от прежней его концепции» и которая была разработана при опоре «на опыт немецкой лингвистической школы акад. Т. Фрингса»²⁸.

В. М. Жирмунский очень высоко ценил заслуги лейпцигской школы акад. Т. Фрингса, исследования ее представителей Р. Гроссе, В. Флейшера, Г. Бельмана и др., в которых эти авторы ставят вопрос о социальной

²⁴ Там же, стр. 22.

²⁵ В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 23.

²⁶ См., например: В. М. Жирмунский, Проблемы социальной диалектологии; его же, Проблемы социальной дифференциации языка, сб. «Язык и общество», М., 1968.

²⁷ В. М. Жирмунский, Марксизм и социальная лингвистика, стр. 21.

²⁸ В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 24.

дифференциации диалектов и формулируют взгляды на структуру немецкого языка²⁹. Разделяя эти взгляды, В. М. Жирмунский одновременно делает уточнение, которое вносит существенное изменение в построение лейпцигских авторов, благодаря чему его собственная концепция приобретает иной вид и смысл. Дословно он говорит следующее: «Термин „полудиалект“ (Halbmundart) я предпочитаю ставшему за последнее время обычным в немецкой диалектологической литературе Umgangssprache („обиходный язык“), во-первых, ввиду двусмысленности этого последнего и непоследовательности его употребления; во-вторых, — потому, что первый термин характеризует присущее полудиалекту промежуточное положение между диалектом и разговорной формой литературного языка»³⁰.

Суммируя сказанное, попытаемся построить схему, которая может дать общее представление о концепции В. М. Жирмунского относительно структуры немецкого языка. Первоначально обратимся к составу промежуточной ступени между диалектом и литературным языком — Umgangssprache. Напомним, что в концепции немецких германистов эта ступень предстает в виде трехчастного образования — местный обиходно-разговорный язык, областной обиходно-разговорный язык и обиходно-разговорный язык образованных. Последний уровень (Umgangssprache), который, как мы уже отмечали, характеризуется вытеснением местных диалектов, в концепции В. М. Жирмунского исключался из этой «промежуточной ступени» и втягивался в сферу литературного языка, где он образовывал своеобразную составную часть его устной разновидности. Это отношение В. М. Жирмунский выразил следующими словами: «Следует добавить, что общенациональный литературный язык в устном разговорном употреблении в зависимости от конкретных условий исторического развития может быть слегка окрашен местными особенностями, как это наблюдается, например, в немецком или итальянском языках („gebildete Umgangssprache“) — „обиходный язык образованных“, согласно терминологии П. Кречмера»³¹.

Таким образом, сфера общенационального литературного языка приобретает в концепции В. М. Жирмунского иное содержание. Она охватывает «общенациональную норму», которая «представляется скорее идеальным предельным понятием, чем осуществленной действительностью», а также обиходный язык образованных, т. е. обиходную (разговорную) форму литературного языка³², которую он рассматривает в качестве «второго литературного варианта общенародного языка, выступающего с авторитетом общенациональной и социальной нормы...»³³.

Следовательно, В. М. Жирмунский резко раздвигал привычные границы литературного языка. Заметим, что попытки подобного подхода уже имели место и отдельные исследователи предлагали расширить норму литературного языка за счет включения в нее определенных, наиболее «высоких» форм Umgangssprache³⁴. Это обусловлено в первую очередь тем обстоятельством, что установленная норма практически отрывалась от возможностей реального воплощения, в особенности в сфере устной формы литературного языка, а сама норма языка, как определил ее

²⁹ См., например: В. М. Ж и р м у н с к и й, Проблема социальной дифференциации языков, стр. 25—27.

³⁰ Там же, стр. 26.

³¹ В. М. Ж и р м у н с к и й, Марксизм и социальная лингвистика, стр. 21.

³² Там же.

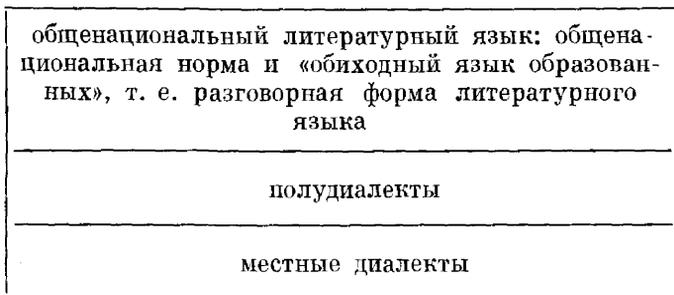
³³ В. М. Ж и р м у н с к и й, Проблема социальной дифференциации языков, стр. 29.

³⁴ См. об этом: S. Czichocki, I. Neudrich, H. Langner, указ. соч. стр. 113.

Я. Юхаз³⁵, становится «своеобразным эсперанто» для носителей языка. Тем не менее, сознавая это фактическое положение, исследователи оставляли «обиходный язык образованных», называемый нередко «литературным (верхненемецким) обиходно-разговорным языком» (hochdeutsche Umgangssprache)³⁶, в рамках схемы Umgangssprache.

Применительно к оставшимся двум ступеням этой сферы В. М. Жирмунский использовал термин «полудиалект» в качестве совокупного названия, а не только в отношении одной нижней ступени, т. е. местного обиходно-разговорного языка, как это делает А. Бах. Такое перераспределение ступеней Umgangssprache позволяет объединить в этой сфере более однородные языковые образования и, тем самым, ослабить давление гетерогенности ее состава. При этом, очевидно, имея в виду внутреннюю дифференциацию, которая, естественно, сохраняется между местным и областным обиходно-разговорным языками, заключенными в одну общую сферу полудиалекта, В. М. Жирмунский, используя определение В. Флейшера, подчеркивал, что «полудиалект» всегда обнаруживает известный «диапазон вариаций» (Variationsbreite)³⁷. Заканчивая рассмотрение форм, в которых существует современный немецкий язык, В. М. Жирмунский подчеркивал, что его строение напоминает пирамиду. «Основу пирамиды (низший уровень) образуют местные диалекты, в которых расхождения наиболее значительны и представляют наибольшую дробность; в полудиалектах (на среднем уровне) пирамида сужается как в смысле значительности расхождений, так и в смысле количества дифференцирующих признаков; в обиходной (разговорной форме) литературного языка, более или менее унифицированной (на высшем уровне), схождение еще больше, но в результате незавершенности процессов унификации пирамида остается усеченной и точка схождения (общенациональная „норма“) представляется скорее идеальным предельным понятием, чем осуществленной действительностью»³⁸.

Таким образом, схема структуры немецкого языка, как ее представлял себе В. М. Жирмунский, может иметь следующий вид:



В заключение остается сказать, что концепция В. М. Жирмунского не сводится только к энергичной защите, как полагал В. В. Виноградов³⁹, предложенной немецкими германистами схемы расслоения языка.

³⁵ J. J u h á s z, Zum Normempfinden von Schülern und Studenten, «Sprache und Gesellschaft» [«Schriften des Instituts für deutsche Sprache», 13], Düsseldorf, 1971, стр. 19.

³⁶ «Geschichte der deutschen Sprache», Berlin, 1969, стр. 145.

³⁷ В. М. Ж и р м у н с к и й, Проблема социальной дифференциации языков, стр. 27.

³⁸ В. М. Ж и р м у н с к и й, Марксизм и социальная лингвистика, стр. 21.

³⁹ В. В. В и н о г р а д о в, указ. соч., стр. 24.

В. М. Жирмунский, безусловно, делает это, но в оценках понятия форм существования языка он идет дальше своих коллег. Отличие во взглядах состоит, однако, не в простом «предпочтении» одного термина (Halbmundart) другому (Umgangssprache), как это говорит в одной из своих работ сам В. М. Жирмунский⁴⁰. Различие здесь не терминологическое, а сущностное. Так Р. Гроссе, хотя и высказывает сомнения в «прагматической ценности» термина «полудиалект» из-за того, что им подчеркивается недостаточная самостоятельность этой формы языка («полу»-диалект) и диалектный характер ее происхождения, все же соглашается поддержать терминологическое предложение В. М. Жирмунского в отношении всей сферы территориальных (местных и областных) обиходных языков, а не только применительно к ее низшему уровню, т. е. местным обиходным языкам, как это предлагал А. Бах⁴¹. В этом случае, подобно В. М. Жирмунскому, Р. Гроссе использует термин «Umgangssprache» для обозначения «обиходного языка образованных», который, однако, не входит в сферу литературного языка, а образует более или менее самостоятельный слой, представляющий собой «субстандартные элементы с собственными системными признаками»⁴². Таким образом, общность взглядов на термины здесь отнюдь не предполагает и не обеспечивает единства описания отношений между различными элементами структуры языка и определения их границ. Следовательно, необходимо подчеркнуть, что в различных публикациях на эту тему В. М. Жирмунским были высказаны оценки, суждения и заключения, совокупность которых, как мы пытались показать выше, формулирует концепцию, отражающую оригинальную сущностную интерпретацию структуры современного немецкого языка.

Лингвистической критике еще предстоит в полной мере оценить значение трудов В. М. Жирмунского для разработки данной проблемы. И это следует сделать сейчас, когда не только в нашей стране, но и за рубежом на передний план языковедческой науки выдвинулись социально-лингвистические направления, исследующие многообразные связи и роль языка в современном обществе, чем определяется рост интереса зарубежного языковедения к достижениям в этой области советской социальной лингвистики.

⁴⁰ В. М. Жирмунский, Проблема социальной дифференциации языков, стр. 26.

⁴¹ А. Бах, указ. соч., стр. 345.

⁴² Р. Гроссе, Die soziologischen Grundlagen von Nationalsprache und Literatursprache, Umgangssprache und Halbmundart, «Wissenschaft. Zeitschr. der Universität Rostock. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe», 6—7, 1969, стр. 509—510.

СКАЦЕЛ Й., ШУСТЕК Э.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЧССР

(по данным обследования Оставского
промышленного р-на)

В настоящей статье делается попытка осветить вопрос о современном состоянии использования русского языка в различных сферах социальной жизни народов ЧССР. Через посредство русского языка как языка межнационального общения народов СССР трудящиеся Чехословакии знакомятся с достижениями Советского Союза в области науки, техники, культуры. Известно, что самая богатая в мировой истории литература о беспримерном опыте общественно-политического, экономического и культурного строительства, просвещения представлена на русском языке. Он служит основным средством общения и сотрудничества чехов, словаков с представителями советских народов. Все это вызывает потребность в создании необходимых условий для успешного изучения русского языка в Чехословакии, а также в оказании помощи трудящимся ЧССР, желающим овладеть им. Важно выяснить, в какой помощи они нуждаются в процессе изучения этого языка и исследовать возрастающие тенденции расширения потребностей в знании его в условиях все углубляющейся социалистической экономической интеграции. Исследование проводилось на материале производственно-экономической сферы, характеризующейся очень интенсивным протеканием процессов социалистической интеграции.

Статья содержит синхронный анализ общественных функций русского языка, т. е. описание его общей общественной нагруженности в процессе функционирования в ЧССР.

При анализе были использованы некоторые результаты наблюдений и экспериментов, проведенных в 1975—1978 гг. на заводах наиболее развитой в промышленном отношении Оставской области, работающих по программе СЭВ¹. Ограничение объекта исследования только Оставской областью (на первом этапе работы) было, на наш взгляд, вполне правомерным. В ходе анализа были использованы социологические методы, модифицированные с учетом сбора, классификации и обобщения (интерпретации) лингвистического материала: а) исторический — при анализе документации (тысяча страниц текстов на русском языке по исследуемой тематике, составленных чехами и словаками); б) экспериментальный, называемый в социологии сравнительно-типологическим методом (наблюдения, анкетирование, интервью, эксперимент); в) статистический — сбор, обобщение и интерпретация количественных данных с помощью вычислительной машины; данный вид анализа всегда сочетался и с качественным анализом.² Наблюдения и эксперименты проводились во время самого обследования, осуществляемого в процессе практической языковой подготов-

¹ Подробные данные о подготовке и результатах исследования см. в «Бюллетенях Института русского языка при Педагогическом факультете в Оставе», 1—7, Острава, 1976—1978, а также в сборнике, посвященном международной конференции об исследованиях общественных функций русского языка («Общественные функции русского языка в развитии социалистической системы в Чехословакии», Острава, 1978 г.).

ки заводских специалистов; анкеты охватывали более широкий круг опрашиваемых, включающий не только слушателей курсов. На вопросы анкет² ответило в целом 619 чел. различных профессий, занимающих различное положение на заводах. Анкеты были использованы для выявления субъективно-объективной оценки роли русского языка в производственно-экономической сфере, а также его значимости, проявившейся в расширении его общественных функций. Ответы на анкеты дополнялись данными, извлеченными из бесед с ведущими представителями предприятий.

Исследование проводилось на следующих предприятиях: Тршинецкий металлургический комбинат им. Великой Октябрьской социалистической революции, Витковицкий металлургический комбинат им. К. Готвальда, Татра в Копршивнице, Дирекция Остравско-Карвинских шахт, Научно-исследовательский институт угольной промышленности в Остраве-Радваницах, Новый металлургический завод им. К. Готвальда в Остраве-Кунчицах, Научно-исследовательский институт металлургической промышленности в Добре и др. Качество наблюдений контролировалось социологами посредством методов статистики и логики. Решающую роль сыграло то обстоятельство, что члены коллектива, проводившего обследование, в течение длительного времени находились в контакте с названными предприятиями, поэтому при определении контингента опрашиваемых лиц они могли использовать методiku квот и типов³.

На вопросы одной из анкет ответили все ведущие специалисты и члены комиссий СЭВ, имеющих на упомянутых предприятиях; для остального персонала была проведена стратификационная выборка в зависимости от занимаемой должности на заводе и от степени участия в процессах социалистической экономической интеграции.

При анализе общественных функций русского языка нас интересовало следующее:

1. Расширение сферы использования русского языка как компонента общественных связей в производственно-экономической сфере в ЧССР на современном этапе социалистической экономической интеграции.

2. Различные аспекты приложения русского языка в этой сфере общественной коммуникации.

3. Наличие взаимосвязи между языковой подготовкой заводских кадров и целенаправленным использованием русского языка в производственно-экономической сфере.

На вопросы одной из анкет ответили 587 сотрудников 13 обследованных заводов. В их число входили 74 рабочих, непосредственно принимающих участие в производственных контактах с СССР, 103 представителя среднего технического персонала, 13 работников отделов по капитальному оборудованию, 157 работников отделов рационализации труда, отделов научно-технической информации, исследовательских центров, а также отделов рационализации и изобретения, 76 сотрудников плановых отделов, 51 работник отделов закупок и сбыта, 42 информанта были из отдела повышения квалификации кадров, 84 относились к различным отделам. Возрастной состав анкетирзуемых до 30 лет — 7%, 31—40—39%, 41—50—36%, свы-

² Тексты анкет, равно как и другая документация, полученная в ходе исследования, в той или иной мере использованы в данной статье.

³ На основании статистических данных было установлено, что величина основной выборки, необходимой для нашего исследования, достигает порядка 15 000 чел., т. е. все лица, принимающие участие в процессах социалистической интеграции на заводах и различных учреждениях (например, в министерствах, научно-исследовательских институтах ЧССР и т. д.). Поскольку Остравская область составляет десятую часть ЧССР, мы уменьшили это количество в 10 раз, доведя его до 1500 чел. Из указанного количества в соответствии с методикой квот и типов было отобрано 580 чел.

ше 50—16%; 85% анкетированных были представителями мужского пола; 92% имели среднее специальное и высшее образование.

Из полученных материалов следует, что почти все работники заводов Остравской области в той или иной мере владеют русским языком. В ЧССР русский язык преподается в качестве обязательного предмета в начальных и средних школах уже в течение тридцати лет; старшее поколение усвоило основы русского языка на Народных курсах изучения русского языка, некоторые продолжили свое образование в вузах, на различных курсах, а также путем самостоятельного изучения. Полученные данные обобщены в табл. 1.

Таблица 1

Знание русского языка получили	Количество ответов	%
только в школе (начальной, средней, высшей)	441	75
на Народных курсах по изучению русского языка до 1966 г.	10	2
в специализированной языковой школе	4	1
на курсах русского языка повышенной сложности	32	5
на курсах радио и телевидения	1	0
путем самостоятельного изучения	64	10
иным путем (окончили советский вуз, длительная командировка, нахождение семьи в СССР, происхождение членов семьи из СССР и т. д.)	35	7
Итого:	587	100

Знание русского языка и умение его применять в общественной коммуникации не зависят существенно ни от характера профессии, ни от занимаемого положения. В известной степени повышенное стремление к совершенствованию своих знаний в русском языке мы наблюдали у сотрудников отделов планирования, рационализации и изобретения, а также конструкторских бюро. Вместе с тем, среди рабочих можно еще найти отдельных лиц, никогда не изучавших русского языка.

Как оценивают сами трудящиеся степень своего владения русским языком, а также степень своего умения им пользоваться? 141 информант считает, что их школьные знания по русскому языку являются вполне достаточными для практического пользования русским языком. Однако из опрошенных информантов 391 (67,6%) высказал мнение, что знание русского языка, полученное в школе, либо полностью, либо в значительной степени является недостаточным для выполнения ими своей работы (55 чел. не ответили на этот вопрос). С помощью анкетирования также устанавливалось, как сами работники заводов оценивают необходимость владения русским языком и умения применить его в общественной коммуникации в производственно-экономической сфере как в ЧССР, так и во время командировок в СССР. Результаты обследования отражены в табл. 2. В ходе анкетирования не был зафиксирован ни один ответ, отрицавший значение русского языка в данной сфере.

Приведенные данные позволили нам сделать следующий вывод: вследствие того, что контакты между ЧССР и СССР приобретают все более конкретный характер, и в связи с тем, что все более целенаправленной становится деятельность СЭВ, использование русского языка все в большей степени отвечает конкретным потребностям общественной коммуникации в данной области. Знание русского языка, умение его применять в ходе сотрудничества трудовых коллективов чехов, словаков и советских гражд-

Таблица 2

Знание русского языка делает возможным	Количество положительных ответов	%
Обмен техническими новинками	338	57
Обмен опытом с СССР	305	52
Изучение развития науки и техники в СССР	157	27
Заимствование прогрессивного опыта у СССР	158	28
Участие в совместных научно-исследовательских программах в рамках СЭВ	140	24
Улучшение управления производством	210	36
Эффективное участие в международных конференциях, симпозиумах, выставках, комиссиях СЭВ	262	44

дан резко повышают значимость русского языка, являются мощным стимулом расширения его общественных функций в ЧССР. При этом, естественно, все более укрепляется и политическая значимость русского языка в жизни Чехословакии, обусловленная, прежде всего, единством общественно-политического строя, а также традиционными чувствами славянской взаимности, чувством благодарности за освобождение от фашистского ига. Поэтому на современном этапе следует рассматривать русский язык как политико-экономический фактор общественных связей, характерных для социалистического общества в ЧССР.

Большинство опрошенных лиц (70%) убеждено, что контакты между чехословацкими и советскими специалистами в производственно-экономической сфере особенно возросли после принятия комплексной программы СЭВ в 1971 г. Высказывается мнение о том, что эти контакты будут расширяться и приобретать все более конкретный и специализированный характер. При этом 382 чел. (65%) убеждены, что именно недостаточное знание русского языка, неумение отдельных лиц применять его на практике при контактах со специалистами из СССР служит причиной того, что эти контакты развиты еще не в полной мере. Указанные недостатки вряд ли могут быть устранены путем увеличения количества переводов технической литературы и документации на чешский язык или же числа переводчиков при устном общении (такая возможность допускается 55% анкетированных лиц). Большинство (72%) опрошенных считает, что публикация перевода технической литературы всего лишь год спустя после выхода оригинала (на деле эти сроки еще более продолжительны) приводит к отставанию, поскольку за время публикации перевода технической прогресс вновь уходит далеко вперед. 311 чел. (53%) отметили, что советская техническая литература им необходима, чтобы быть в курсе современного развития техники. Все приведенные ответы были нами проверены на практике и, по нашему мнению, соответствуют действительности. Контрольный характер носил, например, вопрос одной из анкет, целью которого было установить, насколько работники заводов конкретно (а отнюдь не в общих чертах) информированы об участии своего предприятия в выполнении программ СЭВ. Как было установлено, приблизительно 51% из числа опрошенных очень хорошо информированы, 28% информированы в такой степени, что могут оценить и роль, которую играет русский язык при выполнении этих программ. При анкетировании нам хотелось выяснить, в какой степени трудящиеся осведомлены об использовании советской техники на заводе, о применении советских технических новинок, что также

способствует возрастанию интереса к русскому языку. 44% опрошенных отметили, что чаще всего советская техника поставляется с технической документацией на русском языке, 69% из числа ответивших утверждают, что по количеству и качеству передаваемой научно-технической информации сразу же после чешского и словацкого языков идет русский язык. Техническая информация, получаемая из других социалистических (а иногда и капиталистических) стран, все чаще дается на русском языке.

Задавался также вопрос о том, насколько хорошо оснащены специальной литературой заводские и городские библиотеки, чтобы удовлетворить интерес трудящихся к советской технической литературе. Из ответов работников библиотек и трудящихся следовало, что советская техническая литература в этих библиотеках представлена достаточно широко и постоянно пополняется. Однако, как показал опрос, а также непосредственное выяснение состояния информационной работы на заводах, использование указанной литературы отстает от существующих потребностей.

Обмен научно-технической информацией между чехословацкими и советскими трудящимися все более широко осуществляется и при непосредственных контактах. Данные, полученные в результате анкетирования, убеждают в том, что большое число участников с чехословацкой стороны (290 чел., т. е. 58%) во время подобных контактов могут пользоваться русским языком. Проверка, проведенная непосредственно на заводах, показала, однако, что эти данные являются преувеличенными. На одном крупном заводе нами было установлено, что еще в 1975 г. из 2500 работников лишь 20 могли вести деловые дискуссии с советским партнером без помощи переводчика. За время, прошедшее с тех пор, данная ситуация изменилась благодаря деятельности заводских курсов русского языка повышенной сложности, организованных непосредственно при заводе.

В знании русского языка и умении им пользоваться больше всего заинтересованы члены комиссий СЭВ, участники международных конференций и симпозиумов. В опросе, проведенном на основе одной из анкет, приняло участие 56 членов комиссий СЭВ и 300 чел., регулярно участвующих в работе международных конференций и симпозиумов. Из них 290 чел. утверждают, что могут слушать доклады на русском языке без перевода. Дело, действительно, обстоит именно так, поскольку знание деловой, технической сущности проблемы помогает преодолеть трудности, вызванные недостаточным владением языком. Вместе с тем этот недостаток не может не препятствовать активному участию чехословацких представителей в беседах и дискуссиях в ходе заседаний. 212 опрошенных из 300 утверждают, что они могут говорить со своими коллегами по-русски. Однако данные, полученные нами непосредственно на заводах, свидетельствуют о том, что подобными знаниями располагают лишь выпускники советских вузов, а также некоторые слушатели курсов русского языка повышенной сложности. Справедливость сказанного подтверждает и тот факт, что, по данным одной из анкет, 486 чел. (71%) утвердительно ответили на вопрос, считают ли они необходимым продолжить совершенствование своих познаний в области русского языка.

Анализируя проведенные наблюдения и эксперименты, можно выделить следующие области использования русского языка в развитии общения в производственно-экономической сфере:

А. Техническая (административная) обработка русских текстов, т. е. прежде всего их перепечатка на пишущей машинке с русским шрифтом, оформление этих текстов в соответствии с принятыми нормами.

Б. Чтение советской технической и специальной литературы с целью рационализации, модернизации производства.

В. Изучение советской технической документации, необходимой при усовершенствовании производственных процессов, строительстве заводов и их оснащении советской техникой или техникой из стран СЭВ.

Г. Устное и письменное использование русского языка в ходе личных и деловых контактов с советскими специалистами, учреждениями, при экспорте и импорте, при совместной модернизации заводов, строительстве новых производственных мощностей, при устном и письменном обмене опытом, на лекциях и в дискуссиях, во время служебных командировок.

Д. Работа в комиссиях СЭВ, участие в конференциях и симпозиумах.

Проведенные нами наблюдения позволяют прийти к выводу о том, что лишь для типов Б и Г использования русского языка в производственно-экономической области существует система эффективной подготовки, соответствующей потребностям данной сферы. Так, например, подготовка для типа А (перепечатка на русской машинке) пока что еще полностью зависит от личной инициативы сотрудницы, для типов В и Г формы подготовки еще находятся в стадии поиска. Однако и в тех случаях, когда формы подготовки уже разработаны, все же возникают свои проблемы. Необходимо, чтобы специалисты не только умели читать по-русски специальную литературу, т. е. имели представление о новинках, но и чтобы при случае они могли использовать прочитанное в своей конкретной деятельности. Для этой цели необходимо более тщательно и точно изучать текст с тем, чтобы получить так называемый инструментальный перевод, в соответствии с которым можно было бы работать, управлять производством и т. д.

Меньше всего разработана система подготовки таких специалистов, которые могли бы изучать советскую техническую документацию и применять ее в своей работе. Некогда было распространено мнение, что человек, знающий техническую сущность проблемы, может разобраться в документации, не владея русским языком (и в ответах на анкеты в отдельных случаях зарегистрирована подобная точка зрения). Однако постепенно на практике подтверждается важность использования русского языка и в этой коммуникативной области производственно-экономической сферы, так как в соответствии с технической документацией обеспечиваются поставки, вырабатывается график работ, строятся и модернизируются заводы, вырабатывается продукция. Информация, получаемая в результате изучения советской документации в оригинале, должна быть адекватной информации, получаемой в результате изучения текста на родном языке.

При изучении советской технической документации в оригинале возникает целый ряд вопросов. Так, например, обсуждается вопрос, не целесообразнее было бы предоставлять заводам лишь переводы советской технической документации. Последнее, разумеется, вполне возможно. По мере возрастания кооперации между советскими и чехословацкими предприятиями возрастает и количество различного рода контрактов, поставок, технических совещаний, подготовка которых должна была бы осуществляться непосредственно на заводах, поскольку только там можно выявить специфику этих мероприятий. Вместе с тем при возрастающем количестве контрактов затруднительно обеспечить перевод всей документации на чешский язык.

На заводах Остравской промышленной области, как и в ЧССР в целом, увеличивается число всевозможных устных и письменных контактов с советскими специалистами. Сопоставление ответов одной из анкет свидетельствует о том, что большинство лиц, принимающих активное участие в этих контактах, занимается совершенствованием своих познаний в области русского языка (264 из 290). Приведенный выше тип Г включения

русского языка в общении отличается от типов А — В тем, что в нем более равномерно проявляются все три компонента духовного общения, т. е. коммуникация, или же обмен информацией, интеракция, или же взаимодействие в социальных группах, в ходе которого при посредстве языка возникают и укрепляются социальные связи, и, наконец, фацилитация, или же взаимная координированность, взаимовлияние в процессе деятельности, приводящее к общественно полезным результатам. В типах А — В преобладает коммуникация, более или менее тесно связанная с фацилитацией⁴.

Изучая интеракционное воздействие русского языка в данном типе общения, мы наблюдаем две тенденции:

1) Чешские партнеры недооценивают необходимости овладения русским языком и пользуются так называемым «славянским языком», т. е. в Остравской области это смесь чешского, словацкого и польского языков (Остравская область граничит с Моравией, Словакией и ПНР). При этом в большинстве случаев имеет место коммуникация (обмен информацией протекает с определенными трудностями и деформациями; на основе этой информации в целом успешно может происходить и фацилитация); впрочем, более существенные нарушения отмечаются в интеракции, поскольку в трудовых коллективах медленнее устанавливаются социальные связи (советские участники приспосабливаются к языку своих партнеров).

2) Необходимо преодолеть указанный психологический барьер, т. е. случаи, когда чехословацкие партнеры «стесняются» разговаривать со своими советскими коллегами, преувеличивая несовершенство своего владения русским языком. Поэтому слушатели курсов часто высказывают пожелание совершенствовать знание русского разговорного языка.

Особо следует рассмотреть ситуацию в Г-типе общения в сфере деловой и полуофициальной корреспонденции. По сведениям, полученным с крупных остравских заводов, в настоящее время с предприятий в СССР отсылается в среднем около 15—20 страниц машинописного текста в месяц; аналогичное количество поступает и из СССР. Однако лишь некоторые участники Д-типа общения могут составить деловое письмо на русском языке. В большинстве своем это специальные переводчики, занимающиеся устным и письменным переводом, а также выпускники советских вузов. Специальное обучение составлению деловых писем, по нашим сведениям, не проводится.

В Д-типе общения необходимо знать русский язык в следующем объеме: а) понимать доклады и вести дискуссию на русском языке, вести корреспонденцию, связанную с участием в международных мероприятиях — все это, собственно, относится и к Г-типу связей и представляет собой обязательный минимум, необходимый для участия в международных заседаниях; б) желательно, разумеется, уметь пользоваться русским языком во время неофициальных бесед, уметь включаться в группы участников мероприятия, помимо заседаний, уметь по-русски вести разговор по телефону, составлять телеграммы, писать (неофициальные и полуофициальные) письма; впрочем, и это умение не является специфическим только для данного типа общественных связей; в) для этого типа характерно умение выступать на международных мероприятиях с собственными докладами, необходимо умение принять участие в дискуссии на русском языке, умение составлять и формулировать итоги конференций и заседаний, т. е. нужно

⁴ О терминах «коммуникация», «интеракция», «фацилитация» в указанном выше понимании см.: И. С к а ц е л, Теория общественных функций языка при социализме, «Бюллетень Института русского языка при Педагогическом факультете в Остраве», 1978, стр. 5 и сл.

владеть так называемым языком документов. Этот вид подготовки только начинает развиваться.

До сих пор мы не касались пока еще спорадического, однако в будущем перспективного типа общественных контактов, возникающего в процессе работы больших групп чехословацких трудящихся в СССР. Институт русского языка при Педагогическом факультете в Остраве провел анкетирование среди строителей Оренбургского газопровода, в сооружении которого участвуют как советские, так и чехословацкие специалисты, с целью выявить оценку уровня предварительной подготовки работников по русскому языку перед отъездом в СССР и степень использования этих знаний во время пребывания в СССР. Количество обследованных лиц было относительно невелико (39 информантов). 24 из 39 единодушно заявили, что их языковая подготовка была недостаточной (лишь трое считали, что такая подготовка является излишней). Из большинства ответов следовало, что в данном виде общественных контактов знание русского языка является необходимым не столько в трудовой деятельности, сколько во вне-рабочее время, т. е. в той части общения, которую мы определили, как интеракцию.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Распространение русского языка в производственно-экономической сфере соответствует потребностям социалистической экономической интеграции.

2. Анализ типов общественных контактов, характеризующихся использованием русского языка, свидетельствует о том, что применение русского языка в производственно-экономических процессах становится все более конкретным, русский язык становится важным как политическим, так и экономическим фактором социалистической экономической интеграции.

3. Этим потребностям должны соответствовать и формы подготовки специалистов с тем, чтобы полученные навыки использования русского языка гармонировали с потребностями, характерными для отдельных типов общения. С этой целью необходимо провести специальный лингвистический анализ полученных результатов, но это уже предмет другого нашего исследования.

Перевела с чешского Г. П. Нецименко

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ГУБАЧЕК Я.

О ТРАДИЦИИ В ИЗУЧЕНИИ СЛЕНГА В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

Язык как самый совершенный инструмент общения выполняет свою коммуникативную функцию не только в качестве литературного языка; в современном обществе, характеризующемся все более углубляющейся дифференциацией как трудовой деятельности, так и сферы интересов людей, используются и нелитературные формы и пласты языка, к числу которых мы относим и сленги. Научное изучение сленгов обычно проводится в рамках так называемой «социальной диалектологии». Термин «сленг» впервые появился примерно в середине XVIII в. (по мнению некоторых лингвистов, раньше — уже в XVI в.) в Англии и первоначально обозначал «вульгарный язык». Весьма вероятно, что этот термин восходит к английскому (*s)language (soldier's language* «язык, речь солдат»); в лингвистической литературе приводятся и другие интерпретации (например, Э. Парtridge или М. М. Маковского)¹.

В чешской лингвистической традиции до сих пор отсутствует точное, окончательное и однозначное определение сленга. Отсутствие единообразия в понимании содержания и сферы употребления этого лингвистического понятия связано и с наличием, наряду с термином «сленг», ряда других терминов («социальный диалект», «общественный диалект», «специальный диалект», «групповой диалект», «общественная речь», «трудовая речь» и т. д.), более или менее синонимичных или же по-разному понимаемых различными авторами. В нормативной чешской грамматике² под сленгом понимается набор определенных специфических названий и оборотов, используемых, помимо соответствующей терминологии, в повседневном общении членов коллектива, объединяемых по виду труда или же по роду занятий. Возникновение этих специальных обозначений и оборотов, называемых обычно сленговыми названиями, обуславливается деловыми или же экспрессивными факторами. В отличие от общелитературной лексики за пределами данного коллектива (нередко это специфическая среда) они не используются вообще или же используются в ограниченной степени.

Появление сленговых названий в плане номинации (ономазиологии) мотивируется как потребностью обозначить новые явления действительности, так и намерением по-новому назвать явление, уже имеющее свое

¹ E. Partridge, *Slang today and yesterday*, London, 1935; М. М. Маковский, Языковая сущность современного английского сленга, «Ин. яз. в шк.», 1962, 4.

² В. Наврәнек, А. Једлічка, *Ceská mluvnick*, Praha, 1970, § 5 и § 213.

обозначение. Последнее бывает продиктовано стремлением отразить с помощью языковых средств все разнообразие эмоциональной жизни. Данная вариативность может быть истолкована как результат поиска оригинального, актуализованного средства выражения, стремления к необычности средств выражения. Обе мотивировки непосредственно связаны со значительной, все возрастающей специализацией человеческой деятельности. В современном языке сленговые названия представляют собой специфический, отнюдь не малозначачий компонент словарного состава или же фразеологии национального языка.

Что касается формальной структуры сленга, то здесь мы наблюдаем лишь очень незначительные отличия: увеличенная частотность некоторых синтаксических схем, склонность к эллиптичности в синтаксисе, некоторые звуковые альтернативы в фонетике, использование прогрессивных форм в морфологии. Указанная специфичность обуславливается, впрочем, скорее устной формой неофициальных или же полуофициальных высказываний, поэтому ее нельзя приравнивать к совершенно очевидному своеобразию в области лексики.

Употребительность и частотность сленговой лексики как специфического компонента современного языка документируются и в современных лексикографических трудах: многие слова (хотя неполно и несистематично) фиксируются не только в «Настольном словаре чешского языка», но и в нормативном «Словаре литературного чешского языка» (в последнем приведено примерно 2460 сленговых названий, выявленных в 79 сферах).

Интерес к сленгам обусловлен еще и тем обстоятельством, что сленговые названия проникают в сферу публичных выступлений, чаще всего профессиональных и публицистических. В связи с тем, что с точки зрения правильности языка (кодификации нормы) данное явление в большей или меньшей степени нежелательно, возникает определенная «напряженность» между сленгами, с одной стороны, и литературным языком, с другой³. Вследствие указанных причин, а также необходимости комплексного подхода к языку проблематика сленгов и их коммуникативного использования привлекает внимание современной лингвистики.

В чешской литературе сленг обычно сравнивается с другими формами существования национального языка, чаще всего с территориальными диалектами. Причиной этого является предполагаемое сходство изучаемых явлений языка. В результате подобного сопоставления делается прежде всего вывод о недостаточной разработанности приемов исследования сленга — последнее обуславливается спецификой сленга как составной части национального языка. Упомянутая специфичность заключается прежде всего в следующем: а) сленги представляют собой относительно новые образования⁴, для исследования которых не всегда достаточно традиционных лингвистических методов, обычно заимствуемых из «классической» диалектологии; б) сленги представляют собой так называемые неструктурные языковые образования (их своеобразие проявляется только в словарном составе), в которых большую роль, чем в диалектах, играют внеязыковые факторы (социальные и психологические); в) речь идет об исследовании языковых явлений, характеризующихся в ряде отношений

³ Примером этого является «Семантический словарь наиболее распространенных профессиональных понятий, сленговых выражений и сокращений из области работы телевидения Чехословакии в Праге», («Významový slovník běžnějších odborných pojmů, slangových výrazů a zkrátek z oblasti provozu ČST v Praze», skriptum Univerzity Karlovy v Praze, 1978).

⁴ Время возникновения отдельных разновидностей сленга не является одинаковым. К числу наиболее ранних относятся у нас сленг охотников, возникший еще в средние века и характеризующийся значительным своеобразием и относительной стабильностью.

значительной вариативностью. В справедливости сказанного убеждает, например, сравнение, с одной стороны, сленга спортсменов, студентов, военных и, с другой стороны, рыбаков, шахтеров и т. д. Сказанное является естественным результатом неодинаковой динамики развития и различной степени специализации; г) сбор языкового материала, необходимого для практического изучения некоторых видов сленга, нередко сопряжен со значительными трудностями, поскольку не все отрасли, интересные в языковом отношении, в равной степени доступны для наблюдения; помимо овладения профессиональной терминологией, необходимо и детальное знание специфики данного трудового коллектива или группы людей, объединенных общностью интересов; д) речь идет об изучении языкового пласта, реализуемого не всегда идентичной структурной формой существования национального языка; е) зачастую объектом исследования является и сфера экспрессивного выражения⁵.

Традиция изучения сленгов, характерная для чешской науки, нашла свое воплощение и в общетеоретических работах (А), и в работах, посвященных частной тематике — средством языкового выражения в пределах определенной среды (Б).

А. Теоретическая интерпретация проблематики сленгов изложена как в нескольких монографических статьях, так и в теоретических исследованиях более широкой направленности. В качестве исходной и основополагающей публикации в чешской специальной литературе рассматривается статья Фр. Оберпфальцера «Арго и сленги»⁶, в которой, однако, сущность сленга специально не выявляется; сленги здесь трактуются, как «сословное расслоение устного чешского языка». Помимо арго, Оберпфальцер сосредотачивает свое внимание прежде всего на студенческом жаргоне (отдельно он останавливается на характеристике студенческих поговорок, грамматических примет и заимствованных элементов); далее он приводит сленги военных, охотников, спортсменов, а также сленговые элементы, встречающиеся в речи представителей некоторых профессий (рыбаков южной Чехии, плотогонов, шахтеров, официантов, работников искусства, бродячих музыкантов Моравии, картежников).

Фр. Травничек считает название «сленг» чуждым, «не вполне общепринятым», поэтому использует синонимичные термины «общественные, специальные диалекты» и «диалекты определенных слоев»⁷ и характеризует их с учетом причин, приводящих к языковой дифференциации представителей различных общественных слоев нации (имеются в виду сленговые особенности). К числу подобных причин, по его мнению, относятся следующие: «неодинаковая потребность в средствах выражения для обозначения реалий, особое восприятие существа некоторых реалий, известных и другим носителям языка, различная эмоциональная настроенность, различное эмоциональное отношение говорящего к лицам или же предметам, стремление некоторых общественных слоев к необычности их речи, к тому, чтобы их речь не была понятной для представителей других слоев» (эту «речь» он называет тайной или же арго), а также «стремление к специфичности, лаконичности и экономичности средств выражения». Вместе с тем Травничек отмечает и такую особенность сленга, как его неструктурность: «общественные диалекты характеризуются специфичностью средств выражения, главным образом, лишь в словаре. Что же касается грамматики, то их носители говорят либо на народном диалекте, либо на

⁵ Термин сленг объясняет также И. Р. Гальперин в статье «О термине „сленг“», ВЯ, 1956, 6.

⁶ F. Oberpöföalcer, Argot a slangu, «Československá vlastivěda» III, Praha, 1934, стр. 311 и сл.

⁷ Fr. Trávníček, Úvod do českého jazyka, Brno, 1948, стр. 27 и сл.

диалекте литературном» (оставляем без комментария термин Травничка «литературный диалект»).

Подобно Травничку квалифицирует сленг и диалектолог А. Кельнер⁸. Он употребляет термин «диалекты определенных слоев» (общественные, социальные) и определяет их как «наборы средств выражения, отличающиеся в результате действия определенных общественных факторов носителей национального языка друг от друга и используемые определенными слоями общества, выделяемыми, как правило, на основе классового признака». В отличие от территориального диалекта, сленги, по его мнению, характеризуются следующими особенностями: а) они не имеют своей собственной грамматической структуры и основного словарного фонда; «их отличает прежде всего наличие набора специфических средств выражения»; б) «они лишены какой бы то ни было языковой самостоятельности» (в их основе находится национальный язык), «и, таким образом, они обречены на постепенное вымирание»; в) их употребление «всегда связано лишь с определенным кругом лиц» (более или менее замкнутыми общественными группами); г) «по отношению к национальному литературному языку они в полной мере сохраняют свою исключительность, стремятся сохранить свое отличие от него» — сказанное распространяется на «изолированные слои общества»; д) «собственно социальный диалект не является единственной речевой формой своих носителей».

Далее Кельнер называет основные типы социальных диалектов: 1) язык людей по профессии (у шахтеров, крестьян, рыбаков южной Чехии, специалистов по кастрированию животных), где «языковое своеобразие совершенно естественно обусловлено реальными потребностями говорящих»; 2) по роду занятий, когда образование названий обусловлено «своеобразным эмоциональным отношением к лицам и вещам...» (у студентов, спортсменов, охотников). Для обозначения данного типа он использует термин «сленг»; 3) язык людей, изолированных в обществе — жаргон//арго//тайная речь. Одновременно Кельнер дает характеристику сленга и арго (в отличие от речи представителей различных профессий), акцентируя то, что новые названия в них образуются не только на месте терминов, но и на месте обозначений нетерминологического характера.

Из концепции Кельнера исходят авторы других работ, в особенности посвященных определению термина «сленг» в узком смысле слова (наряду с арго и «социальным диалектом»); необходимо, однако, отметить, что современная языковая практика полностью опровергает прогноз Кельнера о вымирании сленгов.

Общей проблематикой сленга занимается и словацкий лингвист Л. Двонч⁹, который обобщает имеющиеся результаты, опираясь при этом и на выводы, сделанные советским лингвистом А. С. Чикобава; Двонч предлагает термин «жаргон»¹⁰ в качестве обобщенного обозначения сленга и арго.

Из концепции Кельнера исходит и Бр. Коудела¹¹, который, наряду с терминами «сленг» и «жаргон», по-новому использует термин «профессиональный диалект» или же «сословные языки»: сленг и жаргон отличаются от сословных языков тем, что в них наблюдается намеренная деформа-

⁸ A. K e l l n e r, «Úvod do dialektologie», Praha, 1954, стр. 74 и сл.

⁹ L. D v o n č, K otázke sociálnych nárečí, SaS, XVIII, 1957, стр. 180 и сл.

¹⁰ Среди словацких языковедов, помимо Л. Двонча, проблематикой сленга особенно интересуются Я. Мистрик, М. Урбанчик, Р. Шнек, П. Ондрус, Шт. Криштоф и А. Габовштак.

¹¹ B. K o u d e l a, O tzv. nářečích sociálních, «Sborník Pedagogického institutu v Ústí nad Labem», 1960.

ция лексических средств. Подобная оценка представлена и в вузовском учебнике «Развитие чешского языка и диалектологии»¹².

И. Филипец различает сленг трудовой (профессиональный), групповой и жаргон¹³. Б. Тема пользуется терминами «речь рабочая (профессиональная), групповая и тайная (арго)»¹⁴.

Я. Хлоупек характеризует сленги, как «специальные словарные или же фразеологические слои»¹⁵, и классифицирует их на профессиональную речь, сленг и арго. Под профессиональной речью Хлоупек понимает речь групп служащих, «которые в ходе трудового процесса или же при выполнении служебных обязанностей употребляют термины или терминологические словосочетания (безотносительно к тому, являются ли они литературными или же нет) только лишь в силу экономичности их плана выражения, в большинстве случаев играет также роль и однозначность их употребления в данном трудовом контексте, немаловажным нередко является и влияние традиции. Все это отличает профессиональную речь от сленга, в котором, по мнению Хлоупека, образование специфических наименований основывается на языковой игре.

Сопоставляя взгляды цитированных выше авторов, мы видим, что термин «сленг» ими понимается неодинаково: у Оберпфальцера и Травничка в него вкладывается самое широкое содержание, у Кельнера рассматриваемый термин обозначает лишь средства выражения, используемые в коллективах, объединяемых общностью рода занятий; Филипец вновь возвращается в интерпретации термина «сленг» к концепции Травничка (сленги профессиональные и групповые), Хлоупек следует за Кельнером, однако предлагает новое определение.

Детальный анализ понятия «сленг» дает Л. Климеш¹⁶. После весьма обширного перечня терминов, используемых отдельными авторами, отечественными и зарубежными (приводится также указатель терминов, включающий около 70 названий), Климеш предлагает свой набор терминов, мотивируемый теми условиями и обстоятельствами, в которых протекает языковая коммуникация. К их числу относятся: а) сленговые слова, применяемые в повседневном обиходе; б) сленговые слова, применяемые преступниками. В качестве комплексного, семантически «наиболее компактного» названия Климеш рекомендует термин «социальная речь», дифференцируя последнюю на сленг и арго. Сленг им определяется, как «нелитературная языковая форма, функционально связанная с трудовой деятельностью или же интересами определенной группы, оцениваемой обществом положительно или же нейтрально; для словарного состава данной языковой формы характерно наличие нелитературных лексических единиц, связанных с профессией или кругом интересов, а для синтаксиса — одинаковая или же повышенная частота некоторых синтаксических явлений, встречающихся в литературном и нелитературном чешском языке, в особенности эллипсисов и односоставных предложений» (стр. 22). Сленг, в свою очередь, Климеш подразделяет на профессиональ-

¹² Su ř í n a kol., *Vývoj českého jazyka a dialektologie*, Praha, 1961, стр. 164 и сл.

¹³ J. Filip ec, «Česká synonyma z hlediska stylistiky a lexikologie», Praha, 1961, стр. 278 и сл.

¹⁴ B. T é m a, *Mluva studentů východního Těšínska*, «Acta Palachého Univerzity v Olomouci. Philologica», XVII, 1966, стр. 14.

¹⁵ J. Ch lo u p e k, *Aspekty dialektu*, Brno, 1971, стр. 19; е г о ж е, *O sociální a územní rozdílnosti češtiny*, «Naše řeč», 52, 1969, стр. 141 и сл.

¹⁶ L. Kl i m e š, *Príspevek k poznání západočeského slangu, habilitační spis*, Karlova univerzita, Praha, 1969 (рукопись); аналогичная оценка указанной работы Климеша содержится и в статье В. Крштекка «Poznámky k problematice argotu a slangu», «Slovo a slovesnost», XXXIV, 1973, стр. 98 и сл.

ный (имеющий преимущественно коммуникативную функцию, эмоциональные элементы находятся на заднем плане) и групповой (в котором, наряду с коммуникативной функцией, выразительно проявляются и элементы эмоциональные).

На необходимость четкого различения профессиональных сленговых слов обращает внимание и акад. Б. Гавранек¹⁷. Этому требованию отвечает точка зрения М. Хуравы¹⁸, различающего два слоя сленговой лексики: 1) профессиональная лексика, используемая по объективным причинам при выполнении определенных видов профессиональной деятельности (данная лексика, как правило, имеет номинативное значение) и 2) лексика экспрессивная, которая, наряду с профессиональными понятиями, обозначает и понятия непрофессиональные и у которой оценочная функция (фиксирующая отношения) доминирует над функцией вещественного наименования. Более подробно эта проблема освещается автором данной статьи в работе «К сленговым обозначениям по роду занятий и профессии»¹⁹.

Таким образом, в литературе по богемистике общий подход к сленгу развивается в направлении (по крайней мере, в теоретическом аспекте) дифференциации сленга на профессиональный и по роду занятий (групповой). Вместе с тем с очевидностью обнаруживается непригодность термина «диалект + имя прилагательное» — причиной этого служит укоренившееся представление о так называемом структурном языковом образовании, каковым сленг не является из-за неполноты либо очень большой ограниченности грамматических средств. Все авторы со всей определенностью характеризуют арго как пласт средств выражений, намеренно индифферентных, полужающих, как правило, негативную оценку общества.

Мы можем предложить такое определение сленга: сленг является неструктурным компонентом национального языка, представляющим собой нелитературный пласт специальных обозначений, используемых в обиходном (чаще всего полуофициальном и неофициальном) общении людей, занятых в одной и той же сфере трудовой деятельности или имеющих идентичную сферу интересов. Сленг используется как для удовлетворения специфических потребностей языковой коммуникации, так и в качестве средства, фиксирующего принадлежность к определенной среде. Данная точка зрения учитывает и результаты исследований, содержащих обобщение и оценку отдельных видов средств выражения, присущих сленгу: со всей очевидностью было установлено, что в неофициальных языковых сообщениях в одной и той же трудовой среде часто используются и обозначения, мотивируемые не только стремлением к экономичности и однозначности средств выражения (сленговые названия номинативного характера), но и игрой слов, и наоборот: коммуникация по роду занятий зачастую предполагает учет не только мотивировки через языковую игру или же через специфическое эмоциональное отношение к лицам и предметам. В немалой степени это является и следствием того факта, что в современном обществе все больше стираются границы и различия между деятельностью чисто трудовой, с одной стороны, и деятельностью, связанной лишь с определенными интересами людей; существует целый ряд видов деятель-

¹⁷ См.: В. Н а в р а н е к, редакционный комментарий к статье Я. Губачек в журнале SaS, XXXVI, 1975, стр. 109.

¹⁸ М. С h u r a v ý, O slangu v městské dopravě, «Naše řeč», 58, 1976, стр. 98.

¹⁹ В подготавливаемом издании «Sborník filozofické fakulty Univerzity Komenského v Bratislavě. Philologica», Bratislava, 1979.

ности, являющихся для одних трудом, профессией, для других — областью интересов (это касается, например, музыкантов, рыбаков, автомобилистов и т. д.). Подобное положение отражается и в существующей лексикографической (словарной) практике²⁰.

Б. Непосредственный интерес лингвистов к сленгам как к формам существования языка *suī generis* можно наблюдать в богемистике примерно лишь с конца двадцатых годов XX в., описание отдельных видов сленга, таким образом, не имеет длительной традиции. Авторы таких работ стремятся прежде всего зафиксировать, систематизировать, дать лексическую интерпретацию сленговых названий; несколько позже появляются и работы, содержащие более глубокую лингвистическую интерпретацию, в особенности попытки выявить мотивировку и ономаσιологические приемы или же частотность сленговых названий и их функциональное использование. К числу данных работ нередко относятся специальные статьи, различные по объему, опубликованные в сборниках и специальных журналах, несколько реже монографические исследования; для изучения сленгов важны и некоторые дипломные работы, выполняемые на многочисленных кафедрах богемистики философских и педагогических факультетов Чешской Социалистической Республики.

Для исследования чешских сленгов основной и исходной работой является статья Ф. Обершфальцера-Йилка «Арго и сленги». Однако уже до этого были опубликованы небольшие по объему работы Е. Рипла о студенческом жаргоне²¹ и о проблематике сленга и арго.

Первым монографическим исследованием сленга является работа В. Кршестека «Шахтерский язык Остравы» («Ostravská hornická mluva», Прага, 1956). Наряду с изложением важнейшей лексики, систематизированной в виде 14 семантических разрядов, автор рассматривает речь шахтеров в широко понимаемом лингвистическом и внелингвистическом контексте. Шахтерского сленга касается и работа Э. Калисты «Образец шахтерской речи в Прибрамском крае» («Ukázka hornické mluvy na Příbramsku», Příbram, 1964). В статье «Профессиональная лексика гончаров в Кликове в Тршебоньском крае» («Profesionální hrnčířské výrazy v Klikově na Třeboňsku», «Naše řeč», 45, 1962, стр. 239 и далее) А. Камши рассматривает сленговую лексику гончаров. Б. Зимовой в монографии «Сленг плотогонов пражского Подскалья» («Voraňský slang pražského Podskalí», Rozpravy CSAV, 75, 7, Praha, 1965) удалось зафиксировать, систематизировать и интерпретировать ныне уже исчезнувший сленг плотогонов. Автор исследует условия возникновения словарного состава плотогонов, отношение сленга плотогонов к национальному языку, к различным его формам, а также к немецкому языку. Б. Зимова рассматривает словообразование и эволюцию семантики слов в данном сленге. С другой стороны, автор дает систематизированное описание словарного состава сленга плотогонов в рамках семантических разрядов «вода — река», «берег», «плот», «навигация», «профессия».

Изучением сленгов и их описанием занимается и Б. Тема. Мы имеем в виду как монографические исследования «Речь металлургов в Богуминском и Кравинском краях» («Mluva hutníků na Bohumínsku a Karvinsku»,

²⁰ Аналогичное звучание имели и доклады, а также выступления в дискуссии участников первой общегосударственной конференции по проблемам сленга и арго, проходившей в Пльзене в сентябре 1977 г., на которой выступили Й. В. Бечка, Фр. Пуржиш, Я. Губачек, М. Хуравый, С. Утешеный, Л. Климеш, Я. Ржигова, П. Ондрус, Ш. Криштоф, А. Габовштяк (ЧССР), Ц. Карастойчева (НРБ). Работа этой конференции отражена в кн.: «Sborník přednášek z konference o slangu a argotu v Plzni», Pedagogická fakulta v Plzni, 1978.

²¹ См., например, статью: E. R i p p l, Zur tschechischen Studensprache, «Slavistische Schulblätter», II, 1928, Hf. 2—3, стр. 23 и сл.

Praha, 1958) и «Речь студентов восточного Тешинска» («Mluva studentů východního Těšínska», «Acta Palackého Univerzity v Olomouci. Philologica», XVII, Praha, 1966), так и его журнальные статьи «Речь железнодорожников в северном Тешинске» («Mluva zaměstnanců železnic na severním Těšínsku», «Časopis Slezského muzea», XVIII, 1969)²². В отличие от остальных авторов Тема изучает и описывает также грамматические особенности сообщений, включающих сленговую лексику.

Краткое описание театрального сленга дает М. Хуравый в статье «Театральная речь» («Divadelní mluva», «Prace filologiczne», Warszawa 1976, стр. 249—254).

Большой интерес к исследованию сленгов проявляет Л. Климен; в поле его зрения находится среда шахтеров, почтовых служащих, студентов и железнодорожников — мы имеем в виду в особенности статьи «Шахтерский сленг на шахте „Защитников мира“ и на шахте „Кримих“» («Hornický slang na Dole obránců míru a na Dole Krimich», «Minulostí Západočeského kraje», VIII, 1971, стр. 181—194), «Сленг почтальонов в Пльзене» («Poštovní slang v Plzni», «Sborník Pedagogické fakulty v Plzni. Jazyk a literatura», XI, стр. 23), «Сленг учащихся горных, почтовых и железнодорожных училищ в западной Чехии» («Slang hornických, poštovních a železničních učňů v západních Čechách», «Sborník Pedagogické fakulty v Plzni. Jazyk a literatura», X, 1971, стр. 11—45), «Сленг пльзенских студентов» («Slang plzeňských studentů», «Sborník Pedagogické fakulty v Plzni. Jazyk a literatura», IV, 1964, стр. 71—118), «Западночешский железнодорожный сленг» («Západočeský železniční slang», «Sborník Pedagogické fakulty v Plzni. Jazyk a literatura», VII, 1967, стр. 15—36).

Автор данной статьи обращал свое внимание прежде всего на изучение сленгов железнодорожников, студентов, служащих городского транспорта, служащих некоторых промышленных предприятий в Остравской области. Результаты этих исследований опубликованы в ряде статей и заметок в сборниках педагогического факультета в Остраве (серия «Язык — литература — искусство»), в журнале «Naše řeč» (ежегодники 1964, 1966) и в других монографиях: «Сленг железнодорожников» («Železničářský slang», Praha, 1974) и «О чешских сленгах» [«O českých slangích» (Profil Ostrava), 1979]. В первой из них зафиксировано и интерпретировано более 1300 сленговых обозначений, которые расклассифицированы в зависимости от значения на категории: названия лиц, локомотивов, вагонов, поездов и остальных транспортных средств; названия частей, деталей и оборудования средств перевозки, названия железнодорожных строений; названия различных инструментов, приборов, оборудования, пособий и формуляров; названия видов трудовой деятельности, приемов и действий, а также их результатов, и другие названия; данные категории имеют свою внутреннюю дифференциацию в зависимости от характера материала. В работе имеется и подробное изложение словообразования приведенных сленговых названий, а также частотности их употребления.

Во второй работе («О чешских сленгах») делается попытка дать обобщающую интерпретацию современных чешских сленгов. После изложения общих лингвистических положений приводится лексика сленгов железнодорожников, спортсменов, охотников, туристов, военных, работников театра, кино, радио и телевидения, металлургов, ремесленников, картежников, рыбаков, строителей, работников цирка, сахароваренной и пивоваренной промышленности, транспорта, электриков, фотографов, му-

²² В рукописи осталась относительно большая работа Б. Темы «Речь специалистов по коксованию», которая фиксирует, описывает и сравнивает сленг коксовиков областей Кладенска, Збышовска, Остравска и Тешинска.

зыканти, служащих торговли, обувной промышленности, пчеловодов, политиков, работников полиграфической промышленности, почтовых служащих, журналистов, служащих и работников административного аппарата, плотогонов, работников изобразительного искусства, садоводов, работников сельского хозяйства и т. д.; особо приводится лексика просто сленговая. В тех случаях, когда сленг имеет более обширный лексический состав, приводится и краткая характеристика соответствующей среды с учетом мотивировки сленговых обозначений. Наряду с упомянутым общими перечнем приводятся и три иллюстрации обработки локальных сленгов в Остравской области.

Результаты проведенных практических исследований, а также классификации материала позволили автору сформулировать и некоторые теоретические выводы — сказанное прежде всего относится к монографии «Ономасиологические приемы в словарном составе сленгов» («Onomaziologické postupy ve slovní zásobě slangů», «Spisy Pedagogické fakulty v Ostravě», 17, Praha, 1974) и к статьям «Перепесение лексического значения как прием образования названий в сленгах» («Přenášení slovního významu jako pojmenovávací postup ve slanzích», «Naše řeč», 56, 1973) и «Дистрибуция ономасиологических приемов в словарном составе одного сленга» («Distribuce onomaziologických postupů ve slovní zásobě jednoho slangů», SaS, XXXVI, 1975).

Подводя итог, можно сделать следующий вывод: несмотря на то, что непосредственное изучение чешских сленгов имеет всего лишь полувековую традицию и несмотря на недостаточную разработанность и стабильность приемов исследования, можно утверждать, что учеными заложены надежные основы для современного изучения чешских сленгов как одной из актуальных задач современных лингвистических исследований в ЧССР.

Перевела с чешского Г. П. Нецименко

РЕЦЕНЗИИ

И. К. Белодед, Г. П. Ижакевич, Т. Е. Черторижская. Русский язык как источник обогащения языков народов СССР. — Киев, «Радянська школа», 1978. 181 стр.

Русский язык как средство межнационального общения является одним из основных источников обогащения языков народов СССР. Около 70—80% общественно-политических и научно-технических терминов младописьменные языки заимствовали из русского языка и через него из других языков. Лексические заимствования, восходящие к языку межнационального общения, занимают значительное место в словарном составе большинства старописьменных языков. В свою очередь русский язык также обогащается, взаимодействуя со всеми языками народов нашей страны. Научно обоснованное освещение этих сложных процессов имеет большое теоретическое, социальное и идейно-политическое значение. Учитывая это, авторы начинают свое изложение с рассмотрения теоретических, методологических и идейно-политических проблем развития языковой жизни советского общества.

В первом разделе «На основах равенства, братства и свободного развития» анализируются общие проблемы развития и взаимодействия национальных языков народов СССР. Авторы убедительно показывают, в каком жалком состоянии находились национальные языки и культуры при царизме. «Грамотность населения царской России была чрезвычайно низкой. По данным переписи 1897 г. она составляла в целом по России 21,1%, а на окраинах, например, в Туркестанском крае — 1—2%, а Таджикистане — 0,5—1%. Такой же низкий уровень грамотности был у казахов, азербайджанцев, дагестанцев, у народов, населяющих Сибирь и север Европейской части России. К 1906 г., т. е. за десятилетие, повышение грамотности населения в среднем по России составляло 4,2%, на Кавказе — 1,1%, в Сибири — 1,3%, в Средней Азии — 0,4%» (стр. 4).

После победы Великого Октября наша страна провозгласила ленинскую национальную политику равноправия языков и культур, их беспрепятственного развития. Благодаря последовательному осуществлению этой политики Коммунистической партии и Советским правительством были достигнуты огромные успехи в развитии национальных языков и куль-

тур. Авторы на убедительных примерах показывают, как разворачивался процесс развития и взаимообогащения литературных языков советских народов, уделяя особое внимание благотворному взаимодействию русского и украинского языков в условиях развитого социалистического общества. В этом же разделе приводятся ценные статистические данные о распространении русского языка за рубежом, а также факты, свидетельствующие о большом интересе, который проявляют к русскому языку трудящиеся социалистических стран.

Авторы поставили и вопрос о двух тенденциях развития и взаимодействия языков в СССР — о всемерном развитии национальных языков и возрастании роли русского языка. Хотелось бы обратить внимание авторов на необходимость должного учета специфических социально обусловленных особенностей развертывания указанных двух тенденций на разных этапах и в разных этнолингвистических условиях развития советского общества.

Второй раздел книги — «Русский язык — средство обмена духовными ценностями советских народов» — примечателен тем, что в нем особое внимание уделено национально-культурному строительству в СССР и на этом общем фоне характеристике русского языка как могучего средства интернационализации культурной жизни народов СССР и одного из главных источников развития и обогащения языков советских народов. Авторы на конкретных примерах показывают, как много сделано в нашей стране для развития национальных культур и языков. Об этом свидетельствует и то, что, как отмечается в Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических республик», «в невиданных ранее масштабах создаются и публикуются на языках народов СССР произведения литературы и искусства, научные труды, выпускаются газеты и журналы»¹.

¹ «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 года», М., 1972, стр. 15.

Процессы взаимовлияния и взаимообогащения языков затронули даже и такую сферу духовной жизни, как поэтическая речь. Авторы пишут: «Вот как сказал Эдуардас Межелайтис о вторжении нового в формы национально-изобразительной специфики в статье „Время крылатой мечты“: „Наш век впитал свои коррективы и в поэтическую палитру. Онуошаю это на себе и своих побратимах по перу. Более глубоким, содержательным и раскованным стал стих, будто раскрыленные научных горизонты влетели и в поэзию. Появилась новая поэтическая метафора — не узкая, локальная и, я сказал бы, местная, а такая, что вобрала в себя мироощущение Земли, всего человечества. Графически я рисую себе метафору, похожую на ядро атома или на то, что видим в электронный микроскоп. И космические рисунки — виденное, освоенное, пережитое — также переходит в поэтическую метафору, изменяет ее. Конечно, будут и дальше писать стихи о березках, прудах и речках. Это все поэтически соседствует — и пейзаж, и космос. И в жизни нас трогает тихая красота вечера, опускающегося на землю, тревожит непогода, и все же волнует, возбуждает энергия солнца в невидимом атоме. Я думаю, новое не в метафорическом языке, а в обновлении самой нашей жизни, и образы ее без приглашения бурно входят в поэзию» (стр. 38).

Художники слова нередко острее и глубже видят новое в развитии языка, чем лингвисты. Поэтическая метафора также обогащается, приобретает новые качества, новые признаки, питательной почвой для которых служит наша социалистическая действительность. Следовательно, мы вправе утверждать, что новое заключается не только в обновлении самой нашей жизни, но и в обогащении «метафорического языка». Этому способствуют процессы взаимообогащения культур и языков народов СССР. В этой связи невозможно не согласиться с авторами, когда они пишут, что «художественное творчество национальных писателей на русском языке, а также переводы лучших произведений национальных литератур на русский язык обогащают его, а через него и другие национальные языки лексико-фразеологическими средствами, поэтическими образами, отражающими особенности жизни и быта, этнографические и психологические черты тех или иных наций и народностей Советского Союза» (стр. 52). Уделяя значительное внимание освещению этих процессов, авторы подчеркивают, что взаимодействие и сближение культур социалистических наций приносят щедрые плоды.

В изложенном авторы находят подтверждение пророческих слов К. Маркса и Ф. Энгельса, писавших: «Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная

односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными...»².

Опираясь на указанное положение К. Маркса и Ф. Энгельса, а также на советский опыт культурно-языкового строительства, авторы убедительно доказывают несостоятельность концепций буржуазных националистов о какой-то мистической обусловленности замкнутости национальных культур и ограниченности «национального мышления». «Теоретические установки и реальные достижения национально-культурного строительства в СССР, — пишут авторы, — полностью разбивают и опровергают утверждения некоторых буржуазных социологов, например, Отто Бауэра, Арнольда Тойнби и других буржуазных националистов о замкнутости национальных культур, о „национальной ашперцепции“, об ограниченном „национальном мышлении“, которые будто бы не дают возможности для взаимопроникновения, взаимодействия человеческих культур. Вся история развития культур народов мира, особенно народов стран социалистического сотрудничества, опровергает эти утверждения, ибо взаимодействие культур народов — одна из закономерностей мирового культурного развития» (стр. 41).

Авторы решительно отстаивают жизненно важное, убедительно обоснованное в советском языковедении положение, согласно которому русский язык является могучим средством интернационализации культурной жизни народов СССР.

Последний параграф второго раздела посвящен русскому языку как источнику развития и обогащения языков народов СССР. Здесь читатель находит новое подтверждение правильности ряда теоретических обобщений советских социолингвистов о русском языке как об одном из главных источников развития и обогащения языков народов СССР, о его роли в образовании и в дальнейшем расширении общего лексического фонда в языках советских народов.

Судя по названию книги, вопрос о русском языке как источнике развития и обогащения языков народов СССР должен был занять в рецензируемой работе основное место. То, что параграфу под таким названием отведено сравнительно немного места, оказывается в конечном счете обстоятельством внешнего характера, поскольку во всех остальных разделах книги так или иначе рассматриваются вопросы, связанные с этой тематикой.

Наиболее значительным по объему является третий раздел «Русско-украинские языковые связи». Этот раздел отличается и широтой привлеченного для анализа фактического материала. Авторы обстоятельно рассматривают вопросы взаимо-

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., 4, стр. 428.

действия и взаимообогащения русского и украинского языков. «Результаты русско-украинского языкового взаимодействия в основном сводятся к 1) прямым заимствованиям преимущественно в области лексики и стилистики, 2) калькированию слов и словосочетаний и созданию неологизмов из собственного языкового материала по моделям языка, с которым происходит взаимодействие, 3) развитию потенциальных возможностей слово- и формообразования взаимодействующих языков, 4) активизации общих для взаимодействующих языков черт развития» (стр. 85).

Благотворное влияние русского языка на украинский имеет свою многовековую историю. Как отмечают исследователи, «...уже в XVIII ст. в украинском языке, главным образом в произведениях эпистолярного жанра, бытовали слова, заимствованные из русской народной разговорной речи типа *братец, кушать, маленько, писать, письмоце, ремеслишко*» (стр. 85).

Дальнейшее углубление этого процесса выявляется, например, в художественной литературе. Так, в первой половине XIX в. «лексико-фразеологические и грамматические русизмы довольно часто встречаются в художественных произведениях И. Котляревского (например: *вкусный, вокруг, волк, волна, восток, должностной, жадный, замужня, захищати, казначей, несносен, отличитися, потеряти, струсить, умилительный...*» (стр. 86). Продолжение этой традиции обогащения украинского языка русизмами находим в произведениях Г. Квитки-Основьяненко, Т. Шевченко и других украинских писателей, поэтов.

Таким образом, многие русизмы, бытующие в украинском языке, восходят к дореволюционному периоду. Естественно, в советский период, когда в небывалых масштабах расширились общественные функции украинского языка, сферы его применения, «усилилась роль русского языка, являющегося одним из признанных мировых языков, как посредника языковых заимствований другими языками, в том числе украинским, главным образом интернациональной лексикой терминологического содержания, например: *біоніка, біохімія, біотрон, синхрофазотрон, кібернетика, інтеграція, кінофестиваль, лауреат, моторолер, сейлон*» (стр. 87).

Авторы книги обращают внимание и на то, что через русский язык в украинский проникает большинство слов из языков народов СССР: *аул, барган, джигит, зурна, нерпа* и др. Здесь же следовало бы отметить заимствования, вошедшие в украинский язык из языков народов других социалистических стран через посредство русского языка.

Взаимодействие и взаимообогащение языков — это не односторонний процесс.

Русский язык тоже обогащается заимствованиями из языков народов СССР, а также других языков. В книге приведены многочисленные слова, вошедшие в русский язык из украинского: *бесталаный, борщ, гречка, хлебобор, покрывать* и т. д. (стр. 90). «В период Великой Отечественной войны украинские слова и выражения в русском литературном языке (*ярмо, ... Киевский шлях, ... круча, журавель, ... замордовать, вызволить, ...* и мн. др.) используются не только для изображения жизни, быта, истории украинского народа, для создания местного колорита, но и в совершенно новой функции — для передачи „то пафосно-героического настроения смертельной битвы с врагом“, то чувств нежности и любви всего советского народа к братьям-украинцам, которые страдают под чужеземным игом и нуждаются в помощи» (стр. 91).

По мнению авторов книги, и в настоящее время продолжается процесс расширения стилистической роли украинизмов в русском языке. «Они постепенно выходят за пределы бытовой и историко-этнографической сферы своего функционирования, все больше охватывая „сферу общественно-политических, социально-экономических отношений, морально-эстетических, психологических и других понятий“. Некоторые из них так прочно вошли в русский язык, что стали восприниматься как нейтральные слова, утратившие украинскую территориальную привязанность, например: *хлебобор, ... житница, ... доярка, пятисотница, тысячница, ... моя хата с краю...*» (стр. 91).

Показательным и характерным для советской эпохи является то, что в русском и украинском, как и в других языках народов СССР, возникают и общие процессы развития лексико-семантических систем. По словам авторов книги, «к общим чертам в развитии русского и украинского языков следует отнести образование в них не только лексических, но и семантических неологизмов... Примером этого может быть возникновение у ряда относительных прилагательных обоих языков абстрактных значений» (стр. 96).

На многочисленных примерах авторы доказывают, что перевод с русского произведений классиков марксизма-ленинизма служит могучим источником обогащения украинского литературного языка.

В отдельном параграфе охарактеризована и «русско-украинская языковая интерференция». Здесь же рассмотрены и вопросы борьбы за повышение культуры русской речи на Украине (стр. 112). Проблема преодоления интерференции в русской речи украинцев, а также вопрос о повышении культуры русской речи на Украине имеют большое практическое значение, они нуждаются в дальнейшей углубленной разработке.

Последний, четвертый раздел «Языка-

знание и школа» также отличается своей практической направленностью. Авторами поставлены важные проблемы связи науки о языке с деятельностью национальных школ. Для детальной разработки этих проблем потребуются специальные исследования.

В «Заключениях» авторы справедливо подчеркивают, что Украинская ССР служит ярким примером того, как равные права народов СССР и их языков, гарантированные Конституцией СССР, последовательно осуществляются в жизни, на практике. Они отмечают большие достижения трудящихся Украины в свободном владении украинским и русским языками. Вместе с тем авторы констатируют, что «уровень знания русского языка, культура русской речи на Украине, как и в ряде других союзных республик, еще полностью не удовлетворяют требованиям, предъявляемым современным общественным прогрессом к членам высокоразвитого многонационального социалистического общества» (стр. 181). В этих ус-

ловнях задача заключается в том, чтобы добиться свободного владения русским языком как общим языком межнационального общения всем населением республики. Это тем более необходимо, что украинский и русский языки являются двумя основными необходимыми языками повседневного взаимодействия, сотрудничества и совместной жизни трудящихся Украинской ССР. Вот почему столь большое социальное значение приобрело развитие, распространение и повсеместное применение украинско-русского двуязычия наряду с использованием в необходимых случаях русско-украинского и других типов двуязычия, представленных в республике.

Рецензируемая книга свидетельствует о новом существенном достижении украинских языковедов под руководством акад. И. К. Белодода в разработке проблемы «Русский язык как источник развития и обогащения языков народов СССР».

Дешерев Ю. Д.

Ф. М. Березин. История русского языкознания. — М., «Высшая школа», 1979. 224 стр.

История лингвистических учений всегда в той или иной мере привлекала внимание исследователей, ибо «новое в науке, в особенности в такой, как языкознание, не может не считаться со старым»¹. Но качественно новый этап в разработке истории русского и славянского языкознания начинается с 70-х гг. Он характеризуется прежде всего тем, что интерес к истории языкознания распространяется вширь и вглубь. Достаточно сказать, что только после 1975 г. вышло свыше 10 монографий, сборников и учебных пособий по лингвистической историографии, два солидных библиографических словаря. Многие журналы более или менее регулярно публикуют статьи об отечественных языковедах. Притом работы по истории языкознания приобретают все более исследовательский характер. Это проявляется прежде всего в значительном расширении фактического материала, стремлении к обобщениям, к выявлению основных этапов развития лингвистической мысли и определению их места в общей эволюции науки о языке.

Особенно большую роль в создании истории русского языкознания сыграли труды Ф. М. Березина «Хрестоматия по истории русского языкознания» (М., 1973, 1977), «История лингвистических учений» (М., 1975), «Русское языкознание конца XIX — начала XX вв.» (М., 1976). Те-

перь вниманию читателей предлагается новая книга автора.

В книге ставится задача рассмотреть с позиций марксизма-ленинизма основные этапы истории русского языкознания с XVI в. до Великой Октябрьской социалистической революции, показать «борьбу идей вокруг таких важнейших вопросов теории языка, как проблема языка как объекта и предмета языкознания, природа языка и его определения, структура языкознания как науки» (стр. 3). Поскольку теоретическое языкознание тесно связано с конкретной языковой базой и решением ряда практических задач, то в книге основное внимание сосредоточивается на вопросах общего и сравнительно-исторического языкознания и развития русской грамматической мысли. При этом Ф. М. Березин учитывает как внутреннюю логику развития самого языкознания, преемственность идей, проявляющуюся в их взаимопереплетении и отрицании, так и его связь с другими науками, особенно философией, логикой и психологией, влияние западноевропейских лингвистических теорий, социальные и культурно-исторические факторы. Все изложение ведется по тематическому принципу в пределах довольно широких хронологических рамок, т. е. с учетом логического и исторического подходов.

Книга Ф. М. Березина предназначена в качестве учебного пособия для студентов филологических специальностей. Она составлена применительно к программам вузовских курсов «Общее языкознание»

¹ «Некоторые задачи советского языкознания», ВЯ, 1976, 2, стр. 5.

и «История русского литературного языка». В ней дано обобщение всего, что сделано в этой области науки о языке и прежде всего самим автором. Как учебное пособие книга вполне отвечает своему назначению: она компактна по объему, написана увлекательно, простым и ясным языком, охватывает все узловые вопросы истории русского языкознания. В отличие от предшествующих трудов Ф. М. Березина для рецензируемой книги характерен не только совершенно иной стиль изложения, но и во многом новый подход и новые оценки научного наследия русских языковедов.

Соглашаясь с исходными принципами автора, хотелось бы высказать некоторые пожелания. Прежде всего во введении следовало бы уточнить, что понимается под историей русского языкознания: история изучения русского языка вообще? история изучения русского языка в России? история языкознания в России? Эти вопросы неизбежно встают в связи с включением в книгу грамматик Г. Лудольфа и И. Ф. Кошневича.

Одной из актуальных задач лингвистической историографии является также выяснение принципов периодизации и уточнение своего понятийного аппарата, выделение особых единиц описания и их определение. Особенно важное значение имеют такие термины, как школа, направление, научная традиция, этап в развитии науки. Поскольку в языкознании они до сих пор нигде четко не определены, то на этом также нужно было бы остановиться во введении.

Книга состоит из десяти глав. В первой главе «Истоки русской грамматической мысли» рассматриваются грамматические работы XVI—XVIII вв. (М. Грек, Д. Герасимов, И. Федоров, Л. Зизаний, М. Г. Смотрицкий, Г. Лудольф, И. Ф. Кошневич, И. С. Горлицкий, В. Е. Адодуров, В. К. Третьяковский, А. П. Сумароков). Автор показывает, что первоначально они носили влияние греческой и латинской лингвистической традиции. Основное внимание древнерусских книжников было сосредоточено на церковнославянском языке, хотя большинство из них отличали этот язык от живой разговорной речи. Во второй половине XVII вв. начинается формирование национального русского языка и закрепление его в письменности. Церковнославянский язык подвергается сильному влиянию народной речи. Все эти процессы обусловили неупорядоченность словарного состава и грамматического строя и вызвали острую необходимость в создании строгих литературных норм, разработке и изучении грамматики. Этим Ф. М. Березин объясняет перенос центра внимания в грамматических руководствах начала XVIII в. с описания структуры церковнославянского языка на орфографию, играющую важную роль в формировании литературного языка.

Вторая глава «М. В. Ломоносов и грамматическая традиция второй половины XVIII века» посвящена анализу взглядов великого русского ученого и его последователей (Н. Г. Курганов, В. П. Светов, А. А. Барсов). При рассмотрении лингвистических трудов Ломоносова удачно подчеркнута единство его философских и языковедческих взглядов, сочетание индуктивного и дедуктивного методов исследования, материалистическое понимание отношений языка, мышления и действительности, роли языка в развитии общества. Подробно показаны идеи Ломоносова в области сравнительно-исторического языкознания, его заслуги как нормализатора русского литературного языка и создателя первой русской научной грамматики. Тонко проведена связь между взглядами Ломоносова и Радищева.

Однако в этой главе, на наш взгляд, нужно было бы сильнее подчеркнуть связь теории трех стилей и «Российской грамматики», ибо по своей нормативно-стилистической направленности они представляют собой единое целое. Притом эта нормативно-стилистическая направленность была характерна не только для синтаксиса, как полагает автор (стр. 32), а для всей грамматики в целом (ср. употребление форм на -а и -у в род. падеже существительных муж. рода, употребление причастий и деепричастий, форм сравнительной степени и др.). На стр. 30 и 39 утверждается, что Ломоносов выделял восемь времён. Но в § 268 «Российской грамматики» говорится: «Времен имеют российские глаголы десять: семь от простых да два от сложных»² (ср. также § 66). Вряд ли убедительно также называть Ломоносова основоположником (а не предшественником) сравнительно-исторического языкознания (стр. 34) хотя бы потому, что он не дал образцов применения сравнительно-исторического метода.

В третьей главе «Идеи всеобщей грамматики в языкознании первой половины XIX века» рассматриваются грамматические руководства, написанные под влиянием Грамматики Пор-Рояля и ее переделок, а позднее под влиянием трудов К. Беккера (И. С. Рижский, И. Орнатовский, И. Ф. Тимковский, Л.-Г. Якоб, Н. И. Греч, В. Г. Белинский, И. И. Давыдов). Ф. М. Березин верно указывает следующие особенности этих грамматик: понимание языка как системы знаков, разграничение языка и речи, использование дедуктивного метода при анализе языка. В 20—30-е гг. наблюдается стремление приспособить философскую грамматику к целям и задачам школьного преподавания, т. е. придать ей практическую направленность (Н. И. Греч), а в 30-50-е гг. обновить ее с помощью системы К. Беккера. Приведенный Ф. М. Березиным фак-

² М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., VII, М.—Л., 1952, стр. 480.

тический материал и его анализ отражают целую и весьма своеобразную эпоху в истории русской грамматики.

В этой главе следовало бы также отметить «Всеобщую, философическую грамматику» Н. Язвицкого (СПб., 1810). В предисловии Н. Язвицкий отмечал: «Во всем держался я всеобщей грамматики французского писателя Порт-Рояля; только где нужно, сделал перемены; многое выбросил, многое прибавил»³. Н. Кузьман⁴, подробно исследовав этот вопрос, пришел к заключению, что третья, четвертая, пятая и шестая главы действительно совпадают с грамматикой Порт-Рояля, а первая и вторая — значительно сокращены.

В четвертой главе «Сравнительно-исторические исследования в первой половине XIX века» Ф. М. Березина тщательно прослеживает становление принципа историзма, показывает первое знакомство в России с санскритом (Г. С. Лебедев, Ф. П. Аделунг), собрание и накопление исторических фактов (кружок Н. П. Румянцева, Археографическая экспедиция), значение трудов А. Х. Востокова по старославянскому языку, палеографии и лексикографии, характеризует все наиболее существенные работы по историческому изучению русского языка. Весь анализ проведен объективно и вполне отражает состоявшие сравнительно-исторического языкознания в рассматриваемый период.

В то же время круг анализируемых авторов и проблем можно было бы существенно расширить. Например, определенных исторический интерес имеют также работы М. А. Максимова, О. М. Бодянского, В. И. Григоровича и П. А. Лавровского. Ведь книга последнего «О языке северных русских летописей» (СПб., 1852) явилась первым опытом действительно исторического рассмотрения русского языка (по векам и памяткам). В первой половине XIX в. особенно живо обсуждались такие вопросы, как происхождение славянского письма, классификация и взаимоотношение славянских языков, судьбы старославянского языка в различных славянских странах. Притом в русском историческом языкознании того периода довольно четко выделяются три этапа: 1) 20—30-е гг. — описание и издание древних письменных памятников, 2) начало 40-х гг. — сравнительно-историческое изучение русского языка на фоне индоевропейского сравнительного языкознания, 3) конец 40-х—50-е гг. — историческое рассмотрение русского языка на фоне сравнительно-исторической грамматики славянских языков. Поэтому на третьем этапе

особенно важную роль начинает играть славяноведение, создававшееся совместными усилиями русских и славянских (прежде всего чешских) ученых. Без учета этих взаимосвязей очень многое в трудах исследователей истории русского языка, в том числе и самого А. Х. Востокова, оказывается непонятным.

Пятая глава «Грамматические учения первой половины XIX века» посвящена рассмотрению «Российской грамматики, сочиненной Российской Академией» (1802) и грамматических трудов Н. И. Греча, А. Х. Востокова, В. Г. Белинского, Г. П. Павского, И. И. Давыдова, Ф. И. Буслаяна. К началу XIX в. в России сформировалось два типа грамматик: эмпирическая (филологическая) и философская. Каждая из них имела свои положительные стороны и недостатки. И Ф. М. Березину удалось показать, как затем происходила контаминация этих двух типов грамматик с уклоном то в сторону эмпиризма (А. Х. Востоков, Г. П. Павский), то в сторону логицизма (Н. И. Греч, В. Г. Белинский, И. И. Давыдов). У Ф. И. Буслаяна к этому еще добавился историзм. Наиболее тщательно все это прослежено на учении о частях речи и их грамматических категориях, учении о предложении и его структуре.

В шестой главе «Грамматические системы К. С. Аксакова и Н. П. Некрасова» рассматривается место и роль этих двух представителей славянофильства в истории русской лингвистики. Аксаков, опираясь на свою историко-социологическую и философскую концепцию, поставил перед языкознанием задачу создать грамматику не на основе уже готовых иноземных формул и схем, а на основе теории, выведенной из материала самого русского языка, чтобы тем самым полнее отразить его национальные особенности. Этим объясняется также его стремление отделить грамматику от логики. Признавая необходимость и важность исторического изучения языка, Аксаков предпочитает синхронный подход, позволяющий лучше познать связи и отношения в системе языка. Задача грамматики, по его мнению, — изучение формы слова, внешним выражением которой являются склонения и спряжения. Именно отсюда вытекает отрицание им грамматической категории времени в русском языке. По мнению Ф. М. Березина, «ориентация Аксакова на изучение форм языка со свойственными им значениями и вытекающими из этого синтаксическими функциями представляла собой новый подход к изучению грамматического строя русского языка, развитый и детализированный позднее Потембней, Фортунатовым и другими русскими языковедами» (стр. 116).

Направление Аксакова в изучении национально-специфических особенностей русского языка на материале глагола продолжил Н. П. Некрасов.

³ Н. Язвицкий, Всеобщая, философическая грамматика, СПб., 1810, стр. 3—4.

⁴ Н. Кузьман, Из истории русской грамматики, Пг., 1917.

Вполне соглашаясь с изложением и выводами Ф. М. Березина, хотелось бы только отметить, что деятельность Аксакова и Некрасова вряд ли составляют особый период в истории русского языковедения, скорее это переходный этап от Ф. И. Буслаева к А. А. Потебне и Ф. Ф. Фортунатову, который можно было бы обозначить термином «предпотребнянство». Поэтому едва ли целесообразно посвящать им отдельную главу.

В седьмой главе «Основные проблемы общего языковедения в конце XIX века» освещаются общетеоретические взгляды А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, М. М. Покровского, И. А. Бодуэна де Куртене, Н. В. Крушевского. В центре внимания автора здесь стоят такие проблемы, как сущность языка, взаимосвязь языка и мышления и связанное с этим понятие слова, индивидуальное и социальное в языке, язык как система, статика и динамика. Особенно удачно проведено сопоставление взглядов Потебни и русских революционных демократов, Потебни и Гумбольдта, Бодуэна де Куртене и Крушевского. Тем самым явнее предстает то общее, что объединяло ученых этого периода, и индивидуальные особенности каждого из них.

Однако при освещении взглядов Фортунатова очень важно было бы обратить внимание еще на один момент. Рассматривая слово с точки зрения соотношения звука и значения, полисемии и омонимии, он впервые поставил вопрос о тождестве языковых единиц. Фактически уже им было указано на существование в языке фонетических, морфологических и семантических вариантов⁵.

В восьмой главе «Сравнительно-исторические и типологические исследования в конце XIX века» рассматриваются труды А. А. Потебни, А. В. Попова, Ф. Е. Корша, Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртене, В. А. Богородицкого.

Последняя четверть XIX в. была периодом интенсивного изучения исторических закономерностей развития грамматического строя индоевропейских и славянских языков. Уже через все труды Потебни проходит основная мысль — показать связь языка и мышления в их историческом развитии. В книге Ф. М. Березина подробно рассмотрена нарисованная Потебней картина формирования и развития частей речи и соответственно членов предложения, на фоне которой раскрываются исторические закономерности изменения самого предложения от именного строя к глагольному. Идеи Потебни затем нашли свое продолжение в трудах А. В. Попова и В. Е. Корша.

В пособии обстоятельно представлены взгляды Богородицкого на характер ин-

доевропейского праязыка и возможности его восстановления, историю формирования частей речи, подчеркнуто стремление ученого соединить историзм с синхронным изучением. Говоря о Фортунатове, автор показывает значение его работ по индоевропейской фонетике и акцентологии.

Наряду со сравнительно-историческим синтаксисом в конце XIX в. начинается типологическое изучение языков, стремившееся выяснить общие и различные признаки как в родственных, так и неродственных языках. Зачинателем этого подхода в России, несомненно, был Бодуэн де Куртене, заложивший основы фонетической и морфологической типологии на материале индоевропейских, финно-угорских, урало-алтайских и семитских языков. Он одним из первых обратил внимание также на проблему языковых союзов.

В девятой главе «Грамматические взгляды А. А. Потебни и Ф. Ф. Фортунатова» показано становление и сущность новых грамматических теорий, представленных в трудах этих виднейших ученых. Грамматическая система Ф. И. Буслаева больше подводила итоги предшествующего развития русской грамматики, была во многом противоречивой вследствие стремления объединить логико-грамматический и исторический подходы. Поэтому в книге подробно рассматривается критика Потебней буслаевского понимания основных грамматических категорий. Сам Потебня постоянно стремился объяснять языковые явления, обращаясь к внешним факторам, призывая искать различия между грамматическими категориями «не в содержании, а в способе его представлять»⁶. Ф. М. Березину удалось хорошо это показать на учении Потебни о грамматической форме, грамматической категории, частях речи, членах предложения и предложении.

В 80—90-е гг. XIX в. в русской грамматике возникает формальное направление во главе с Фортунатовым. Если Потебня в своих исследованиях шел от значения к форме, то Фортунатов — от формы к значению. Поэтому, различая в слове основную и формальную принадлежности, он никогда не ставил вопроса об их взаимоотношении. Таким образом, уже исходные точки Потебни и Фортунатова оказались различными, даже противоположными по своему характеру. Ф. М. Березин раскрывает это, анализируя учение Фортунатова о грамматической форме, грамматических классах слов и словосочетаниях.

В десятой главе «Языковедение в начале XX века» рассматриваются лингвистические взгляды А. А. Шахматова, А. М. Пеш-

⁵ См.: Ф. Ф. Фортунатов, Избр. труды, 1, М., 1956, стр. 132—133.

⁶ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, М., 1958, стр. 88.

ковского, Д. Н. Кудрявского, В. А. Богородицкого, раннего Л. В. Щербы.

Крупнейшей фигурой в русском языкознании конца XIX — нач. XX вв., несомненно, является Шахматов. Поэтому вполне оправданно, что в данной главе ему отводится самое значительное место. Автор всесторонне отражает взгляды Шахматова на образование восточнославянских языков в тесной связи с историей народа, его учение о предложении и частях речи, предмете синтаксиса и морфологии. Рассматривая грамматическую концепцию Пешковского, Ф. М. Березин показывает влияние на нее взглядов Потебни, Фортунатова и Шахматова. Более подробно автор рецензируемой книги останавливается на понятиях формы слова, словосочетания, грамматической категории, учении о частях речи и предложении с его главным признаком сказуемостью. Но, с нашей точки зрения, было бы целесообразнее характеризовать не одну, а две концепции Пешковского, представленные в первом и третьем изданиях «Русского синтаксиса в научном освещении», поскольку они весьма существенно отличаются друг от друга.

В книге представлен интересный анализ общелингвистических и грамматических взглядов Кудрявского, принимавшего активное участие в марксистских кружках Петербурга. Именно в его трудах особенно настойчиво подчеркивался социальный характер языка. Но М. Ф. Березиным допущены некоторые неточности. Работа «Психология и языкознание» впервые вышла в 1904 г. («Известия ОРЯС, т. IX, кн. 2»), к 1905 г. относится ее отдельное издание. «Введение в языкознание» 1910 г. представляет собой студенческие записки и известно лишь в единственном экземпляре (хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина), типографским же способом оно вышло впервые в 1912 г.

В целом книга Ф. М. Березина, представляющая собой систематическое и наиболее полное изложение истории русского языкознания, несомненно, найдет себе широкое применение в практике вузовского преподавания. Было бы желательно как можно скорее увидеть ее второе, расширенное издание. Именно к этому сводились все высказанные нами пожелания.

Смирнов С. В

О. В. Долгова. Семантика неплавной речи (на материале английского языка). — М., «Высшая школа», 1978. 264 стр.

Рецензируемая книга посвящена вопросам исследования синтаксиса как учения о построении речи. Актуальность этой работы особенно очевидна теперь, когда некоторыми исследователями упорно практикуется сведение синтаксиса естественного человеческого языка, особого рода общественного явления, к формально-логическим схемам и апрорно-дедуктивным конструктам и дается забвению главное положение марксистской методологии о материальной основе любого научного познания. Языковые структуры являются вторичными по отношению к материальной жизни общества и должны изучаться в непосредственной связи с его историей.

Автор рецензируемой работы разграничивает два основных аспекта в языковедческом исследовании — филологический и семиотический (интерлингвистический). Первичным и основным считается филологический подход, «т. е. изучение того обширного историко-филологического материала, который дают такие развитые культурные языки, как англий-

ский и русский» (стр. 7). И лишь «на этой общей основе становится возможным выявление и решение проблем лингвистической семиотики в том виде, в каком они наиболее отчетливо проявляются в этих языках» (стр. 7). Сочетание этих двух аспектов обеспечивает учет многообразия реально существующих в опыте функциональных проявлений языка во всей совокупности его социолингвистических, психолингвистических и прагматолингвистических характеристик, а также создает основу для упорядочения, или оптимизации, закономерностей человеческого языкового общения. Русское и советское языкознание является неисчерпаемым источником традиций изучения языка во всех его реальных проявлениях. Усилия лучших представителей синтаксической науки всегда направлялись именно на кропотливое фактическое изучение языкового существования, непосредственного языкового общения. В соответствующих разделах книги дается полное представление о том огромном вкладе, который внесли в изучение построения речи такие

советские ученые, как Л. В. Щерба, А. М. Пепковский, Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, а также Ф. П. Филин, Р. А. Будагов, творчески продолжающие традиции классиков советского языкознания. Только опираясь на наследие этих ученых, можно правильно определить место лингвистической семиотики как науки об оптимизации человеческого языкового общения: «...лингвистическая семиотика превратится в бессмысленное оперирование несуществующими фикциями, если она не будет опираться на достижения собственно языкознания, т. е. на изучение языка, как он нам дан и как им люди фактически пользуются при общении» (стр. 8).

Детальному системному исследованию подвергается в книге материал, прежде вообще не представлявший в синтаксических работах. О. В. Долгова показывает, что нельзя ограничивать материал исследования художественной литературой. Непрерывно расширяющееся расширение международных научных связей требует гораздо более серьезного внимания к изучению языка научного текста. Эти связи колоссально увеличились и расширились теперь, по сравнению с 20-ыми годами нашего столетия, когда Л. П. Якубинский указывал на полное отсутствие научной традиции в области изучения нехудожественной прозы. Но и теперь положение дел существенно не изменилось: филологическое изучение этого материала развивается очень медленно. Пренебрежительное отношение к научной речи как объекту изучения ввиду ее якобы искусственной природы все еще открыто декларируется некоторыми авторами, а небрежный стиль научного изложения как результат безразличия к обработке своей собственной речи — не такая уже редкость¹.

В свете этих положений особенно наглядной становится актуальность исследуемого О. В. Долговой материала и трудности, с которыми пришлось столкнуться автору, стремящемуся преодолеть косность некоторых «научных» традиций. В книге не только показывается, что синтаксис как учение о построении речи требует углубленного изучения речи правильной, т. е. речи должным образом оформленной, достигшей определенной уровня совершенства в своей научно-филологической обработке, но и впервые подвергается действительно анализу важнейший источник таких сведений — речь видных ученых-языковедов, а это означает поиск новых путей и уточнение методики работы.

Обращаясь к основной области своих научных интересов — семиотике нечленовой речи, сущности паратетических внесений, — О. В. Долгова исходит из четырех «уровней» синтаксического исследования, а именно: 1) уровня членов предложения, 2) актуального членения речи, или «динамического синтаксиса», 3) фразировки высказывания и 4) паратетических внесений. При этом подчеркивается, что выделение тех или иных «уровней» в синтаксическом исследовании представляет собой не более как удобный эвристический прием, т. к. фактически «разные „уровни“ настолько тесно между собой связаны и переплетены, что реально онтологически представить себе произведение речи в виде отдельных „слов“ было бы практически невозможно» (стр. 53—54). Вопросы, связанные с первыми тремя уровнями, изучаются в первой части книги («Уровни изучения синтаксиса»), состоящей из трех глав: «Учение о членах предложения», «Фразировка и проблемы синтактико-стилистического членения речи» и «Фиксация основных синтаксических отношений в письменной форме языка».

Книга существенно пополняет наши знания о членах предложения, разывая положения, разработанные А. И. Смирницким о видах синтаксических связей и содержании синтаксических отношений на материале звучащей речи, вводя просодический анализ высказываний как непрременное условие адекватного выражения содержания-намерения («*crucport*»), заключенного в тексте. Только в единстве собственно синтаксического и просодического исследования возможно глубокое понимание синтаксических явлений и их категоризация. Только на этом пути возможны установления истинных взаимоотношений между синтаксисом членов предложения и динамическим синтаксисом и, в целом, — утверждение материальных основ речи. Здесь, как и везде, О. В. Долгова обнаруживает прекрасное знание состояния науки в исследуемой области.

Интересные выводы содержит глава о фразировке. Важно отметить, что создание учения о фразировке является заслугой советского языкознания. Фразировка высказывания является основой для решения проблем ритмического построения человеческой речи. О. В. Долгова тщательно обосновывает неразделимость фразировки и синтаксического членения речи, их непосредственную «природную» связь. Кроме того, из представленного анализа явствует, что фразировку нельзя сводить к ритму в словесно-художественном творчестве. Настало время разработать четкие принципы фразировки любого текста, для того чтобы этому можно было учить; настало время, в частности, подойти и к проблеме ритма научной речи в более широком плане, чем это пока практикуется.

¹ См., например, материал, приведенный в статье О. С. Ахмановой и О. В. Долговой «Синтаксическая теория и знание языка» (ВЯ, 1979, 1).

Вопросу о парентетических вневсесиях посвящается вторая часть книги («Парентетические вневсесия в устной и письменной формах языка»), состоящая из трех глав: «Типичные вторжения в плавность научной речи», «Синтагматика прерываемой речи за пределами синтаксиса вставных и вводных предложений» и «Просодия парентетических вневсесий и ее отражение на письме». Проблема впервые ставится на широкой основе как вопрос о типичных вторжениях, или интерполяциях, в «плавность» речи, как вопрос о всей совокупности факторов, превращающих «плавный» в идеале поток речи в фактически «прерывный». В поле зрения автора различные уровни исследования: фонологический (немые и вокализованные паузы), морфосинтаксический (разрывы аналитических форм), синтаксический (парегнеза, парцелляция). Так вырисовывается целая новая область исследования — текстология «неплавной» речи — и определяется ее проблематика. Главное преимущество такого подхода состоит в том, что ранее разрозненные, но по природе своей единые языковые факты сводятся воедино. Это дало возможность автору увидеть важные синтаксические явления в совершенно новом свете и предложить их новые объяснения.

Так, изучение парентетических свойств немых и вокализованных пауз позволило подойти к решению вопроса о соотношении синтаксической днеремы и паузы нерешительности. Известно, что одной из самых сложных задач в плане синтаксического выражения является изучение разных функциональных равнозначностей прекращения фонации, или пауз. Теперь уже трудно сомневаться в том, что планом выражения синтаксических отношений являются, в первую очередь, прекращения фонации в виде днерем. Но в каком соотношении собственно синтаксическая днерема находится с паузой нерешительности? В каком соотношении синтаксическая пауза находится с паузой сверхсинтаксической? Именно так ставит эти вопросы О. В. Долгова. Основное различие синтаксической паузы и паузы нерешительности состоит в их функциональной несовместимости. Пауза нерешительности обладает парентетическим свойством делиберации и относится к психолингвистике (краткое изложение психолингвистического аспекта построения речи дается О. В. Долговой в одном из «Приложений» к книге). В этой связи следует отметить, что изучение всех вопросов, связанных с функциональными равнозначностями пауз, осуществляется автором на основе наиболее убедительных случаев взаимодействия устной и письменной форм речи в подлинной материальности речи и письма.

Целостное рассмотрение парентезы как явления не только собственно синтаксического характера позволило О. В. Долго-

вой ввести в научный обиход ряд важных понятий и наметить пути и методы языковедческого исследования в этой сложной и многообразной сфере. Выделены основные категории, которые определяют нарушение плавности научной речи: делиберация, отсылочность и экземплификация, а также — основные типы вневсесий; клишированные и авторские индивидуальные интерполяции. Оказывается, что эти выводы имеют универсальный характер в том смысле, что могут быть использованы и за пределами предложения в решении такого вопроса, как текст и метатекст, или вопроса о способах сверхфразовой сегментации. Эта методика в применении к научной речи позволяет сделать выводы ортологического характера и может быть использована в толковании художественного текста, так как помогает в выявлении некоторых типологических его характеристик. Речь, действительно, «плавна» только в идеале. Осознание ее фактической «неплавности» и всестороннее изучение этого явления очень перспективно. Подчеркнем еще раз, что заслужено О. В. Долговой является то, что ею эта проблема впервые выделена в таком широком плане и что на исследуемом автором материале выработается конкретная методика ее изучения.

Важное научное значение имеет установление взаимодозначного соответствия между просодией парентетических вневсесий в устной речи и отражением этой просодии на письме. Вопрос о передаче в письменной форме языка сложнейших оттенков речи-мысли, которые говорящий имеет возможность выразить, обычно не получает адекватного выражения в литературе. Нередко создается впечатление, что проблемы пунктуации (особенно, если речь идет об англоязычной традиции) не имеют прямого отношения к синтаксису. В английских пособиях, как правило, встречается только указания на то, что характерная для XIX века тенденция к употреблению излишнего числа знаков препинания («overstopping») преодолена и что теперь общая тенденция заключается в том, чтобы знаки препинания употреблять как можно меньше («understopping»). Это очень важный вопрос, особенно интересный для русского читателя, потому что система пунктуации в русском языке включается в орфографию, что принципиально отличает ее от английской системы. Для того, чтобы разобраться во всех этих сложных переплетениях различных сторон изучаемых ею явлений, О. В. Долгова привлекает разнообразный материал, включая, например, рукописи А. М. Горького и труды советских ученых-языковедов. Этот материал изучается О. В. Долговой в единстве содержания-намерения, пунктуационной системы и просодической разметки. Приводятся интересные наблюдения об особенностях построения научной речи, если эта речь

принадлежит специалистам-филологам. Последнее особенно важно потому, что теперь в значительной мере утрачено представление об образцах речи. Только тщательное изучение образцов может, наконец, раскрыть природу «противоречий» между жесткой системой пунктуационных правил и экспрессивно-смысловым подтекстом, который имел в виду тот или другой писатель.

Книга завершается системой «Приложений»: 1) «Описание используемой системы просодической разметки», 2) «Об английской пунктуации», 3) «О ритме научной прозы», 4) «О психолингвистике», 5) «Образцы текстов». Примечания и обширная библиография вопроса дают

полное представление об общем состоянии и последних достижениях науки в данной области.

В целом книга интересна прежде всего новизной постановки проблем и плодотворностью развиваемых в ней идей. Она поучительна с точки зрения действительного отношения к марксистской материалистической методологии языковедческого исследования. Вместе с тем она вносит ощутимый вклад в ортологию английского и русского языков, способствуя, таким образом, решению одной из основных задач языкознания — повышению культуры устной и письменной речи.

Серкова Н. И.

Л. П. Смирнова. Исфаханский говор. Материалы к изучению.

Отв. ред. Д. И. Эдельман. — М., «Наука», 1978. 97 стр.

В ряду отечественных исследований, посвященных диалектам Ирана, описание исфаханского говора Л. П. Смирновой по праву займет достойное место. Осуществленное на основе записей, сделанных автором в Исфахане в 1969 г., оно представляет собой первое в иранистике систематическое описание данного говора. В него входят очерк фонетики и грамматики, построенный на сравнении говора с литературным персидским языком, а также тексты и словарь. Тексты включают в себя разговорные фразы, пословицы, загадки, песни, стихи, как записанные из уст информантов, так и представляющие извлечения из местных печатных изданий. Воспроизводятся они в фонетической записи автора. Словарь, составленный автором, включает более 700 слов, специфичных для говора (т. е. либо отсутствующих в литературном персидском, либо имеющих иной фонетический облик). В нем приводятся также лексические параллели с диалектами полосы г. Исфахана. Сравнение с этими диалектами в известной степени распространяется и на очерк фонетики и грамматики.

Настоящая работа выполнена в лучших традициях отечественной иранской диалектологии. Следует, вероятно, напомнить некоторые ее вехи в исследовании диалектов центрального Ирана, чтобы верно оценить вклад, вносимый в нее книгой Л. П. Смирновой. Огромное богатство языков и диалектов Ирана уже более столетия привлекает к себе внимание отечественных и европейских ученых. Не касаясь здесь раннего этапа «первоначального накопления» материала (работы И. Н. Берзина, Б. Дорна и др.), следует привести имя В. А. Жуковского. Своими «Материалами для изучения персидских наречий», (I, СПб., 1888, II—III, Пг., 1922) он не только заложил основы для

научного изучения иранских диалектов, но и создал классической конкретный образец методов записи неизвестных ранее иранских языков с целью адекватного выявления их фонетики и грамматики. Идеи В. А. Жуковского (о ценности записей речи информантов на свободные незадаанные темы в отличие от заданных или даже переводных текстов; о необходимости слышать особенности «персидских наречий» с особенностями персидского разговорного, а не только литературного книжного языка и др.) были восприняты и развиты далее отечественными, а также западными иранистами (ср. признание К. Хаданка¹ о выдающихся заслугах В. А. Жуковского). Вместе с тем исследования советских иранистов-диалектологов (например, вышедших из школы И. И. Зарубина), ценность которых, в частности, определялась записью текстов из уст носителей языка на месте их проживания (а затем и самими их носителями, получившими лингвистическое образование), в основном представляли языки и диалекты, бытующие на территории СССР. Диалекты Ирана оставались малодоступны. Тем ценнее те относительно редкие работы, которые созданы на их основе отечественными исследователями. К их числу принадлежит и настоящая книга.

Во «Введении» к ней автор, обращаясь к «Материалам...» В. А. Жуковского (ч. II — «Диалекты полосы г. Исфахана»), определяет отношение говора Исфахана к диалектам «полосы» этого города, описанным В. А. Жуковским. Вывод автора, что данный говор — разновидность персидского языка (стр. 8, 9)

¹ См.: O. M a n n — K. H a d a n k, *Kurdisch-persische Forschungen*, Abt. III, Bd. I, Berlin — Leipzig, 1926, стр. XXVI и сл.

и не должен сближаться с группой указанных «диалектов» (которые, как уже установил их первоописатель, представляют собой самостоятельные языки), вносят ясность в данный вопрос. До сих пор существовали колебания в отношении классификационной принадлежности языка населения Исфахана (как и ныне это остается неясным в отношении некоторых языков Центрального Ирана). Анализируя, кроме того, работы Ю. Н. Марра по исфаханскому диалекту (в основном, архивные, ставшие, таким образом, научным достоянием только теперь), склонного сблизить его с указанными диалектами, а также работы иранских ученых Р. Абрахамяна, Б. Фаравани, А. Тафаззоли и др., автор в общих чертах намечает динамику исторического взаимоотношения этих диалектов, а также еврейского диалекта Исфахана и литературного персидского языка. Предположительная схема этого процесса такова: исконный старый диалект Исфахана был близок тем, что сохранились в ряде близлежащих селений (Седе, Гяз, Кафран, Бенесфун). С конца XVI в., когда Исфахан стал столицей Сефевидского государства, исфаханский диалект постепенно вытеснялся литературным персидским языком и ныне он утрачен полностью, исключая некоторое количество „исфаханизмов“ (стр. 8). Автор приводит мнение А. Тафаззоли, что еврейский диалект Исфахана служит продолжением утраченного исфаханского диалекта. Если это так, то некогда социально изолированная группа общества консервирует в своей среде старый язык Исфахана, тогда как основное мусульманское население города переходит на персидский язык. Конкретный анализ такого социолингвистического феномена и его причин был бы полезен и интересен в плане социолингвистики. Интересно также приводимое автором свидетельство А. Тафаззоли, что диалект седен (записанный В. А. Жуковским в 80-х годах прошлого века) уже не бытует в Седе, но сохранился лишь в одном из селений этого района. Этот факт является косвенным показателем темпов вытеснения местных иранских языков персидским. Не вполне корректным, однако, выглядит определение автором персидского языка, вытеснившего исфаханский диалект, как литературного. Правильнее, на наш взгляд, было бы говорить о разговорном персидском языке. Еще В. А. Жуковский предупреждал о необходимости разграничивать книжный литературный язык и различные виды персидской разговорной речи (в первую очередь — просторечье), далеко ушедшей в своем развитии от консервативного книжного литературного языка. При сравнении с литературным книжным персидским языком остается возможность неверного определения общих для общенародного языка

черт как специфики именно данного говора. Справедливость требует заметить, что ценное грамматическое описание тегеранского просторечья в книге «Тегеранский диалект» (М., 1960) Л. С. Пейсикова используется автором «Исфаханского говора» для сравнения отдельных сторон грамматического строя и фонетики обоих диалектов. Это, а также более регулярное сравнение с диалектами полосы Исфахана и с еврейским диалектом города включает материал исфаханского говора в существующую общую картину иранской диалектологии, дополняя ее. Некоторым недосмотром автора можно считать то, что не проведено сравнение с диалектами полосы Исфахана, описанными А. К. Ламбтоном². В целом автор успешно устанавливает связи и расхождения с ближайше родственными, а также с географически более близкими центральными иранскими диалектами данной полосы.

Основной упрек автору должен, вероятно, состоять в том, что установление звуковых соответствий между исфаханским говором и литературным персидским языком носит чисто эмпирический и потому предварительный, неокончательный характер. Безусловно, эмпирика является собой основу для любых теоретических выкладок. Но в данном случае именно недостаток эмпирических данных, т. е. отмечаемая самим автором некоторая ограниченность объема материала, не всегда позволяет подняться над эмпирикой фонетических фактов. Не всякое отмечаемое соответствие гласных говора и персидского литературного языка можно считать закономерным. Так, убедительной представляется закономерность соответствия исф. *e* — литер. перс. *a*. Здесь можно предположить фонемизацию исф. *e* из узкого варианта фонемы [a]. Напротив, не убеждает соответствие исф. *i* в безударной позиции — литер. *e* в той же позиции, так как можно предполагать, что исф. *i* является позиционно обусловленным вариантом [e]. Таким образом, варианты фонем говора могут сопоставляться с собственно гласными фонемами персидского, что не является вполне корректным. Далее скрупулезность автора заставляет отмечать и единичные случаи фонетических соответствий, что, по нашему мнению, нарушает именно принцип регулярности и закономерности соответствий. Можно предположить, что автор на это не претендует. Но если это так, то можно ли вообще говорить о фонетических соответствиях. Они по определению могут быть только закономерными. Остальное — случайные совпадения, причины которых неясны, и их следует искать или пренебречь ими.

² A. K. S. Lambton, *Three persian dialects*, London, 1938.

Кроме того, принципу закономерности фонетических соответствий противоречит приведение в качестве иллюстративного материала специфически говорных лексем (ср. отдельные примеры на стр. 13, 14, 15), отсутствующих в литературном персидском, тогда как для установления закономерных звуковых соответствий нужны этимологически тождественные слова или морфемы.

Указанные погрешности вытекают собственно из недостаточного объема материала. И на данном этапе они, вероятно, неизбежны. Недаром подзаголовок работы — «Материалы к изучению». С при-

веденными оговорками следует признать, что все части работы выполнены с величайшей тщательностью и добросовестностью, вызывая у специалистов представление о подлинной надежности, самого материала, а также наблюдений и выводов автора (несмотря, а, может быть, напротив, благодаря осторожности в постановке целей и делаемых заключений). Данной работой внесен серьезный, свежий по материалу, отличный по качеству вклад в иранскую диалектологию.

Пирейко Л. А.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ЯЗЫК ДРУЖБЫ И СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА *

История мировых языков свидетельствует о том, что в различные исторические периоды в качестве распространенных языков международного общения выдвигались те или иные конкретные языки. Так, например, античная эпоха выдвинула на эту роль греческий и латинский языки. Средневековье, как известно, характеризовалось своей спецификой. В европейских странах наряду с национальными языками употреблялись латынь, греческий, а в некоторых восточных странах, в том числе и в Монголии, в качестве второго языка в средние века использовались маньчжурский, тибетский и другие языки.

Однако выход в современном мире на мировую арену русского языка имеет ряд качественно новых особенностей¹. В России победила Октябрьская революция, открывшая принципиально новую страницу в истории человечества и положившая начало определяющей силе современности — мировой социалистической системе.

Вторая половина XX в. характеризуется триумфальными победами в завоевании космического пространства учеными, инженерами и техниками Страны Советов. Советским Союзом были запущены первые спутники Земли, первые космические корабли с советскими космонавтами на борту. В авангарде современной научно-технической революции, определяющей наш век, стоит именно советский народ. Все эти факторы выдвинули русский язык на мировую арену.

* Письмо публикуется с некоторыми сокращениями.

¹ Многие проблемы этого плана достаточно глубоко освещены в трудах советских ученых. Особый интерес для нас представляет книга кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидова «Язык дружбы и братства» (Ташкент, 1977). Ср. также работы В. В. Вишоградова, И. К. Белодеда, В. Г. Костомарова и др.

Сегодня весь цивилизованный мир полностью отдает себе отчет в том, что невозможно говорить о победе Великого Октября и истории построения социализма и коммунизма в СССР, научно-технической революции современности, завоевании космоса и сохранении прочного мира на земле вне связи с русским языком. Естественно, что с каждым годом во всем мире возрастает интерес к изучению русского языка. Особое распространение получает русский язык в странах социалистического содружества. В них он играет важную консолидирующую роль в мировой системе социализма, помогает крепить силы социализма, координировать и интегрировать хозяйство, науку и политику.

Современный мир стал свидетелем того, как русский язык превратился в один из мировых языков. О всеобщем признании его авторитета свидетельствуют и четыре больших форума русистов мира, состоявшихся за последние десять лет в Москве, Варне, Варшаве, Берлине. Только на Варшавском конгрессе русистов было прослушано более 730 научно-методических докладов. Мировая русистика сегодня имеет также и свою профессиональную организацию — МАПРЯИ с определенным юридическим статусом в ЮНЕСКО.

Известно, что изучение русского языка в Монголии было начато достаточно давно. Однако современные условия изучения русского языка в нашей стране коренным образом отличаются от прежних². Изменились цели и задачи овладения русским языком монголами. Русский язык для вас, монголов, служит надежным средством получения мировой научно-технической информации. Благодаря русскому языку мы ближе знако-

² Принципиальные вопросы целей и задач преподавания русского языка в МНР излагались нами в 1970—1978 гг. на страницах газеты «Үнэн» — Центрального органа МНРП и правительства МНР.

нимся с опытом строительства социализма и коммунизма в СССР, с трудами классиков марксизма-ленинизма и произведениями русской и советской литературы. Поэтому изучение русского языка в нашей стране, являясь одним из объективных условий строительства социализма, перерастает в широкое, массовое социальное движение. В условиях МНР русский язык сыграл и продолжает играть исключительную роль в культурной жизни народа. По словам Ю. Цеденбала, владеющие русским языком служат ныне одним из критериев образованности людей. Тысячи монгольских юношей и девушек приобщаются к современной науке и истории мировой цивилизации благодаря знанию русского языка. Сегодня в повседневной жизни монгольского народа нет такой хозяйственно-культурной области, где бы трудящиеся не нуждались в хорошем знании русского языка, ибо для нас, монголов, любой шаг вперед, всякий социальный прогресс немислим в отрыве от СССР и стран социалистического содружества. Именно с этой точки зрения распространение русского языка в МНР, да и во всем мире, представляет собой всемирно-исторический и закономерный процесс. Распространение русского языка в современном мире непосредственно переплетено с понятием мира и мирного сосуществования. В распространении русского языка в социалистической Монголии наш народ видит свое будущее, дальнейший социальный прогресс, условия построения социализма и коммунизма на древней монгольской земле. В этом кроется секрет огромного интереса нашего народа к русскому языку. Народ не хочет быть одноязычным и добровольно избрал для изучения язык великого Ленина!

С другой стороны, русский язык изучается в МНР не только как средство общения между людьми. Мы изучаем его и как объект, имеющий собственно лингвистическую ценность. Что это значит? Во-первых, по нашему глубокому убеждению, теоретической предпосылкой успешного развития современного монгольского языкознания в целом должна служить не какая-нибудь модная западная концепция, а богатая традициями русская и советская лингвистическая наука, зарекомендовавшая себя выдающимися достижениями в материалистическом объяснении языковых закономерностей. Ни для кого сегодня не секрет, что русский язык принадлежит к числу наиболее изученных мировых языков. Во-вторых, на фоне изученности русского языка в плане синхронии и диахронии, путем сопоставления и сравнения с ним мы глубже понимаем сущность лингвистической природы родного монгольского языка. Советская филологическая наука помогает нам правильно интерпретировать многие узловые проблемы современного

монгольского языкознания. Так, для монгольских языковедов, как и для советских лингвистов, основным принципом лингвистического исследования закономерностей монгольских языков служит в настоящее время принцип историзма. В разработке вопросов развития и совершенствования языков, билингвизма, психодилингвистики и социодилингвистики, а также вопроса изучения закономерностей функционирования национальных языков, в данном случае монгольского, мы, монгольские филологи, руководствуемся прежде всего теоретическими концепциями, разработанными опять-таки советскими языковедами. На наш взгляд, именно в последнее время советское языкознание добилось выдающихся успехов, как в области общей теории языкознания, так и особенно в лингвистической методологии. Таким образом, в разработке общелингвистических, теоретических проблем монгольское языкознание испытывает самое непосредственное, благотворное влияние со стороны советской языковедческой школы.

Современная лингвистическая практика и наш опыт сопоставительного исследования показали, что при контрастивном описании языков, когда лингвистическая природа одного языка подвергается языковедческому анализу через призму другого языка, мы получаем больше возможностей для выявления и объяснения некоторых особенностей родного языка, которые ускользают из виду при монолингвистическом анализе. Таким образом, глубоко справедливое высказывание Ю. Цеденбала о том, что изучение русского языка несколько не помешает всестороннему развитию родного монгольского, а, наоборот, что оно во многом будет способствовать этому развитию, подтверждается многолетним опытом преподавания русского языка в МНР.

Мировая практика преподавания любого иностранного языка свидетельствует о том, что в его преподавании и изучении существует специфика, которая обусловлена различиями двух контактирующих языковых систем — родного языка и иностранного. В соответствии с этим научно-методической основой изучения любого второго языка должно служить контрастивное описание двух языков, на базе которого разрабатывается методика преподавания иностранного языка. Монгольские методисты работают в этом плане уже не один десяток лет по трем основным направлениям. Это, во-первых, теория и практика сопоставительного описания русского и монгольского языков, во-вторых, теория и практика методики преподавания русского языка монгольским учащимся, в-третьих, теория и практика перевода с русского на монгольский и наоборот. В настоящее время в МНР имеется достаточное коли-

чество научно-методической литературы, созданной самими монгольскими русистами³. Научно-методическая работа в этом плане будет и впредь значительно углубляться и расширяться. В 1979 г. при Монгольском государственном университете создан Институт русского языка. Создание Института русского языка, на наш взгляд, должно служить основным условием повышения квалификации учителей русского языка, создания единой и наиболее рациональной системы подготовки кадров русистов, которые будут работать не только в общеобразовательных школах, спецтехникумах и вузах, но и в детских садах и яслях.

Вместе с тем мы должны указать на факты, свидетельствующие о том, что использование передового опыта советских языковедов-методистов не сводится у нас к простому копированию. Вот уже второй год идет экспериментальная проверка новой программы по русскому языку в общеобразовательной монгольской школе, в нее вносятся изменения, дополнения в связи с учетом родного языка учащихся-монголов. Усилиями преподавателей кафедры русского языка Монгольского государственного университета составлен и опубликован хороший учебник русского языка для студентов-филологов. Более того, за последние годы самими монгольскими русистами напи-

саны и опубликованы фундаментальные труды по принципам разработки лингвистических основ преподавания русского языка монголам. Прямая обязанность монгольских специалистов-русистов заключается в том, чтобы они внесли свою посильную лепту в благородное общее дело распространения русского языка в МНР, чтобы между нашими братскими народами не оставалось языкового барьера.

В заключение нам хотелось бы сделать следующие выводы. Изучение русского языка продвиговано самой жизнью, нашими насущными потребностями, поскольку владение русским языком является одним из объективных условий успешного строительства социализма в Монголии. Программы, учебники, учебные пособия и научные труды по русистике во все возрастающем масштабе создаются монгольскими русистами. Мы, монгольские русисты, полны решимости добиться еще больших успехов в благородном деле распространения русского языка в социалистической Монголии и тем самым внести свою лепту в большую науку, которая называется мировой русистикой. Исходя из вышесказанного, мы не можем согласиться с некоторыми высказываниями о роли изучения русского языка за рубежом, встречающимися в китайской печати.

Галсан С.,

ректор Института русского языка при Монгольском государственном университете

³ См.: «Библиографический указатель научно-методической литературы по русскому языку монгольских авторов», Улан-Батор, 1978.

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

В Институте русского языка АН СССР 11 января 1979 г. состоялся X ежегодный вечер чтения памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Во вступительном слове чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филин осветил роль В. В. Виноградова в развитии советского языкознания, подчеркнул многообразие творческих интересов выдающегося ученого, особо отметил значение его трудов по теории художественной речи, поэтической речи, стилистики, теории языковой формы. В докладах, прочитанных на чтениях, обсуждались различные проблемы поэтики, теории художественной речи, стилистики.

Доклад А. П. Чудакова (Москва) «В. В. Виноградов — теоретик художественной речи» был посвящен трудам В. В. Виноградова, в которых обоснована необходимость создания науки о языке художественной литературы и разработа-

ны основные положения этой науки, призванной стать, по мысли В. В. Виноградова, той опытной дисциплиной, охватывающей все факты, формы и типы речевых построений, через которую пролегает путь к созданию теории поэтической речи. Основываясь на работах В. В. Виноградова, опубликованных в конце 20-х годов и позже, а также на архивных материалах, докладчик наиболее подробно остановился на проблемах, связанных с разделом науки о речи (языке) художественных произведений, в задачу которого входит прежде всего разграничение таких основных модификаций, как монолог и диалог, и установление их типов. Особый теоретический интерес в ряду вопросов о структуре монолога и субъектах монологической речи представляла для В. В. Виноградова проблема сказовой организации текста. Докладчик подчеркнул, что В. В. Виноградовым была создана новая теория сказа, согласно которой

сказ подчиняется не только законам устного монолога и повествующего монолога, тяготеющего к формам книжности, но и принципам построения «образа автора» эпохи или литературной школы, а также законам композиционно-художественной структуры конкретного произведения. А. П. Чудаков осветил также разработку В. В. Виноградовым теории диалога, неразрывно связанной с проблемой изучения языка драмы.

Ю. В. Рождественский (Москва) в докладе «Проблемы риторики в стилистической концепции В. В. Виноградова» охарактеризовал ту теоретическую основу, на которой развивалась стилистическая концепция В. В. Виноградова, и показал, каким путем шел ученый в разработке принципов стилистического анализа произведений художественной литературы. Уже в раннем произведении «Натуралистический гротеск (сюжет и композиция повести „Нос“)» В. В. Виноградов строит анализ стиля на обособленных разбором литературного произведения ответах на вопросы, составляющие сущность риторического анализа речи: кто сказал? кому сказал? с какой целью сказал? о чем сказал? как сказал? каков эффект? В работах В. В. Виноградова впервые риторический метод был применен не к конкретной речи или конкретному лицу, а к литературно-художественному факту, и обоснованием ответов был метод сравнительно-исторического изучения текстов художественных произведений. Докладчик отметил, что В. В. Виноградов распространил сравнительно-историческое изучение целого текста (а не его элементов) на факты художественной прозы. Обратившись к анализу книги В. В. Виноградова «О художественной прозе», Ю. В. Рождественский наиболее подробно остановился на второй ее части — «Риторика и поэтика», где определено место риторики относительно поэтики и освещены судьбы риторики как нормативного учения, подчеркнув вывод В. В. Виноградова о том, что стиль всегда должен рассматриваться с точки зрения риторики, и лишь иногда, при создании в речи художественного вымысла, также и с точки зрения поэтики. Риторика является основой для исторического объяснения стилистических форм речи.

В докладе Л. И. Скворцова (Москва) «Художественная литература и нормы языка» в связи с общей проблемой развития норм русского литературного языка были рассмотрены вопросы о роли писателей в обогащении современного русского литературного языка (в том числе и языка художественной литературы), об отношении мастеров слова к нормам русской национальной речи. Развивая мысль В. В. Виноградова, утвер-

ждавшего, что писатель не может нарушать нормы общенациональной речи без глубоких на то оснований, докладчик подчеркнул, что точный стиль и слог писателя есть результат сознательного отношения к слову, вдумчивого изучения его различных смысловых оттенков. Поэт, писатель-художник умело и осознанно «взрывают» традиционную литературную норму, когда она противоречит новому содержанию; старое и новое в языке, драматически сталкиваясь, разрешают свой конфликт именно в творчестве писателя-мастера. В докладе было показано, какое выражение получила национально-художественная норма русской прозы в языке и стиле, в самой композиции эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир». Отметив, что Л. Толстой не принимал замкнутой логической схемы книжного языка и стремился к изображению живого произносимого слова и живой пульсирующей мысли, Л. И. Скворцов указал, что грамматические смещения, неточности и неправильности у Толстого всегда художественно оправданы и различны по своим функциям. Советские писатели творчески развивают традиции русской эпической прозы, но сознательное обращение некоторых современных авторов к сниженному просторечию в его литературно и эстетически не обработанных формах не может быть оправдано. Пути подлинного новаторства мастера-художника в пределах живой национальной традиции предопределяются знанием стилистических богатств русского языка и глубоким пониманием его внутреннего единства, подчеркнул докладчик.

А. Н. Кожин (Москва) в докладе «Стилевая ориентация средств языка» показал, что стилевой профиль текста определяется не структурно-языковым статусом речевого средства, а его употреблением, его ролью в структуре текста, его текстовой значимостью. Так, стилевой профиль научного изложения определяется не просто фактом присутствия терминологической лексики, а таким ее употреблением, при котором достигается необходимая всесторонность в описании характеризуемого явления. Одно и то же средство языка может быть показателем стилевой тональности различных типов речи: научной, публицистической, официально-деловой и т. п. Структурные приемы разветвления текста, указал докладчик, определяют направление стилевой ориентации средств языка, характер реализации смысловых и экспрессивных возможностей материального состава функциональных разновидностей русского литературного языка.

В докладе А. В. Федорова (Ленинград) «Некоторые лексико-семантические факторы смысловой многоплановости художественной речи» смысловая

многоплановость определяется как специфическое свойство художественной речи, состоящее в том, что она допускает и вызывает несколько разных осмыслений, возможность которых определяется не субъективным произволом читателя, а заложена в смысловой ткани по воле автора. Понятие многоплановости требует анализа того соотношения, в которое с составом целого — будь то лирическая пьеса или произведение большой формы (роман, поэма) — вступает отдельный его отрезок, заключающий в себе (именно как проявление многоплановости) тот или иной сдвиг привычных словесных или лирических связей. Докладчик остановился на двух типах смысловой многоплановости — оксюмороны и особо эксцентрической, по определению автора, метафоре. На материале поэтических текстов XIX—XX вв. было показано, что основной языковой особенностью оксюморона как типа многоплановости в реальной практике художественного творчества является неполная, неброская антонимичность его компонентов, тем более действенная, что она не приводит к алогизму, часто стоящему на грани комического. Характерным признаком особо эксцентрических метафор, возникающих в творчестве писателей, является осознваемое совмещение двух значений, прямого и переносного, причем переносное значение само неустойчиво, как бы двоится или троятся — и прежде всего в сознании читателя, приведенного к привычным словосочетаниям. В заключение А. В. Федоров подчеркнул, что уникальность или редкость рассмотренных в докладе сочетаний как условие их стилистической действенности в контексте целого, относится к составляющим их конкретным словам, а сам тип семантического построения может сохраняться и повторяться в творчестве поэта и прозаика, получая различное, не повторяющееся лексическое наполнение и при этом не теряя действенности.

А. И. Горшков (Москва) выступил с докладом на тему «Композиция художественного текста как объект лингвистического исследования». Опираясь на высказывания В. В. Виноградова о том, что в лингвистическом аспекте композиция выявляется и описывается как система динамического развертывания словесных рядов в сложном словесно-художественном единстве, докладчик показал, что лингвистический анализ композиции художественного текста может предусматривать выход за пределы данного текста или же осуществляться в пределах текста как замкнутого целого. Конкретное лингвистическое наполнение понятия «словесный ряд» не может быть во всех случаях одинаковым; оно зависит от типа исследуемого текста и от путей

и задач исследования. Если «словесные ряды» интерпретируются как смена и чередование разных форм и типов речи, разных стилей, то анализ композиции художественного текста предусматривает выход за пределы данного текста. При анализе художественного текста как замкнутого целого развертывание «словесных рядов» может предстать в виде смены и чередования звуковых, лексико-семантических и грамматических компонентов в плане параллелизма, повторности, противопоставления и т. п. Вопрос о композиции художественного текста как объекте лингвистического исследования имеет и четко выраженный исторический аспект, т. к. композиция художественного текста как система динамического развертывания и чередования разных форм и типов речи, разных стилей, определяется прежде всего литературно-художественным методом изображения действительности и свойственна в основном произведениям реалистической литературы. Докладчик подробно остановился на анализе произведения Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» — наиболее раннем ярком примере развертывания разнообразных словесных рядов в сложном единстве целого.

Е. А. Иванчикова (Москва) в докладе «Об изобразительных возможностях синтаксических средств в художественном тексте» поставила вопрос об эстетических потенциях синтаксических средств как способов выражения художественного содержания и изложила наблюдения над проявлением изобразительных свойств синтаксических форм в разных типах художественных текстов. Изобразительными докладчик называет такие синтаксические формы, которые своим символическим смыслом (а иногда и прямым своим значением) способствуют созданию определенного художественно-образного впечатления. Различаются две разновидности средств собственно изобразительного синтаксиса: а) приемы или способы интонационно-смыслового выделения и ритмомелодической организации участков текста (восклицания, возгласы, вопросы; сегментация, инверсия; синтаксические параллелизмы, перечисления, повторы, присоединения; разрыв или обрыв синтаксического движения) и б) средства синтаксической характеристики (воспроизведение устной-разговорной речи, стилизация, пародирование). В докладе было показано, что диапазон эстетического действия синтаксических средств оказывается достаточно широким. Синтаксическими средствами (выступающими самостоятельно или в соотношении с другими языковыми или стилистическими средствами) могут быть — в разных функциональных типах контекстов — объектно изображены и субъектно-оценочно

охарактеризованы герои литературного произведения, события и факты, описываемые картины и явления природы, неживые объекты художественной действительности.

Доклад А. Д. Григорьевой (Москва) «Прозаическое начало в поздней лирике Пушкина» был посвящен тому периоду творчества А. С. Пушкина, (конец 20-х — начало 30-х гг.), когда окончательно завершается формирование авторского образа Пушкина-реалиста, разрушающего традиционно сложившуюся перегородку между поэзией и прозой, вовлекающего прозаизмы в интимно-лирические тексты без всяких оговорок и объяснений. Развивая мысль В. В. Виноградова о том, что именно в этот период Пушкин решает историческую задачу разрушения стилистического формализма как основного тормоза в развитии реализма, А. Д. Григорьева обратилась к анализу тех стихотворных текстов, где поэт делает объектом описания свое душевное состояние и где прозаическое начало осознанно используется им как прием построения поэтического текста. В этих произведениях Пушкин ставит проблему неизбежной связи реалий мира и человеческой психики, определяет значение прямого наименования реалий в поэтической речи как средства, отражающего связь сознания и действительности. Одновременно поэт решает вопрос о норме литературного языка, о месте в нем различных функциональных стилей, вопрос о нейтральной форме собственного повествования (беспризнаковый стиль). Наиболее подробно А. Д. Григорьева остановилась на анализе стихотворения «Румяный критик мой, насмешник толстоузый» (1830 г.), в котором, по определению докладчика, заложены вещественные основы новой поэтики — поэтики «грубых» реалий, бытовых, не прикрытых условными формами ситуаций, безгранично расширяющих выразительные возможности поэзии.

Закрывая чтения, председатель Комиссии по Виноградовским чтениям Н. Ю. Шведова отметила, что академик В. В. Виноградов оставил огромное теоретическое наследие в виде работ, мыслей, идей, которые плодотворно развиваются в трудах советских лингвистов. Проводимые ежегодно Виноградовские чтения — дань уважения памяти выдающегося ученого.

Полностью доклады будут опубликованы в сборнике «Русский язык: проблемы художественной речи; лексикология и лексикография (Виноградовские чтения IX—X)».

Белоусова А. С. (Москва)

21—22 ноября 1978 г. в Институте востоковедения АН СССР проходил симпозиум на тему «Развитие языков зарубежного Востока в послевоенный период», организованный Отделом языков. В симпозиуме приняли участие социолингвисты из Москвы, Ленинграда, Ташкента и Душанбе. Было заслушано и обсуждено 32 доклада.

Во вступительном слове И. Ф. Вадудль (Москва) отметил актуальность проблем, вынесенных на обсуждение, и подчеркнул важность дискуссии для выявления общих тенденций в развитии языков Азии и Африки. Л. Б. Никольский (Москва) в докладе «Общие тенденции и факторы развития языков на зарубежном Востоке в послевоенный период» сделал попытку установить характер изменений в восточных языках и тенденций их развития в условиях независимости и рассмотрел экстралингвистические факторы языкового развития (расширение коммуникативных функций автохтонных языков, потребности номинации в связи с НТР, языковые контакты), а также выдвинул ряд других актуальных проблем.

Значительное внимание было уделено докладчиками проблемам воздействия экстралингвистических и интратрилингвистических факторов на языковое развитие. В докладе М. И. Исаева (Москва) «О внешних и внутренних факторах языкового развития» были охарактеризованы различные точки зрения на языковое развитие; докладчик остановился в этой связи на опыте языкового строительства в многонациональном Советском государстве. Вопросам соотношения интратрилингвистических и экстралингвистических факторов развития языка при выборе диалекта в качестве опорного в процессе становления современного японского национального языка был посвящен доклад Н. А. Сыромятникова (Москва). Ту же проблему, в частности, комплексное воздействие этих факторов на грамматическую категорию рода имен существительных на материале языков хинди и русского рассмотрел А. Т. Аксенов (Москва). Л. В. Хохлова (Москва) проанализировала отношение языков хинди и раджастхани в штате Раджастан в условиях, когда официальным языком, выполняющим многие коммуникативные функции, является хинди, а раджастхани — родной язык большей части населения штата. Н. А. Дворянов (Москва) посвятил свой доклад вопросу о влиянии революционных событий в Афганистане на языковую ситуацию и решение национально-языковых вопросов. В докладе В. М. Алатова (Мо-

сква) показано, как социальные изменения в японском обществе после 1945 г. отразились в изменении системы форм вежливости японского языка.

Ряд докладов были посвящен проблемам влияния социальных факторов на развитие лексики конкретных языков. И. Д. Ск о р б а т ю к (Москва) проанализировал изменения в литературном языке КНДР и Южной Кореи, а также лингвистические последствия взятия перогографии в КНДР. Об изменении и обогащении общественно-политической лексики в общем процессе развития языка дари говорил Р. Д. Дж у р а е в (Ленинград). Анализ факторов (переход к новому алфавиту на основе русской графики, ликвидация неграмотности населения, развитие культуры и т. д.), способствовавших обогащению лексики таджикского языка, и способов образования неологизмов в современном таджикском литературном языке был предметом доклада. Н. А. Ш а р о п о в а (Душанбе). Ю. А. Р у б и н ч и к (Москва) рассмотрел основные особенности формирования и развития лексики персидского языка. Охарактеризовав две тенденции в развитии его лексической системы — дальнейшую демократизацию словарного состава и сокращение количества книжной и архаичной лексики — докладчик подробно остановился на главной особенности — бурном росте лексики персидского языка и прежде всего его терминологического состава. Конкретно пинованием в лексике персидского литературного языка за период его развития с 1935 по 1977 г. г. был посвящен доклад М. С. У з и н о й (Москва), в котором на примере неологизмов анализируется соотношение двух параллельных процессов — стихийного развития лексики и сознательно регулируемого словотворчества (деятельность Академии языка и литературы в 1935—1941 гг. и Академии языка, созданной в 1970 г.). В докладе Е. А. К о в д р а ш к и н о й (Москва) рассматривается характер лексических изменений современного индонезийского языка, которые тесно связаны с социальными процессами, происходящими в индонезийском обществе, и являются их отражением. С. А. С о к о л о в (Москва) в своем докладе остановился на вопросе создания, апробации и закрепления в турецком языке неологизмов и формирования в их сфере системных семантических отношений, к которым автор относит синонимические, антонимические и градационные. Влияние массовой информации на развитие лексики современного японского языка, проблема общего языка и его связи с национальным литературным языком, отношения последнего с сохранившимися очагами диалектов обсуждался в докладе С. В. Н е в е р о в а (Москва).

Три доклада были посвящены анализу развития терминологии. Я. С. Х а ц а р е в и ч (Москва) коснулся некоторых аспектов вопроса влияния НТР на развитие лексики научно-технической и патентной литературы по материалам японской периодики за 1970—1978 гг. и высказал мнение, что одним из его результатов явилось создание собственно японской терминологии научно-технической интеллигенцией. Источники пополнения и особенности функционирования книжной лексики современного литературного хинди рассматривались А. Н. Ш а м а т о в ы м (Ташкент) на примере языковедческих текстов в пределах трех диахронических срезов — 50-х, 60-х и 70-х годов. В. М. Б е л к и н (Москва) анализировал общие закономерности развития и формирования научно-технической терминологии, характерные для арабского литературного языка послевоенного периода, с учетом основного терминологического противоречия арабского национального языка — наличия двух резко противопоставленных систем терминологий: разговорно-диалектной и письменно-литературной.

Анализу изменения языковой ситуации были посвящены два доклада. Новейшие явления эволюции современного тагальского языка, проявляющиеся в усилении проникновения английских заимствований и слов из родственных ему других филиппинских языков, а также в изменении частотности использования отдельных грамматических форм, были рассмотрены В. А. М а к а р е н к о (Москва). С. Х. К я м и л е в (Москва) остановился на анализе послевоенной языковой ситуации в арабском мире, подчеркнув, что каждая из арабских стран при определении своей языковой политики должна исходить не только из специфических особенностей своей языковой ситуации, но и учитывать «общеарабскую» языковую ситуацию.

Ряд докладов симпозиума был посвящен рассмотрению результатов контактирования различных языков. Процесс вхождения англицизмов (прямых заимствований) в язык урду, степень и характер их ассимиляции, влияние заимствований на лексику-семантическую систему языка урду, т. е. их роль как одного из социолингвистических факторов ее развития, были предметом исследования в докладе Т. Х. Х а л м у р з а е в а (Ташкент). Р. Ф. Т а р а с е н к о (Москва) коснулась изменений, происшедших в развитии языка уйгуров Синцзян-Уйгурского автономного района КНР (реформа письменности, переориентация источника пополнения лексики и письменной формы уйгурского языка с одного говора на другой и т. д.) и некоторых результатов взаимодействия его с китайским языком. Наблю-

деция над состоянием шугнанского языка, наиболее распространенного из всех памирских языков на территории СССР, характером его взаимоотношений с русским и таджикским языками были изложены в докладе С. В. Хушеновой (Душанбе). М. С. Андроновым (Москва) были рассмотрены некоторые тенденции развития тамильского языка в новое время под воздействием тесных контактов как с европейскими (португальский, голландский, французский, английский) языками, так и с санскритом и родственными дравидийскими языками.

Частные вопросы, касающиеся некоторых внутривидовых изменений в языке, были затронуты в докладе А. С. Геселкина (Москва) на материале индонезийского языка и в выступлении Р. Р. Юсиповой (Москва) на примере турецкого языка. Об основных чертах и особенностях разговорного стиля китайского языка, а также о важных, но не решенных еще проблемах его изучения и научного описания, говорил в своем докладе В. И. Горелов (Москва). Вопросы становления синтаксической нормы современного хинди проанализировал В. А. Чернышев (Москва). Докладчик отметил, что к тому времени, когда хинди получил статус официального языка Индии (1950 г.), его синтаксическую норму можно было считать сложившейся. А. С. Игнатьев (Москва) проследил тенденцию становления арабской ораторской речи в Египте в послевоенный период как самостоятельного функционально-стилистического образования. Ю. Л. Благодярова (Москва) предложила конкретную методiku выявления интеграционных и интерферентных явлений в тайских языках, отметив, что эти явления существенно влияют на функционирование и развитие языка. Некоторые аспекты функционального развития памирских языков на современном этапе, а именно — их взаимодействие в условиях трехязычия большинства памирцев — нашли отражение в докладе Д. Карамшоева (Душанбе).

Подводя итоги симпозиума, Л. Б. Никольский подчеркнул важность и актуальность проблематики докладов, которые показали, что развитие языков и языковых ситуаций в разных странах имеет общие закономерности. Вместе с тем, такие вопросы, как например, изучение разговорных языков, механизм взаимодействия внешних и внутренних факторов не получили достаточного освещения в ходе работы симпозиума.

Кондрашкина Е. А., Узина М. С.
(Москва)

22—24 мая 1979 г. в Ташкенте состоялась Всесоюзная научно-теоретическая конференция «Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР». Она была посвящена проблемам дальнейшего улучшения изучения и преподавания русского языка в национальных республиках как испытанного средства международного общения, укрепления дружбы и сотрудничества народов нашей страны. Конференция была организована Академией наук СССР, Министерством просвещения СССР, Министерством высшего и среднего специального образования СССР, Государственным комитетом СССР по профессионально-техническому образованию. В ее работе приняли участие видные ученые-филологи, руководящие партийные и советские работники, министры просвещения, министры высшего и среднего специального образования из братских республик, секретари обкомов партии, профсоюзные и комсомольские работники, председатели комитетов и специалисты профессионально-технического образования, руководители школ и вузов, представители издательства, органов печати, радиовещания и телевидения, преподаватели русского языка школ и вузов страны.

Конференцию открыл председатель оргкомитета по ее проведению акад. М. Б. Храпченко. Он охарактеризовал задачи, стоящие перед конференцией, и указал на одну из основных целей ее проведения — наряду с обсуждением общеполитических и теоретических проблем выработать практические рекомендации, направленные на всестороннее совершенствование изучения и преподавания русского языка в национальных республиках.

С большим вниманием участники конференции заслушали приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева. Как отметил в своей речи кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов, приветствие Л. И. Брежнева — яркое свидетельство постоянной заботы нашей партии о воспитании советских людей в духе коммунистической сознательности и интернационализма. Оно является боевой программой действий всех партийных организаций, советской системы просвещения, мощным стимулом для всемерного углубления работы по изучению и преподаванию русского языка.

Вице-президент АН СССР акад. П. Н. Федосеев в своем выступлении говорил о том исключительно важном значении, которое придает Президиум АН СССР проблеме функциони-

рования русского языка в роли языка межнационального общения. Он указал, что Президиум АН СССР уделяет постоянное внимание научной разработке этой проблемы в ведущих лингвистических институтах АН, принимает эффективные меры, содействующие улучшению координации научных исследований в этой области с научными учреждениями союзных республик.

С докладом «Язык нашего единства и братства» на пленарном заседании выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов. Он сказал, что выдвижение русского языка на роль языка межнационального общения — объективная необходимость строительства нового общества, ибо социализм создается согласованными действиями всех наций и народностей страны.

Язык межнационального общения — явление, предопределяемое сущностью социализма, качественно новыми отношениями между нациями и народностями. Русский язык как средство межнационального общения не ущемляет и не оттесняет национальные языки. Наоборот, он помогает им в своем дальнейшем совершенствовании. Вопросы изучения и преподавания русского языка, указал Ш. Р. Рашидов, занимают важное место в деятельности ленинской партии по коммунистическому воспитанию масс.

На пленарном заседании был заслушан доклад «Пути дальнейшего улучшения изучения и преподавания русского языка в союзных республиках» министра просвещения СССР М. А. Прокофьева и выступления секретаря ЦК Компартии Казахстана С. Н. Имашева, Литвы Л. К. Шенетиса, Киргизии К. Н. Кулматова, президента АПН СССР акад. В. Н. Столетова, заместителя министра высшего и среднего специального образования СССР Н. С. Егорова, председателя Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию А. А. Булгакова, директора Института русского языка АН СССР чл.-корр. Ф. П. Филина, секретаря ЦК ВЛКСМ Э. Г. Новожиловой, первого заместителя министра просвещения РСФСР Н. В. Александрова, министров просвещения Украины, Белоруссии, Узбекистана, Грузии, Армении, Латвии, Туркмении и других делегатов.

В докладе М. А. Прокофьева раскрываются пути достижения свободного владения русским языком, описывается передовой опыт изучения и преподавания русского языка в дошкольных учреждениях и в средней школе, ставятся конкретные задачи для решения этой важной общегосударственной проблемы. В нем рассматриваются недостатки, имеющиеся в деле изучения и преподавания русского языка в республиках.

Докладчик предлагает для оказания существенной помощи учителям русского языка создать и оснастить в школах кабинеты русского языка, выпустить централизованно часть пособий по русскому языку, повысить квалификацию работающих учителей, распространить опыт ряда областей и республик, сданировавших специальные курсы повышения квалификации учителей начальной школы, дифференцированные по степени владения языком. М. А. Прокофьев подвел итоги опыта ряда республик, создавших школы с параллельными — русским и национальными — языками обучения и углубленным преподаванием русского языка. Он указывает, что этот опыт необходимо расширить, так как подобные школы способствуют успешному интернациональному воспитанию учащихся и качественному овладению русским языком.

Президент АПН СССР акад. В. Н. Столетов отметил, что основной задачей методистов на сегодня остается создание оптимальной системы обучения русскому языку учащихся нерусской национальности. Он сообщил, что учеными составлены необходимые словари-минимумы русского языка, на основе которых разработана типовая программа по русскому языку. Создаются типовые учебники и учебно-методические комплексы, варианты различных учебных словарей, совершенствуются технические средства обучения. Начато фундаментальное исследование принципов методики преподавания русского языка в школах союзных и автономных республик, с позиций педагогики разрабатываются принципы и приемы лингвистического описания русского языка, ведутся сопоставительные, типологические и сравнительно-исторические исследования русского и родного языков. Большое внимание уделяется разработке методов и приемов активизации русской речи учащихся.

Директор Института русского языка АН СССР Ф. П. Филин успехи в преподавании русского языка связывает с состоянием научной базы. По его мнению, развитие науки о русском языке, накопленные знания должны помочь поднять уровень преподавания русского языка в целом. С этой целью в Институте русского языка АН СССР и почти во всех лингвистических институтах АН союзных республик созданы специальные подразделения, перед которыми поставлена научно-практическая задача — обеспечить сеть народного просвещения союзных республик высококачественными пособиями по русскому языку, а высшие учебные заведения и научно-исследовательские институты — квалифицированными кадрами специалистов. Впервые в истории науки о русском языке создана однотомная энциклопедия «Русский язык», рассчитанная на всех, кто стре-

мится пополнить свои знания по русскому языку. На основе Академической грамматики русского языка, которая выходит в свет в 1980 г., будет создана краткая научно-популярная грамматика. В дальнейшем развернется работа по применению этой грамматики в национальных республиках с учетом особенностей каждого из национальных языков. В ответственной деле — подготовке научных кадров — Институт русского языка, по мнению докладчика, может ежегодно принимать по 30—40 человек из союзных республик в целевую аспирантуру и на стажировку.

Хорошо подготовленные кадры педагогов и высококачественные учебные пособия явятся решающим условием дальнейшего расцвета и укрепления позиций всех национальных языков и полного овладения русским языком всем населением нашей многонациональной страны.

Работа конференции проходила в семи секциях. Было заслушано более 140 докладов. Итоги работы секций были подведены на заключительном пленарном заседании первым заместителем министра просвещения СССР Ф. Г. Папачиным. Участники секции «Дошкольная подготовка детей по русскому языку» (руководитель — заместитель министра просвещения СССР М. И. Журавлева) одобрили предложения об организации изучения наряду с родным русским языком в старших группах детских садов, наметили меры по подготовке и подбору воспитателей и учителей, созданию и выпуску необходимых программно-методических учебных материалов.

На секции «Совершенствование изучения и преподавания русского языка в общеобразовательной национальной школе» (руководитель — заместитель министра просвещения СССР В. М. Коротов) участники дискуссии пришли к единому мнению о целесообразности организации подготовительных классов, школ и классов с углубленным изучением русского языка, школ с параллельными — русским и национальными — языками обучения.

Секция «Совершенствование преподавания русского языка в высших и средних специальных учебных заведениях союзных республик» (руководитель — заместитель министра высшего и среднего специального образования СССР Н. С. Егоров) одобрила опыт работы университетов и институтов, в которых осуществляется частичный перевод преподавания отдельных дисциплин на русский язык и где выделяется дополнительное время на изучение русского языка. Внесено предложение расширить целевую аспирантуру из числа национальных кадров.

На секции «Учебники русского языка и учебные пособия для национальных школ» (руководитель — первый замести-

тель министра просвещения СССР Ф. Г. Папачин) говорилось о необходимости подготовки и издания типовых учебников по русскому языку и литературе, библиотек для учителей в национальных школах, создании библиотечных фондов учебно-методической литературы в школах и других учебных заведениях, увеличении названий и тиражей книг для учащихся в серии «Школьная библиотека» на русском языке, более полном обеспечении этой литературой школ, особенно сельских.

На заседаниях секции «Улучшение изучения и преподавания русского языка в учебных заведениях профтехобразования» (руководитель — заместитель председателя Государственного комитета СССР по профтехобразованию П. Д. Селиванов) признано целесообразным, как и в средних национальных школах, организовать преподавание отдельных дисциплин, в том числе специальных, на русском языке, проводить частичное перераспределение учебного времени для более глубокого изучения русского языка.

Участники секции «Вопросы подготовки и переподготовки учителей русского языка» (руководитель — член коллегии, начальник Управления учебных заведений Министерства просвещения СССР В. К. Розов) подвергли критике существующие учебные планы, программы и учебные пособия педвузов и педучилищ, обсудили проблемы дальнейшего совершенствования учебного процесса, предложили организовать стажировку студентов национальных вузов в русских, украинских и белорусских вузах.

Секция «Роль средств массовой информации в повышении уровня изучения русского языка в союзных республиках» (руководитель — член коллегии Госкомитета СССР по телевидению и радиовещанию В. В. Егоров) выработала конкретные предложения в области пропаганды и оказания помощи педагогам, учащимся, работающей молодежи, всему населению национальных республик в изучении русского языка.

На конференции была организована выставка учебной литературы и технических средств обучения, на которой проходил активный обмен опытом. Работа этой выставки по существу представляла восьмую секцию конференции. На конференции были приняты Рекомендации, направленные на дальнейшее совершенствование преподавания и изучения русского языка в национальных республиках.

В заключительном слове вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев подвел основные итоги работы конференции. Он отметил, что конференция, прошедшая на высоком научно-теоретическом уровне и обобщившая успешный опыт изучения и преподавания русского языка в национальных школах и вузах, по

существо открыла новый этап в изучении русского языка как средства межнационального общения. Она перенесла центр тяжести всей работы в область осуществления принятой на ней обширной программы практических мероприятий. В настоящее время, указал П. Н. Федосеев, в стране имеются все условия для развернутого комплексного решения задачи улучшения изучения и преподавания русского языка в национальных республиках.

Претворение этих идей в жизнь связано с налаживанием хорошо скоординированной совместной работы научных учреждений, соответствующих министерств и ведомств при дальнейшем последова-

тельном соблюдении ленинских принципов национальной политики, гармонического развития национально-русского двуязычия, сочетания интернационального и национального.

Конференция, указал П. Н. Федосеев, займет особое место в развертывании изучения функционирования русского языка в союзных и автономных республиках.

Участники конференции приняли приветственное письмо ЦК КПСС, Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу.

Иванова В. А. (Москва)

CONTENTS

Articles: Denisov P. N. (Moscow). On the study of V. I. Lenin's language; Filin F. P. (Moscow). Contradictions and development of language; **Discussions:** Savchenko A. N. (Rostov-on-Don). Speech and mental imagery; Komlev N. G. (Moscow). Friedrich Kainz and the status of language psychology; Lapteva O. A. (Moscow). Grammar of an oral utterance; Zemskaja E. A., Syrjaev E. N. (Moscow). Casual and public speech: colloquial or codified?; Glusak T. S., Semenova S. K. (Minsk). On the status of functional-semantic categories in language; **Materials and notes:** Mustajoki A. (Helsinki). The notion of «conventional accent» and types of noun-accent in Russian; Partenadze M. H. (Batumi). Principles of selecting dialect words for dictionaries of standard languages; Stecenko A. N. (Moscow), Xolodov N. N. (Smolensk). The main trends in the development of parataxis in Russian; Domashev A. I. (Leningrad). The structure of modern German in the works of Acad. V. M. Zirmunskij; Skacel J., Sustek E. (Ostrava). The Russian language in the Czechoslovak Socialist Republic (based on a survey of the Ostrava industrial region); **Surveys:** Hubacek J. (Ostrava). On the tradition in the study of slang in Czech; **Reviews; Scientific life.**

SOMMAIRE

Articles: Denisov P. N. (Moscou). Sur l'étude de la langue de V. I. Lénine; Filin F. P. (Moscou). Contradictions et développement linguistique; **Discussions:** Savchenko A. N. (Rostov-sur-Don). Discours et pensée par images; Komlev N. G. (Moscou). Friedrich Kainz et statut de psychologie de la langue; Lapteva O. A. (Moscou). Grammaire de l'énoncé oral; Zemskaja E. A., Syrjaev E. N. (Moscou) Le langage oral public, est-il codifié; Glusak T. S., Semenova S. K. (Minsk). Sur le statut des catégories sémantiques fonctionnelles de la langue; **Matériaux et notices:** Mustajoki A. (Helsinki). Notion d'«accent conventionnel» et types d'accents des substantifs russes; Partenadze M. H. (Batumi). Principes de choix des mots dialectaux pour les dictionnaires des langues littéraires; Stecenko A. N. (Moscou), Xolodov N. N. (Smolensk). Tendances principales de la coordination en russe; Domashev A. I. (Léningrad). Présentation de la structure de l'allemand moderne dans les ouvrages de l'acad. V. M. Zirmunskij; Skacel J., Sustek E. (Ostrava). La langue russe en Tchechoslovaquie (basé sur l'investigation de la région industrielle d'Ostrava); **Revue:** Hubacek J. (Ostrava). À propos des traditions des études de l'argot en tchèque; **Comptes rendus; Vie scientifique.**

Технический редактор Т. Н. Сенченко

Сдано в набор 29.12.79 Подписано к печати 06.03.80. Т-05237 Формат бумаги 70×108^{1/16}
Высокая печать Усл. печ. л. 14,0 Уч.-изд. л. 15,6 Бум. л. 5 Тираж 7120 экз. Зак. 2620

Издательство «Наука», 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 421099 Москва, Шубинский пер., 10